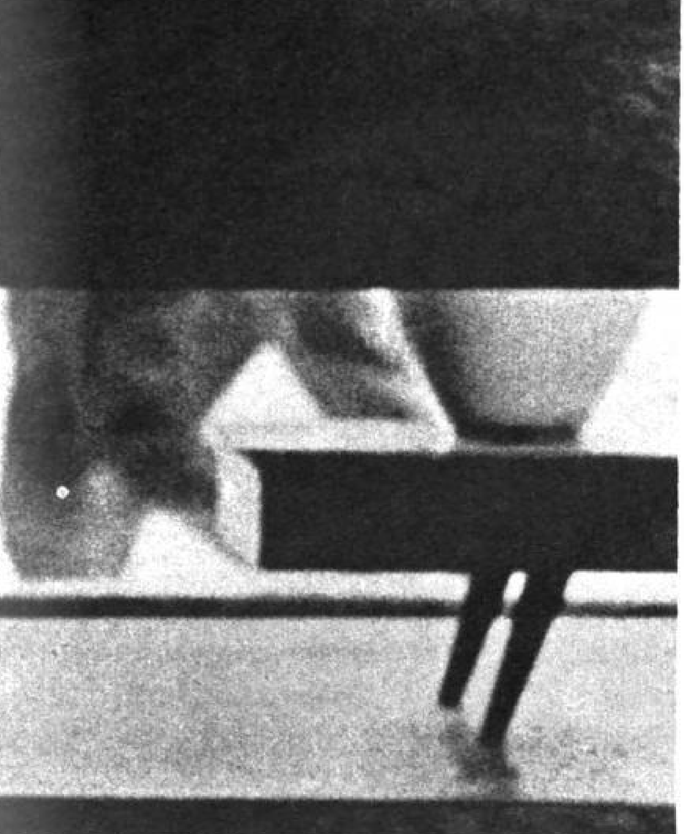

ОГОНЁК
№ 31 ИЮЛЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
073

за витринами уни

Магазин начинается с витрины.

вермага

Директор универмага И. И. Коленников появляется ровно в девять.

На «летучке» у коммерческого директора о куклах говорят всерьез.

Ане Федько из бюро добрых услуг одним телефоном не обойтись.

Перед встречей с покупателями.

Как выглядят платья, поступившие в продажу?

В минувшее воскресенье страна впервые отметила День работника торговли. Мы публикуем репортаж о жизни большого коллектива Центрального универмага в столице Белоруссии.

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

Фото А. УЗЛЯНА.

30 тысяч покупок в день. 30 тысяч праздников. Пусть не всегда больших, но все равно праздников. И каждый из них — будь то приобретение пианино или покупка запонок — надо готовить тщательно и умно. Посетители центрального универмага «Минск» и не представляют себе, как это сложно.

«Минск» открывается в одиннадцать часов, а рабочий день здесь с девяти. Ровно в девять появляется и обходит «свои владения» директор Иван Иванович Коленников; уборщицы наводят блеск на этажах; гудками просятся в «цумовский» двор грузовики с контейнерами; начинают хлопотать продавщицы и продавцы — получают товары, раскладывают их, еще раз придирчиво оглядывают свои туалеты. К встрече с покупателями надо готовиться каждый раз заново.

Да, покупатель — натура сложная. Что ни день, он все разборчивее и требовательнее. Ко всему абсолютно — к оформлению витрин, к содержимому полок, к остроте реакции на запросы покупателя, даже к манерам продавцов. Закономерно и отрадно! Значит, лучше стали мы жить, коль не хотим довольствоваться «валом». И надо предлагать именно то, о чем мечтаем, чего ждем, на что терпеливо копим деньги. В этом смысл усилий семисот работников ЦУМа.

Время близится к десяти. Директор собирается на радиозавод. У него налажены прямые связи с промышленностью. Два директора, Коленников и Захаренко, встречаются как добрые знакомые. А почему и не быть тут дружбе? На такой завод жаловаться грех. Отзывы отличные. А если случаются претензии, тут же немедленно принимаются меры. Что же касается непрестанного обновления товаров, то радиозавод тоже настроился на современную волну.

Не очень давно И. И. Коленников предложил:

— Покупатели все время просят недорогой приемник, и хороший, конечно. Взялись бы!

На заводе «взялись» и во внеплановом порядке сконструировали «Гайну» — как раз то, что надо. Сегодня Коленникову сообщили, что у «Гайны» испытания позади. Приемник скоро появится на конвейере, а оттуда до ЦУМа рукой подать.

Директор уехал удовлетворенный. Вот это и есть прямые связи — дельное сотрудничество без промежуточных тупиков, без бумажной запруды. Лицом к лицу с жизнью.

А вот еще одна сторона тесного контакта конвейера с прилавком.

Минчане, ставшие владельцами телевизоров и разных радиотоваров, принимают как должное квалифицированные советы продавца Бурко и его коллег. Благодарят и уходят удовлетворенные. Однако им даже в голову не приходит, что с продавцами на общественных началах долго и кропотливо занима-

лась группа специалистов радиозавода. Оценки за пройденный курс ставят сами покупатели.

Экзамены, экзамены... Здесь они тоже без конца фигурируют в расписании невидимой покупателю жизни универмага. Нынче утром друзья собрались в зале, чтобы поздравить с получением дипломов продавщицу Лиду Самбор и старшую продавщицу Зину Матюш, выпускниц Ленинградского института советской торговли, и заведующего секцией Анатолия Тишкевича, окончившего Белорусский институт народного хозяйства. Сейчас в ЦУМе более шестидесяти человек с высшим образованием, а со средним специальным — около двухсот. Статистика вполне современная!

Вузы и техникумы — еще не все. 12 различных школ профессионального уклона работают в самом универмаге, в том числе школа иностранного языка. Ее посещают почти все. Таково веление времени.

Но учеба — занятие вечернее, а днем иные заботы. В 11.30 товароведы собираются у коммерческого директора Ивана Семеновича Гарбузова. Тут раз в неделю проверяется ритм товарооборота, выясняются причины опасной закупорки на одних полках и острой недостаточности на других. Выступают Галина Дыбчо, Зоя Бруяко, Иван Семенович Гарбузов. Говорят и приятное и горькое: «разбита» судьба кукол, к которым не тянутся руки малышей, а новая ткань — именинница: едва она появилась, началось паломничество модниц. Совещание выносит приговоры. Подчас суровые. Сегодня, например, решено отправить обратно витебской фабрике «Знамя индустриализации» два контейнера с мужскими демисезонными пальто. Фабрика нарушила пункт договора насчет расцветок — получай своих одномастных близнецов назад! Строго, бескомпромиссно. Иначе нельзя!

План дня в ЦУМе привыкли выполнять точно. В половине первого заведующий отделом обуви Владимир Алексеевич Самуленков принимает «полпреда» обувного объединения «Луч», инженера Новицкого. Оба инкогнито отправляются в торговый зал и наблюдают, как продается минская обувь. Потом спорят о новых моделях, а завершают беседу у начальника планового отдела универмага Анатолия Васильевича Лавинского — с ним непременно следует согласовать заказы к осенне-зимнему сезону.

В «штабе», у директора ЦУМа, идет оживленный разговор о всяких новинках в работе. С недавних пор магнитофоны рекламируют товары ЦУМа на предприятиях города. Может, стоит использовать рекламные записи и на стройках и в научных центрах? Надо закрепить хорошее начинание бюро добрых услуг. К 20-летию Победы по инициативе Колленникова собрали заказы Героев Советского Союза, инвалидов Великой Отечественной войны и всем доставили товары на дом. А почему бы не позаботиться и о ветеранах труда?! И еще одна мечта у директора — открыть парикмахерский зал для сотрудников. Культура обслуживания, на его взгляд, обязательно должна дополняться внешним видом продавца, потому что покупателю небезразличны его одежда и прическа. Недаром столько споров было весной, какие халаты шить продавщицам на лето: скромные, одноцветные, или по-домашнему милые, голубые с белым горошком. Сшили голубые.

А теперь вот директор мечтает о салоне. Значит, будет и салон.

Расчетами на завтра, размышлениями о завтрашних вкусах, завтрашних возможностях промышленности заполнены будни универмага. И не удивительно, что минский ЦУМ хвалили на недавнем всесоюзном совещании работников торговли в Москве. Там же директору вручили орден Трудового Красного Знамени.

Завтра воскресенье. Особое воскресенье. Отныне у работников минских промтоварных магазинов оно становится выходным днем. Как проведут его сотрудники ЦУМа? Одни — за книгой, другие — в лесной благодати. У третьих — торжества. У Вали Соловей, например, свадьба. Однако все это завтра. А сегодня в торговом доме на Ленинском проспекте белорусской столицы большие заботы о том, чтобы праздников у людей было больше.

У ТАН В МОСКВЕ

По приглашению Советского правительства в Москву прибыл генеральный секретарь Организации Объединенных Наций У Тан.

У Тан заявил, что цель его визита обсудить с руководителями Советского Союза пути и средства улучшения международной обстановки.

На снимке: Москва. Кремль. 26 июля. Прием У Тана Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным.

Фото А. Гостева.

Молодая двадцатидвухлетняя народная Польша в этом году торжественно отмечает тысячелетие польского государства. Этот год стал для страны годом новых успехов в социалистическом строительстве и веселых празднеств. 22 июля в Варшаве в ознаменование юбилейной даты состоялся военный парад и молодежное шествие.

В Находку приехала большая группа рыбаков из Демократической Республики Вьетнам. Их советские коллеги охотно рассказывают о своем опыте в рыбацкой профессии. Неизменны наши чувства симпатии и дружбы к вьетнамцам, ведущим героическую борьбу с американскими агрессорами.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 31 (2040)

31 ИЮЛЯ 1966

▶ Официальная Америка душит свободу всюду — и за рубежами и у себя дома. Вот один из эпизодов борьбы американских негров за равноправие. Снимок сделан в Кливленде (штат Огайо), где недавно по черному гетто прокатились негритянские волнения. Полиция была на страже расистских порядков.

В Братиславе, у памятника советским воинам, павшим в боях за освобождение Словакии, всегда цветы. На этот раз их принесли советские школьники, которые совершают поездку по братской земле Чехословакии.

На днях в Москве перед советскими журналистами выступил глава Постоянного представительства Национального фронта освобождения Южного Вьетнама в СССР Данг Куанг Минь. Он рассказал о том, что творят американские варвары. Его выступление, розданные документы, кинофильм, показанный журналистам, еще раз свидетельствовали о гнусной деятельности агрессоров из главной страны капитализма — Соединенных Штатов.

Так выглядели улицы греческого города Салоники, когда там вспыхнуло столкновение между полицией и крестьянами. Крестьяне протестовали против политики правительства в области закупочных цен. После нападения полиции десятки людей были арестованы, многие получили ранения.

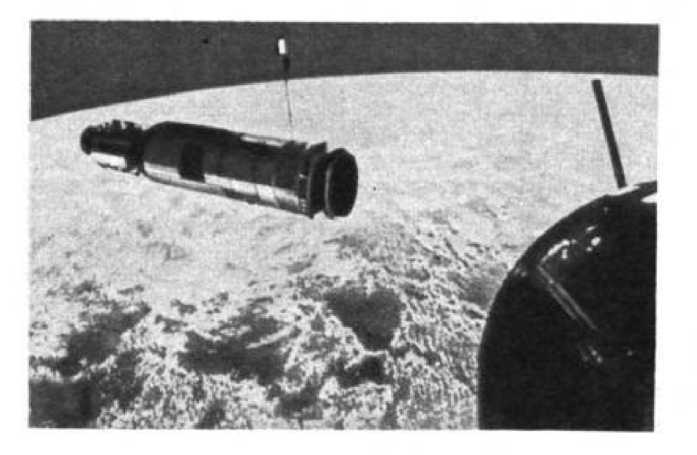
Город Агридженто на острове Сицилия очень древен — ему две с половиной тысячи лет. Но природа не испытывает уважения к возрасту. Недавно из-за того, что грунтовые воды подмыли глину под каменным основанием, на котором стоят городские здания, в земле появились трещины, и несколько домов рухнуло.

Еще один снимок о буйстве природы. Он сделан в Гонконге, где потоки воды после сильных дождей снесли в кучу вот эти автомашины.

Фотография сделана из космического корабля «Джемини-10» в момент, когда американские космонавты Джон Янг и Майкл Коллинз совершали операцию по сближению «Джемини» и «Агены».

Фото ТАСС, ЮПИ, Г. Санько, журнала «Лайф».

Семидесятисемилетний факир Лаксман Сандра Рао объявил недавно, что он, подобно Христу, пройдет пешком по воде. Его эксперимент привлек большое внимание любителей чудес, среди которых были представители печати, радио и телевидения.

Перед началом эксперимента Рао проглотил несколько ржавых гвоздей, выпил стакан кислоты и затем по раскаленным углям направился к бассейну. Четверть часа факир «концентрировался» на краю бассейна и затем ступил на поверхность воды. То, что произошло затем, вы видите на фотоснимке: Рао погрузился на дно.

Факир заявил, что была допущена небольшая ошибка при подготовке к эксперименту. В ближайшее время Рао его повторит и, как он заверяет, все-таки пройдет по воде, аки по суху.

От нашего специального корреспондента

А. СОФРОНОВ

Футболисты ФРГ атакуют, но мяч в руках Льва Яшина.

ДО НОВЫ

...Теперь, когда ясно, что мы не участвуем в финале мирового первенства после тяжелого, окончившегося неудачно для нас матча с командой ФРГ, принесшего миллион огорчений всем нам, хочется вернуться к первоисточникам. Что было до этой игры в Ливерпуле? На что мы рассчитывали, отправляясь в Англию? Каковы слабые и сильные стороны нашей сборной? Все в мире относительно. По сравнению со Стокгольмом и Сантьяго мы сделали шаг вперед. Наша команда вышла в полуфинал. Иначе говоря, советские спортсмены впервые в истории футбола оказались среди лучшей четверки мира, играющей в современный футбол. Это не так уж и плохо. Но это не так уж и хорошо. Плохо то, что мы не завоевали ни первого, ни второго места. Могли ли мы на него претендовать? Все 16 команд, оказавшиеся в Лондоне, покидали свои столицы с расчетом, что богиня Нике окажется в их руках. Естественно, наша команда могла и должна была рассчитывать на первое место. Она с честью заняла первое место в своей подгруппе, забив шесть мячей и пропустив один. В четвертьфинале она в трудной игре победила сильную команду Венгрии, и она же проиграла с минимальным счетом физически и технически сильной команде ФРГ.

Когда 25 июля мы специальным экспрессом, набитым до отказа разноплеменными болельщиками, мчались со скоростью 120 километров в час из Лондона в Ливерпуль, мы, естественно, волновались. Для этого были все основания. Игры команды ФРГ показали, что с ней надо применять наступательную, а не оборонительную тактику с первой минуты игры. Сможем ли мы это сделать? Наши опасения оказались не напрасными. Немцы фактически навязали нашей команде свой темп. Они начали атаку с первой минуты, заставив наших футболистов перейти к обороне.

Еще в поезде я думал о том, что за Игорем Численко будут гоняться. Для этого были основания: гол в ворота команды Италии, первый гол в ворота Венгрии. Об Игоре Численко все мы сказали немало добрых слов. Он заслуживал их своей игрой. Но здесь объективно Численко, совершив недозволенный поступок, поставил нашу команду в очень тяжелое положение.

Подбитый на первых минутах игры Сабо мог только отпасовывать мяч и фактически в игре участия не принимал. Таким образом, во второй половине команда состояла из 9, а не 11 спортсменов. И даже при этих условиях наши действовали относительно неплохо, сохранив наступательные силы и переигрывая противника. Гол, забитый Валерием Паркуяном, показал, что команда могла после неудачной первой половины не только противостоять немцам, но и выиграть. Но теперь уж, как говорится, ничего не поправишь. На одной защите не выедешь, хотя Лев Яшин играл отлично, спасая ворота, казалось бы, от безнадежных мячей. Недаром трибуны скандировали: «Яшин! Яшин!..»

Я не случайно вспоминал в предыдущих репортажах Шекспира. Не только гамлетовский вопрос «быть или не быть», не только мужественная борьба многих Петруччио за сердце Катарины — Нике, но и другие шекспировские сюжеты и герои невольно вспоминались в часы, когда мы, преодолев разными видами транспорта сотни километров по зеленым просторам Англии, оказывались то в Ливерпуле, то в Бирмингеме, то в Мидлсбро, или в симпатичном городке нашего двухнедельного пребывания Сандерленде.

В самом деле, как было не вспомнить коварного Яго, который вдруг принимал образ судьи и, вместо того, чтобы предотвратить костоломные стычки между футбольными противниками, как бы поощрял их тем, что не останавливал, не предупреждал игроков, нарушающих футбольную этику!

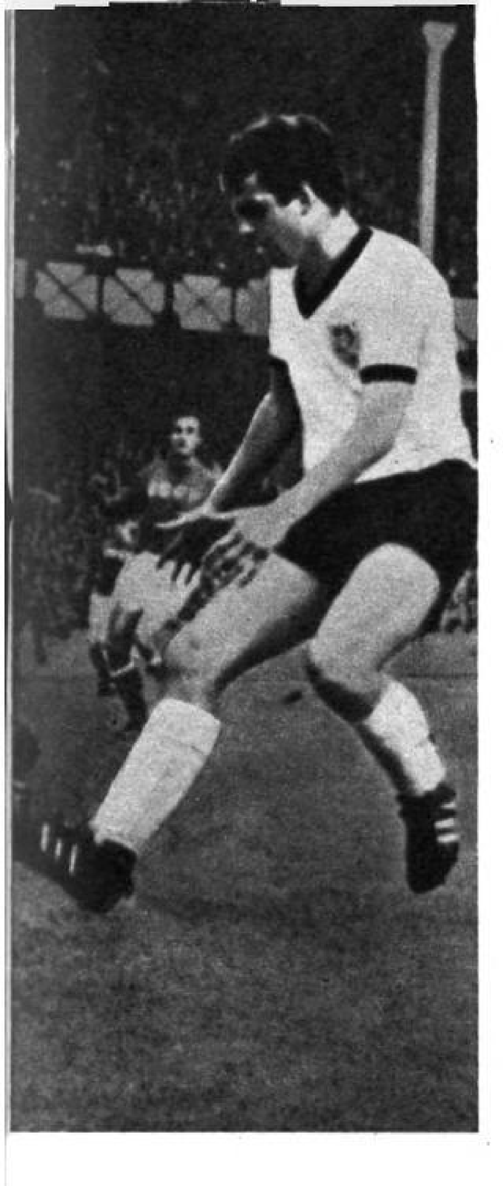
Кто-то на трибуне сказал: «Придумали этот кубок на свою голову, а теперь мучаются». У Шекспира люди мучились, не играя в футбол. Почему же им не помучиться и сейчас? Хочешь не хочешь, но если уж ты ввязался в этот чемпионат, то рассчитывай не только на радость победы, но и на горечь поражения. Сегодня ты, а завтра я. И вот восемь команд упаковали чемоданы, в то время как оставшиеся для боя в четвертьфиналах решали задачу из области математики и готовили своих одиннадцать неизвестных с одной тайной мыслью, что именно они станут известными на весь мир.

Чемоданы чемоданам рознь. Одни собирались спокойно, не испытывая особой горечи — ну, не вышло, так не вышло, быть в числе шестнадцати лучших команд тоже некоторая привилегия. Так, вероятно, собирала чемоданы швейцарская команда, не отягощенная призовыми очками. Так тихо и спокойно покинула мирный город Сандерленд чилийская команда, бронзовый призер прошлого чемпионата. Один гол, забитый ею в ворота команды КНДР, не очень тяжелый багаж. Как нам говорили, не унывали французы. Все-таки им ближе всего до родных пенат: Ламанш — это не Тихий океан.

Значительно тяжелей расставались с футбольным чемпионатом Италия и особенно Бразилия. Поражение двукратных чемпионов мира бразильцев было тем сокрушительнее, что их окружала непомерная реклама, бежавшая на сто верст впереди. Но реклама рекламой, а действительность действительностью. Слава бразильского футбола и его игрока первой величины Пеле родилась не из трескучей рекламы. Имя двукратного чемпиона вызывало не насмешливое внимание, а подлинное уважение. Конечно, бразильцам и в третий раз хотелось завоевать звание лидера футбольного чемпионата, но, по законам физики, действие равно противодействию. Думается, что в данном случае действия бразильцев вызывали значительно больше противодействия, чем это было раньше. Противодействие — не только обычный способ на футбольном поле, но и вне его. Пожалуй, наглядней всего об этом можно было судить, смотря на игру Португалии с Бразилией.

Португальские футболисты в тех случаях, когда они играли в футбол, оставили хорошее впечатление. Пока пресса и различные букмекеры от футбола разглагольствовали по поводу возможных фаворитов футбольного первенства и называли в их числе команды Англии, Бразилии, Италии, ФРГ и некоторых других, португальцы не привлекали к себе особого внимания. Они выдвинулись после выигрыша у команд Венгрии и Болгарии, а о лучшем нападающем — африканце из Мозамбика Эйсебио заговорили как о новой звезде на футбольном небосводе.

И вот состоялась встреча Бразилии и Португалии. Мы снова приехали в Ливерпуль: велик был соблазн увидеть эту игру. Над переполненным стадионом стояла грозовая тишина. Полицейские еще до начала игры время от времени прыгали с поля стадиона в густую толпу зрителей и вытаскивали оттуда людей, потерявших сознание. Полицейские аккуратно накрывали их красными одеялами и на носилках уносили в пункты скорой помощи. Не было слышно ни грома трещоток, ни завыва-

Вот они, соавторы победы над сильнейшей венгерской сборной, Альберт Шестернев и Лев Яшин.

Фото ТАСС и ЮПИ.

Нет, не только оборонялась команда КНДР в матче с Италией. Она сумела победить своих прославленных соперников!

Знал ли тренер бразильской сборной В. Феола, поднимаясь на борт самолета, чтобы лететь в Англию, как он будет оттуда возвращаться!

Один из моментов матча Бразилия — Португалия. Лежит Пеле, над ним участливо склонился преемник славы знаменитого бразильца Эйсебио.

Х ВСТРЕЧ!

ния рожков. Никто не слышал марша оркестра. Все ждали. Ждали игры.

По радио объявили составы команд. Имена Пеле и Эйсебио вызвали взволнованное гудение стадиона. Судил англичанин Джордж Маккей (многие решающие игры на чемпионате судили английские судьи). В красных футболках появились португальцы, в желтых — бразильцы. Прежде чем выйти к центру поля, бразильцы прикоснулись руками к земле. Это привычка, традиция. Вера в то, что и чужая земля поможет.

На первых минутах казалось, что и английская земля поможет бразильцам, как помогали им многие другие земли. Они уже на первой минуте подают угловой. Сильно бьет по воротам Пеле. Бьет, но не попадает. Как и всегда, он, словно бы не обращая внимания на противников, пробивается к воротам. Снова сильно бьет, но мяч в руках у португальского вратаря... Пеле сбивают на землю. Он лежит, потирая ногу, и снова поднимается. Поднимается и снова пытается пробиться к воротам. Но его снова сбивают. С двух сторон Пеле — португальские защитники. Где бы он ни появился, с двух сторон игроки...

Прошло всего 10 минут, снова Пеле лежит на земле. На этот раз лежит долго. Судья назначает штрафной. Прошли считанные минуты, а Пеле фактически уже выведен из строя. Он уже не бегает по полю, он хромает, волочит ногу...

Четырнадцатая минута. Мяч попадает к Эйсебио, пас Симоэсу — и гол! Бразильцы дезорганизованы, португальцы явно их переигрывают. На двадцать шестой минуте Эйсебио головой забивает второй гол. Когда Пеле снова и снова пытается ввязаться в атаку, защитник Мораис бросает его на землю. И снова английский судья будто бы не видит этой охоты. Пеле выносят на руках с поля. Все это происходит на штрафной площадке, но судья почему-то дает угловой, а не одиннадцатиметровый. И снова ливерпульское «у-у-у».

Вторую половину бразильцы начали вдесятером. Их снова сбивают с ног, но судья все терпит. Невольно возникает мысль: уж не устраивало ли судью, чтобы обе команды как можно больше покалечили друг друга? Мысль эта возникает не у меня одного.

Говорят, победителей не судят. Пусть будет так. Я думаю, что читатели не заподозрят меня в особых симпатиях к бразильской команде. Но как-то грустно было мне на этом футбольном матче. Много хорошего внесла в современный футбол бразильская команда. Многим из команд, в том числе и нашей, советской, доставила она немало неприятностей. И в то же время бразильцы показали за эти годы, что футбол может быть интеллектуальным, красивым зрелищем, настоящей гармонией силы и высокой техники владения мячом.

Понуро уходили с поля бразильские игроки. Они потеряли футбольную корону, потеряли богиню Нике, которая весьма уютно чувствовала себя под знойным бразильским небом. Газетчики и корреспонденты на другой же день провозгласили в шапках газет: «Агония Бразилии». Мы присутствовали на похоронах бразильской футбольной славы, и от этого чувства мы не могли отвязаться...

Когда на другой день мы приехали в Бирмингем, чтобы познакомиться с командой ФРГ, которой многие прочили победу на чемпионате, с нами заговорил чех, живущий в Нью-Йорке. Он держал в руках свежую газету.

— В Бразилии война,— сказал он.

— Какая еще война?

— Самая настоящая. Вы только послушайте, что там делается. На улицах бьют португальцев. Подожгли в порту португальский пароход. Разбивают киоски и магазины, владельцами которых являются португальцы. Избивают португальцев-таксистов. Газеты сообщают, что проигрыш бразильской команды — это хуже, чем проигранная война. На квартиру к главному тренеру бразильской команды Феоле все время звонят и угрожают расправой. Жена в панике просит полицию, чтобы выставили усиленные полицейские посты...

Мы были первыми из советских журналистов, приехавших в Бирмингем для того, чтобы посмотреть игру команд ФРГ и Испании. Команда ФРГ уверенно выступала в футбольном первенстве, и так же уверенно она начала свой поединок с испанцами. Немцы вначале выглядели не очень ладно, но вместе с тем чувствовалось их физическое превосходство, и не только физическое, но и техническое. Если мяч попадал к ним, они его не держали на своей стороне или в центре, а старались передать к воротам испанцев, и так, чтобы он попал в ноги к своим. Игра казалась легкой, но, если можно так сказать, немцы играли штык на штык, не щадили игроков противника, и их в этом яростно поощряли многочисленные болельщики, приехавшие из Западной Германии.

Если бы я писал рецензию на театральное представление, то, вероятно, это выглядело бы примерно так: «Во время футбольного матча силами болельщиков Западной Германии

был устроен большой концерт художественной самодеятельности, в котором приняли участие много ударных инструментов, а также многотысячный хоровой ансамбль».

Но тогда, отметив агрессивность команды ФРГ в игре с Испанией, мы думали о другой команде — венгерской, с которой нам предстояла встреча в четвертьфинале. Быстро закончилось короткое двухдневное затишье перед четвертьфиналами — сорок восемь часов тревог, надежд и сомнений. Сумеем ли мы, наконец, перешагнуть заколдованный рубеж? Ведь венгерская команда — очень серьезный противник.

Накануне матча в кафетерии к нам подсели два сандерлендца. «Вы наши,— сказали они.— Мы уверены, что на нашем поле выиграете с перевесом в один мяч. Мы помолимся за вас богу».

Об этом коротком разговоре я вспомнил, когда мы после напряженного второго тайма матча СССР — Венгрия, вконец обессиленные, покидали стадион. Наших игроков мы увидели издалека. Рослые полицейские не пустили нас поздравить команду. Впрочем, они выполняли полученный ими приказ. Мы на них не обижаемся.

Как ясное солнышко, промелькнул перед нами автобус с нашими игроками. Мы помахали им рукой: «Победа!» Но и теперь, когда эта победа как будто бы должна была померкнуть после неудачной для нас игры с ФРГ, не тускнеет в нашей памяти тот полуторачасовой футбольный праздник, на котором нам посчастливилось присутствовать.

В игре с венграми шла острая борьба, но это были только цветочки, ягодки собирались на других полях. Судья прогнал с поля аргентинского капитана, а с ним вместе ушла вся команда. Понадобилось заседание ФИФА, чтобы закончить матч. Вывели с поля двух уругвайцев во время игры с командой ФРГ.

В свете этих катастроф особенно ярко выделяется успех команды, новой для мирового футбола. Выиграв у итальянцев, команда КНДР поставила себя в почетный ряд четвертьфиналистов и, как равная, вела борьбу с португальской командой. Наши друзья-корейцы выигрывали 3:0 у португальцев, и хорошо, красиво выигрывали, и хоть и проиграли матч со счетом 3:5, но все равно остались героями чемпионата.

К сожалению, все усилия ФИФА создать на чемпионате мира обстановку честной борьбы не всегда давали свои плоды. Увы, не раз мы были свидетелями скандальных происшествий. И вот в одной из лондонских газет нам попалась на глаза фотография западногерманского судьи Рудольфа Крейслинга. Рядом с ним стояли могучие сыны Альбиона — полицейские. Под их охраной после матча Англия — Аргентина уходил судья с поля. Увы, полуфинальный матч, в котором советские футболисты встретились с командой ФРГ, тоже нельзя признать образцово-показательным, а действия судьи-итальянца справедливыми. Но так или иначе, а мы проиграли, и дальнейший спор за богиню Нике пойдет без участия советской команды. А нашим утешением будет лишь одно: команда СССР еще раз выйдет на поле, на сей раз, чтобы оспаривать право на почетное третье призовое место в борьбе с командой Португалии.

Да, нашей команде не пришлось укладывать чемоданы до конца мирового первенства, но утешение это слабое, хотя все же утешение. Думаю, что, кроме горького чувства разочарования, мы можем сказать, что наши футболисты доставили нам и немало радости. Будем считать эти радости первыми, но не последними. Будем рассчитывать на то, что ближайшие годы дадут нам боевое, сильное, техничное, слаженное нападение и сохранят и усилят нашу защиту. Богиня Нике не стареет. Она сохраняет тайну вечной молодости. И кто знает, может быть, на ближайшем первенстве мира по футболу она будет к нам более благосклонна, а мы более решительны.

Ливерпуль — Бирмингем — Сандерленд — Лондон.

ДЛЯ ТЕБЯ, ГОРНАЯ ДОРОГА!

Во дворе Кутаисского автомобильного завода нам показали новую, экспериментальную модель тягача «КАЗ-608».

Не изящный ее торс, удлиненный полуприцепом, не откидная кабина водителя обрадовали нас, а маленькая коробка скоростей, установленная около заднего моста. Эта вторая коробка прибавила тягачу еще пять скоростей, намного увеличила его силу, чтоб он мог увереннее и быстрее брать подъемы.

Теперь можно сказать, что кутаисцы позаботились о водителях своего закавказского края. Новая «Колхида» начнет сходить с заводского конвейера в последнем квартале этого года. Она станет легко поднимать в горы одиннадцать с половиной тонн груза.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

Фото И. Тункеля.

МАМОНТОВЫЙ КЛАД

...Лопата ударилась обо что-то твердое. Захар Николаевич разгреб взрыхленную землю. В полумраке погреба забелели кости. Они были очень большие, непривычно массивные. И чем энергичнее Захар Николаевич орудовал лопатой, тем сильнее поражался тому загадочному миру, что представал перед ним. Годы прожил здесь Захар Новицкий, а поди ж ты, и не подозревал о том, что под ногами, скрытая за толщей грунта, такая диковина! Костей оказалось бесчисленное множество. Под трехметровым слоем суглинка они виднелись и слева и справа, словно сказочные корни, вросшие в землю. Но в самом их расположении угадывалось не просто скопление останков неведомых животных. Эти кости кто-то собирал и складывал с разумной последовательностью.

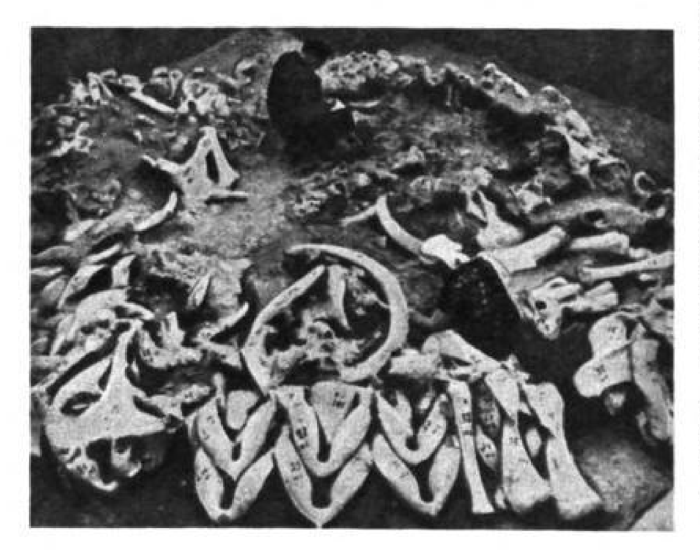
Об удивительной находке на усадьбе жителя села Мажеричи Захара Новицкого вскоре узнали ученые в Киеве. Под Канев, к зеленым берегам Роси и Росавы, выехали археологи, палеонтологи, биологи, инженеры и техники. Группу возглавил профессор Иван Григорьевич Пидопличко. Был открыт настоящий «клад» — несколько тысяч костей давно вымерших мамонтов.

Дальнейшее обследование привело ученых к новым находкам. Они обнаружили много изделий из кремня, орудия труда из мамонтовой кости. В их руках оказались образцы древнейшей культуры — художественная резьба на бивне мамонта, скульптурное изображение идола из кости, а также загадочные предметы, назначение которых пока не выяснено.

Специалисты утверждают, что на месте, где находится подворье Захара Новицкого, 5—7 тысяч лет тому назад была стоянка — жилище охотников за мамонтами. Сохранились остатки стойбища, сложенного из 44 черепов и костей мамонтов. Этот своеобразный каркас некогда был обтянут кожей животных, что придает жилищу сходство с ярангой северян. Умело и не без художественного вкуса сложена вокруг жилища завалинка. Охотники каменного века в качестве «стройматериала» для нее использовали... нижние челюсти 83 мамонтов! Челюсти убитых животных уложены красивым узором. Профессор И. Г. Пидопличко и его коллеги утверждают, что орнаментальная завалинка из костей мамонтов принесет древней стоянке мировую известность.

Находка в Черкасской области еще хранит немало загадок. «Мамонтовый клад» на берегу Роси и Росавы привлечет к себе не одну научную экспедицию.

А. СТАСЬ,
собкор «Огонька»

Профессор И. Пидопличко и старший научный сотрудник Н. Корниец на раскопках стоянки охотников за мамонтами.
Фото О. Хухлия

Рукой мастера

Парусник XVII века из Центрального военно-морского музея в Ленинграде.

Центральный военно-морской музей. Здесь экспонируются модели-миниатюры работы капитана 1-го ранга Сергея Федоровича Юрьева. Отец капитана, вологодский крестьянин, с детства работавший на сплаве древесины в Архангельск, знал технику работы косторезов-поморов. И все это передал сыну.

Сергею Юрьеву не было и десяти лет, когда он вырезал первую модель корабля, того самого, на котором плавал шкипером его отец.

Изучив лучшие произведения мастеров русского моделестроения XIX века, методы работы кантонских и гонконгских моделистов, моряк и ученый С. Ф. Юрьев обрел еще одну профессию — создание моделей кораблей, участвовавших в Октябрьской революции: крейсера «Аврора», минзаградителя «Амур»; кораблей гражданской войны: «Ваня-коммунист», «Степан Разин»; модель прославленного И. А. Гончаровым фрегата «Паллада», корвета «Витязь», крейсеров «Варяг», «Россия», ледокола «Челюскин» и многих, многих других. Свыше ста его работ находятся в Военно-морском музее, музеях Советской Армии и Арктики, Музее Революции и Политехническом. На башнях Яхромского шлюза канала имени Москвы установлены модели старинных парусных кораблей, изготовленные по его проектам и моделям.

Борис Лавренев так писал, обращаясь к художнику-моряку:

«...Ваши работы — это не обычное произведение опытного профессионала морского дела, рабски воспроизводящего оригинал, но произведение настоящего большого художника, влюбленного в свою профессию, вкладывающего в нее много души и подлинного высокого вкуса...»

Ю. ФЕДОРОВ

Полвека назад в Тюфелевой роще, на левом берегу Москвы-реки, был основан Московский автомобильный завод. Именно здесь в 1924 году рабочие столицы собрали десять первых грузовиков, положивших начало советскому автомобилестроению. От небольших, полуторатонных грузовых автомашин «АМО-Ф-15» наша страна перешла к «ЗИСам» и «ГАЗам» — целому семейству автомобилей разного типа и назначения. Коллекция только самого автозавода имени Лихачева располагает десятками моделей — от полугусеничных вездеходов и тягачей до медицинских карет и междугородных автобусов.

В годы Великой Отечественной войны автозаводцы закладывали фундамент автомобильной промышленности на востоке страны — в Ульяновске, Миассе, Шадринске, Ирбите...

Ныне завод имени Лихачева — одно из самых современных предприятий столицы. Здесь действуют 246 автоматических и механизированных линий, около пятидесяти километров конвейеров и транспортеров.

Еще более возрастет его техническая оснащенность в этой пятилетке, когда начнется массовое производство машин «ЗИЛ-131» и восьмитонного грузовика «ЗИЛ-133». Все это в руках многотысячного коллектива, закаленного и сплоченного всеми своими пятьюдесятью годами. За полстолетия сложилось немало славных традиций. «Семейственность» — одна из них. На ЗИЛе нередко работают всей родней из поколения в поколение.

«Куст Казаковых» — сказал как-то Иван Алексеевич Лихачев, директор завода, про подобную семью. Крылатые слова живучи. «Кустов» здесь много: Вардыбахины, Пшенкины, Карандеевы, Гущины, Глазковы... И Хромилины, о которых мы сегодня рассказываем.

КРЕПКИЙ КУСТ

Г. КУЛИКОВСКАЯ

В тридцатом году в Москву приехал Федор Хромилин. Спал у брата на сундуке, в каморке у Рогожской заставы, бегал в поисках работы.

На АМО в то время начиналась первая реконструкция. АМО нужны были люди. Вот и встретились они тогда, рязанский мужик и автозавод. Встреча произошла в кузнице. Крестьянин не побоялся тяжелых молотов. Невысокий, крепкий, прочно, как на своем поле, стоял он на вздрагивающих чугунных плитах и переворачивал раскаленную заготовку. Однажды так увлекся, что не заметил плечистого человека, наблюдавшего за ним. Одет тот был в сапоги и гимнастерку. Лицо решительное, взгляд быстрый.

Хромилин штамповал коленчатый вал к грузовику «ЗИС-5». Выработка за смену подбиралась к рекордной в ту пору цифре — четырем сотням. О кузнеце заговорили на заводе.

— Из каких краев будешь?—спросил плечистый человек, когда нагревальщик зацепил поковку и Хромилин на секунду-другую освободился.— Рязанский, говоришь? А я тульский. Соседи, значит.

Порасспросил о том о сем и пошел по своим делам дальше. Дела были у него в каждом цехе, на каждом участке. Это был Лихачев, директор завода. Любил он разговаривать с рабочими. И цепкую память имел на лица и фамилии. Раз встретит и не забудет. Не забыл и про Хромилина. Когда директору сообщили, что 400 коленчатых в смену — это уже не праздничный рекорд, а будни, что Хромилин передал свой «секрет» напарнику и еще двум кузнецам помоложе, и выдвинули его в мастера, Лихачев распорядился послать Федора Ивановича в Промакадемию: «Учись, нам свои спецы нужны».

Только не доучился Федор Иванович. Началась война. Эвакуация. Ребятишек с женой отправил в деревню, к старикам, а сам остался. Получил от директора задание особой важности: сколотить в кузнице группу, которая выполняла бы заказы для фронта. Поработал тогда неплохо: орден Ленина за это получил.

В конце войны, в сорок пятом, Лихачев снова вспомнил о Хромилине. Завод нацеливался на машины мирного времени. Надо было выковать самый первый коленчатый вал к самому первому лимузину «ЗИС-110». Трудная тогда это была задача. В Москве не оказалось подходящего молота. Пришлось ехать в другой город, где находился филиал завода. И там Хромилин собственноручно отштамповал первые валы и послал их на проверку в Москву. С трепетом ждал ответа. Москва ответила «добро», и тогда Федор Иванович запустил в производство первую партию валов.

Последним через руки Хромилина прошел коленчатый вал к «ЗИЛ-130», тому самому серо-голубому красавцу, который сейчас, в юбилейные дни, сходит с главного конвейера. Федор Иванович вроде бы не у дел, ушел на пенсию. Но по-прежнему в списках работающих на заводе Хромилины. Четырех сыновей и дочь Надежду оставил вместо себя отец.

Старший сын, Алексей, Федор Иванович считает, что ему, перваку, повезло меньше всех: случилось так, что в детстве он не смог окончить школу. Враг рвался к Москве, и Алексей, отправленный к деду в деревню, помогал старику хозяйствовать в колхозе. В свободный час дед вытаскивал ящик с инструментом и ладил оконные рамы. Алешка стоял рядом, тесал ножки для табуретки, и ему казалось, что на свете нет занятия более увлекательного. Еще война не кончилась, а он вернулся в Москву и записался в модельный кружок при заводском Дворце культуры. В сорок пятом, когда подростку не было и шестнадцати, пошел на автозавод учеником модельщика. Для всего завода здесь, в штампо-механическом цехе, готовят деревянные модели штампов. И стоит только посмотреть, как отделывает, как отшлифовывает до лайковой глади Алексей Федорович дерево, станет ясно: он тут по призванию.

Что же касается учебы, то решил завершить ее в вечерней школе. Алексей Федорович, кстати, один из восьми тысяч автозаводцев, которые учатся.

* * *

Доски и доски... Огромные, белые, как надутые ветром паруса. И черные кульманы, как реи, над ними. Отдел главного конструктора по станкостроению и технологической оснастке. Молодой человек, сероглазый и белобровый, похожий и непохожий на Алексея Хромилина, сидит за столом и листает американский альбом пневматических приспособлений. Нет, не для того, чтобы скопировать готовую схему. Просто чтобы не изобретать изобретенное, придумать что-нибудь получше. Придумать и спроектировать оснастку для сборки узлов нового мощного грузовика «ЗИЛ-131». До этого Александр Хромилин, второй сын Федора Ивановича, разрабатывал приспособления для выпуска нового легкового автомобиля «ЗИЛ-114» — скоро мы его увидим на улицах. Еще раньше — для «ЗИЛ-130». Перед тем — для «ЗИЛ-157»...

Кажется, совсем недавно Александр окончил автомеханический техникум и пришел сюда, в творческий центр завода. Но позади уже десять лет. Институт он кончал, не отрываясь от своего кульмана и... футбольного поля. В команде клуба «Торпедо» он бессменный защитник.

Ближайшая задача Хромилина-второго — аспирантура. На заводе двадцать кандидатов наук. Возможно, что именно он будет двадцать первым...

* * *

Надежда — средняя в семье, единственная дочь. Надя сама выбрала дорогу: после десятилетки пошла на завод. Начала работать, а потом подала заявление в вуз, на вечернее отделение автомеханического. Так уж принято у автозаводцев.

Когда вы садитесь в сверкающий лаком автобус или видите автомобиль цвета морской волны, вспомните об инженере Надежде Хромилиной, теперь уже Литвиновой. Это она участвовала в разработке специальных камер и печей для мойки, краски и сушки капота, оперения, кузовов, всех кабин.

* * *

Анатолий пошел по стопам отца в буквальном смысле этого слова: стал кузнецом. Вот как это получилось.

После десятого класса подался в токари. Постоял месяц-другой у станка и затосковал: негде применить здесь свою силищу. Сам он здоровенный, сильнейший среди братьев. Дома с гантелями играет, во Дворце культуры штангу жмет. Вот и решил: «Пойду-ка, батя, в кузнецы». Федор Иванович, конечно, обрадовался, но предостерег: «Глухарем станешь. Как и я. Нам всё обещают шлемы, да что-то не видно их».

Сын был не из пугливых. Стал сперва к тому самому молоту, у которого работал отец, на те же самые коленчатые отцовские валы. А потом перешел на новый, который помощнее.

В цехе Анатолия мы не застали: он служит сейчас в армии. Но Надя, сестра, все же «познакомила» нас с богатырем — показала снимок, который прислал Толя домой из армии. В письме спрашивал про кузницу. «Служить осталось недолго. Скоро вернусь. Соскучился».

* * *

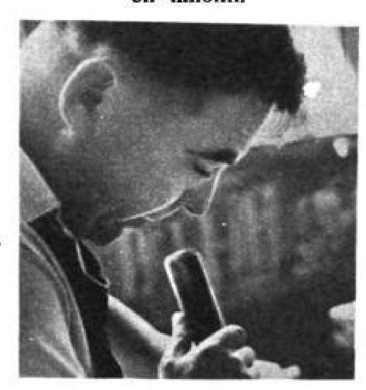
У Володи, младшего из сыновей, совсем особая история. Маленьким мальчонкой пристрастился к рисованию. Увидит яркую картинку—перерисовывает. Родители, заметив эту склонность в нем, стали поощрять его. Они вообще никому из детей не навязывали свою волю — становись, кем хочешь. Володя, повзрослев, захотел поступить в художественную школу. Поступил, окончил ее с отличием. Его даже премировали — красками и абонементом на каток.

Получил аттестат зрелости, отслужил в армии, и на тебе вдруг — кузница! Может быть, считал своим сыновним долгом унаследовать дело отца? Только ненадолго удержали его паровые молоты. Перетянула живопись. Теперь он на третьем курсе вечернего отделения художественного факультета пединститута. А днем — все на том же заводе, что и отец. В инженерном корпусе Володя оформляет газеты, стенды, витрины.

Так они и трудятся, Хромилины. Всей семьей. Всеми, вернее, семьями. Жены братьев работают тоже на заводе, в разных цехах. Нагревальщица, технолог, бухгалтер, техник. И уже не пятеро Хромилиных, а целая династия нашла свое место в автограде.

Вот какие растут тут «кусты» — крепкие, процветающие. Значит, добрыми соками питает их земля.

«Видятся» теперь они у проходной, Федор Иванович Хромилин и Иван Алексеевич Лихачев. Кузнец и директор. Оба отдали заводу десятки лет своей жизни.

Алексей Хромилин.

Александр Хромилин.

Надежда Хромилина.

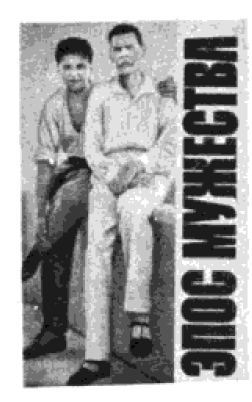

Анатолий Хромилин.

Владимир Хромилин (справа) и Марк Махиянов — секретарь комсомольского бюро.

Фото А. Гостева.

СЕРЬЕЗНАЯ, ДОБРАЯ КНИГА

Наверное, это тоже очень важно и очень нужно — сказать доброе слово о человеке не в начале, а в зените его большого труда. Такое слово о Леониде Максимовиче Леонове сказал своей книгой «Эпос мужества» литературовед Ф. Х. Власов.

Книга, широкая по масштабу раздумий, хотя автор, естественно, не задавался целью создать всеобъемлющее исследование творчества писателя. Задача, которую ставил перед собой ученый-литературовед, казалось бы, локальна. Речь идет всего лишь о трех романах классика советской прозы: «Соть», «Скутаревский», «Дорога на океан». Но эти произведения вот уже сорок лет издаются, читаются, живут с нами. Почему так случилось, отчего, по какому праву досталась им столь завидная судьба? Об этом думает автор исследования, умело и настойчиво подводя внимательного читателя к единственно возможному философскому выводу: долголетие страниц приходит лишь тогда, когда художник, создавший их, обращается не к случайным темам и явлениям, пусть даже кажущимся какое-то время значительными, но к проблемам жизненно весомым, непреходящим, к проблемам века.

«Эпос мужества» при всей ограниченности его задачи — философский труд и вместе с тем боевое, взволнованное публицистическое творение. Временами представляется, что автор, листая старые странички литературных споров, полинялые и помертвелые, зря тратит силы. Однако вчитаешься — видишь: мудро поступает ученый. Желчь, на которую не скупились в свое время иные ценители литературы, проливая ее обильно на творчество писателя-мыслителя, живуча, въедлива. Она способна надолго оставить пятна на чистом полотне высокого творческого вдохновения.

В «Эпосе мужества» автор равно ополчается как против попыток заведомо ложно истолковать основные положения глубоко патриотических и прогрессивных леоновских произведений, так и против вульгаризации и недомыслия в их оценке. Значит ли это, что критик Ф. Х. Власов ратует в своем труде за безудержную похвалу трактуемых им леоновских романов? Безусловно, нет. Ведя добросовестное исследование, взвешивая на весах времени значимость конфликтов, жизненность образов, привлекая массу материала, позволяющего ему полнее осмыслить сквозные идеи произведений, автор настойчиво призывает литературоведов к объективности, честности, пристальности, призывает к необходимости судить о явлениях такого масштаба, как названные романы, лишь после попыток встать с ними вровень.

И верно, в том обаяние, значительность и серьезность исследовательского труда Ф. Х. Власова, что, находясь на глубоко партийных позициях, автор убедительно и страстно отстаивает эти позиции, предоставляя читателю возможность следовать за ним. Порой трудно различить, где происходит стык философского начала исследования с острым, почти памфлетным пером публициста, заинтересованного лишь в том, чтобы верно было осмыслено и оценено творчество большого советского мастера литературы, давно принятое народом, взятое им с собой в дорогу к высотам коммунизма.

Нет и не может быть итоговых раздумий о творчестве художника, работающего с нами. Творчество его в движении.

«Дорогой Леонид Максимович,— писал Алексей Максимович Горький своему молодому другу,— вчера прочитал «Соть», очень обрадован — превосходная книга!..»

Таким было начало. «Эпос мужества» напоминает о нем. Основательный этот труд благожелателен и серьезен, а без необходимейших этих качеств в литературоведении одинаково трудно работается и юному таланту и признанному мастеру.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Ф. Х. Власов «Эпос мужества». Издательство «Московский рабочий». 1965 г.

ХОЛСТЫ, БУДНИ, ПЛАНЫ...

О своих планах на будущее, о том, над чем идет в эти дни работа в художнических мастерских или на натуре, и, конечно, о том, как рождались новые картины, экспонировавшиеся на VIII академической выставке, рассказывают художники, чьи картины воспроизводятся на наших вкладках.

■

— Как почти все свои картины, «Односельчанок» я писал в родном селе Верхней Раче,— рассказывает народный художник Грузии, действительный член Академии художеств СССР Уча ДЖАПАРИДЗЕ.— Приеду к себе на родину или в соседние Хевсурию, Имеретию, и нередко прообраз будущей картины сразу встает перед глазами. Только собирай материал и принимайся писать новую композицию. Так же было и в прошлом году...

День на исходе. Колхозники возвращаются из города домой. Односельчане, конечно, всегда идут вместе. Так шли и эти две мои землячки. Дорога проходит незаметно, потому что обязательно найдется о чем поговорить, если живешь на одной улице. Тоненькая девушка с тяжелой косой застенчиво поверяет свои первые заботы пожилой женщине. О чем они? Я не слыхал. Разговор шел тихий, задушевный... Но не мог мой глаз художника упустить такую малую, но красноречивую деталь — примету времени: книги и журналы, лежавшие в корзине у юной грузинки. Наверняка ни разу в жизни не возвращалась ее бабка из города с такой покупкой. Мне ли, взрослевшему вместе с родной республикой, не знать, не помнить, как постепенно срастался особенный, замкнутый быт горной деревни с общим, стремительным и великим бытием страны!..

В нынешнем году моя республика вместе со всей планетой готовится отметить 800-летний юбилей своего великого поэта и государственного деятеля Шота Руставели. В начале осени в Тбилиси откроются сразу две выставки. Одна — посвященная жизни и творчеству поэта. Другую же можно будет назвать «Грузия Руставели». Она расскажет о помолодевшей родине поэта, о расцвете ее культуры, о ее промышленной мощи, научном прогрессе. Разве не важна будет здесь каждая примета нашего времени, подмеченная искусством!.. Нет у нас писателя, художника, школьника, ученого, колхозника, который не готовился бы к предстоящему национальному торжеству. Готовлюсь и я. Давно задуманы мною иллюстрации — живописные работы — к «Витязю в тигровой шкуре». Две из них уже завершены... Царевна Нестан-Дареджан в день первой встречи с Тариэлом. Праздник и радость любви хотелось мне выразить в просветленном и ясном колорите этой работы. В другой же — невеста и возлюбленная бесстрашного витязя пишет Тариэлу письмо из плена... Нестан одета во все черное: картина повествует о самых тяжелых минутах, выпавших на долю прекрасных героев Шота.

До юбилея остались считанные недели, и поэтому стремишься отдавать работе каждый час. А для пространной беседы время впереди — праздничное время.

■

Микаил АБДУЛЛАЕВ, народный художник СССР, член-корреспондент Академии художеств СССР, говорит:

— «Масаллинские девушки» — мои давние знакомые. Стоял конец апреля — пора, когда у нас во второй раз скашивают травы. Я возвращался с этюдов рано: в жаркий азербайджанский полдень особенно не наработаешь! И вдруг увидел: на темно-изумрудном, свежескошенном сене сидят рядком девушки. Собрались перекусить. Звонко над чем-то своим пересмеиваются. Сверкают из-под цветных платков темные глаза, зубы жемчугом отливают... Но подошел я — насторожились, подобрались. А все же написал тогда с них большой этюд с нехитрым сюжетом. Назвал «Позируют»... Прошло лет десять, и как-то неожиданно обычная, рабочая встреча художника разрослась в картину. Хотя ничего я не изменил в наблюденном в жизни. Не поспорил с жарким колоритом юга, не убавил, не добавил. Даже старательно сохранил наивность, непосредственность расцветки девичьих одежд. Быть может, северянкам наряд южанок покажется очень уж броским. Но мне он нравится: будто наши яркие южные цветы среди сочной зелени травы.

Когда случается, что спрашивает меня кто-нибудь о моих героях, то хочется рассказать о каждом, вспоминая все новые и новые подробности облика, биографии. Хотя, казалось бы, все, что поразило меня, заинтересовало, проникло в сердце, я постарался вместить в свои картины. Но разве это все?..

Нелегок труд хлопкоробов. И в моих глазах каждая женщина, склонившаяся над полем хлопка,— героиня. С Зерафшан, чей цельный, светлый характер мне особенно дорог, я повстречался в Сальянском районе республики. Передо мной была молодая женщина, такая же, как все,— с обветренным, запыленным лицом, темными от загара руками. Разговору о себе она явно предпочитала свою работу... Может быть, была Зерафшан молчалива от природы? Но я как-то заробел перед ней — неловко было расспрашивать... А ведь наверняка у нее не одна награда за трудовые подвиги на колхозных полях.

На последней академической выставке в Москве я показал: «После ливней. Звеньевая», «Хлопкоробка Зерафшан», «Масаллинские девушки».

Республика моя сейчас в думах и заботах о зреющем на ее полях урожае. Я посвящаю свои картины тем, кто вырастил его. Сейчас пишу полотно «Чаеводы Астары».

■

— В академической выставке, которая каждый год торжественно открывается в залах Академии художеств в Москве, я участвую только второй раз,— рассказывает молодой член-корреспондент Академии художеств СССР, армянский живописец Григор ХАНДЖЯН.

«Серебристый день» — такой не частый в залитом солнцем Средиземноморье. Вместо привычного золота вдруг растеклось матовое светлое серебро. Чуть колышутся узкие гондолы, мягко вздрагивает под их днищами водная гладь, стелются длинные ленивые блики, опаловое небо пронзено темным острием причального фонаря. Венеция. Абсолютная реальность и живая сказка. Наверное, не родился художник, который удержался бы и не запечатлел эту живущую на нашей деловитой планете старую сказку. Не пересказывал бы ее потом друзьям, соотечественникам... И все же это не твое: вернешься домой, и как-то исподволь, но неуклонно самый увлекательный разговор о далеких чудесах и красотах входит в будничное, родное русло. Приходит желание и потребность говорить о Родине.

В моей ереванской мастерской сейчас на подрамнике большое полотно «Площадь» — часть триптиха, посвященного жизни армянской деревни... На деревенской площади каждый вечер по старому обычаю собирается все село. Стар и млад. Говорят обо всем, решают все назревшие проблемы, делятся радостью и заботой. Готовлю я свой триптих к большой Всесоюзной юбилейной выставке — 50-летию Советской власти. Мне мечтается, как на ней мои земляки, верные хорошему давнему обычаю, поведут обстоятельный, серьезный, веселый и полный ответственности перед будущим разговор со всем нашим народом.

У. Джапаридзе. ОДНОСЕЛЬЧАНКИ

Г. Ханджян. СЕРЕБРИСТЫЙ ДЕНЬ

М. Абдуллаев. МАСАЛЛИНСКИЕ ДЕВУШКИ

Н. Н. РОМАНОВ,
секретарь ВЦСПС

ДЛЯ ВАШЕГО ОТДЫХА

Лето — долгожданная пора отпусков. Что принесло оно в этом году? Гостеприимно распахнули двери свыше четырех тысяч санаториев, пансионатов и домов отдыха, 460 туристских баз и кемпингов, 4 700 туристско-оздоровительных лагерей, 1 800 домов рыбака и охотника. Может быть, в абсолютных цифрах для нашей страны это не так уж и много, но все ведь познается в сравнении. Если в 1960 году в здравницах и на туристских базах профсоюзов было 270 тысяч мест, то теперь более 420 тысяч. За последние пять лет в профсоюзных санаториях и домах отдыха побывал тридцать один миллион человек. Что же касается туризма, то цифры тут еще более внушительные: 1965 год — сорок миллионов человек, в четыре раза больше, чем 5 лет назад.

Не могут не радовать и перспективы, предусмотренные Директивами XXIII съезда КПСС. План профсоюзов на начавшееся пятилетие, план, определенный недавним Пленумом ВЦСПС, такой: построить санаториев, домов отдыха, пансионатов и туристских баз более чем на 400 тысяч мест. За пятилетие рост в два раза — такого размаха у нас еще не было! Это значит, что еще 6—7 миллионов человек смогут провести отпуск в благоустроенных здравницах и турбазах, на море или озере, в бору или дубраве. При этом не придется совершать длительные поездки, менять без надобности климатические зоны.

У нас не будет ни одной республики, области, края без своих здравниц и баз отдыха. Курортные богатства — источники минеральных вод, месторождения лечебной грязи, местности со специфическим курортным климатом — в нашей стране имеются всюду. Все дело в том, чтобы рационально использовать эти ресурсы. Особенно на востоке страны. Вот почему за последние годы география курортов расширяется, появилось много новых «точек» отдыха в Приморье, Сибири, на Урале и в Средней Азии. Опережающие темпы курортного строительства перемещаются постепенно на Восток. И это оправдано: Дальний Восток, например, с его Тихоокеанским побережьем, пляжами, бальнеологическими ресурсами во многом не уступает Кавказу и Крыму. В Приморье, кроме того, имеются горячие источники, которые по целебным свойствам не уступают издавна прославленным ветеранам. В Хабаровском крае, в Кульдуре, развивается большой курорт. С лучшими сочинскими санаториями вскоре будет соперничать и приморская «Шмаковка». До тысячи человек сможет принимать курорт «Садгород».

Новые здравницы создаются под Свердловском, Тюменью, Братском, на озере Карачи в Новосибирской области. Расширяются дома отдыха «Дарасун» — возле Читы, «Озеро Учум» и «Озеро Шира» — в Красноярском крае. Возле деревни Кожаново обнаружена под землей целая река нарзана. А замечательная алтайская Белокуриха! Радиоактивные ее воды лечат многие болезни точно так же, как и знаменитое Цхалтубо. Источники уральской Усть-Качки, подобно морским водам, содержат йод и бром и хорошо действуют при разных заболеваниях.

Освоение новых курортных районов — одна из ближайших задач, которая должна решаться с учетом развития экономики, роста городов и численности населения. Так, в Сибири и на Урале намечено построить здравниц в четыре раза больше, чем в предыдущем пятилетии. Крупные пансионаты на тысячи мест появятся в Трускавце, в Каролино-Бугазе и Куяльнике — возле Одессы, в Друскининкае, Нальчике, Кисловодске. Первые пансионаты такого типа уже приняли отдыхающих на Кавказских Минеральных Водах, на курорте «Старая Русса» — под Новгородом, «Криница» — в Белоруссии.

Города здоровья создаются в Адлере и на мысе Пицунда. На берегу Финского залива появятся пансионаты «Дюны», «Морской прибой», «Репино». Все это известные своей красотой места.

Более широко будут осваиваться курортные блага побережья Азовского моря. В Запорожье создан специальный совет по управлению курортами, который будет заниматься главным образом азовскими здравницами. Разработан генеральный план курорта Бердянск. Кто-то назвал его голубым городом, городом мечты. Это недалеко от действительности. Десятки корпусов поднимутся над морем: в I зоне — пансионаты, во II — санатории, в III — детские лагеря и дачи, в IV — все для матери и ребенка и, наконец, в V — дома отдыха. К услугам десятков тысяч людей будут предоставлены море, золотые пляжи, целебные озера, парки, концертные залы.

В генплане нового курорта не случайно упомянута зона матери и ребенка. Семейному отдыху придается все большее значение. Сейчас таких здравниц около сотни. Целыми семьями можно отдыхать в туристско-оздоровительных лагерях предприятий в Запорожье, под Ленинградом, на Урале. Маленьких детей с матерями обслуживают дома отдыха «Кабардинка», "Лазурный берег» и «Анапа» — в Краснодарском крае, «Ясная Поляна» — в Мисхоре, «Вызу» — в Эстонии. Появляются новые дома отдыха и санатории смешанного типа: «Еловое» — в Челябинской области, «Красная Поляна» — в Белгородской, «Петровский» — в Воронежской.

Жизнь выдвигает и другие проблемы организации курортного лечения и отдыха. По условиям производства многие вынуждены отдыхать глубокой осенью, зимой. И все же хочется побывать на юге, поплавать в морской воде. Между тем купальный сезон на Черноморье длится лишь 4 — 5 месяцев. Что делать? Необходимо строить плавательные бассейны с морской водой и подогревать ее, строить солярии, укрытые от холодного ветра. Это даст возможность значительно повысить «коэффициент полезного действия» черноморских курортов. Нелегко пробивала себе дорогу такая «новинка». Многие смотрели на строительство бассейнов как на роскошь. Однако и Комитет по гражданскому строительству и архитектуре и другие организации согласились пойти на такой шаг.

В связи с переходом на пятидневную неделю еще больше возрастет роль профилакториев, заводских домов отдыха, туристских баз. Важно выбрать для них живописные места с удобным подъездом, экономно предусмотреть затраты на благоустройство.

Строительство таких баз, поскольку они рассчитаны в значительной степени на лето, будет вестись из сборных облегченных конструкций или из сборного бетона, в зависимости от климатических условий. Разработанные проекты предусматривают необходимый комфорт, санитарно-технические удобства. Двухместные палаты, палаты для семьи блокируются в секции на 40—50 человек в зависимости от рельефа местности и зеленых насаждений. Они практичны, удобны и в 4—5 раз дешевле обычных спальных корпусов. Первые летние базы на 30 тысяч мест должны войти в строй уже в нынешнем году. Кроме того, предусматривается создание зимних, утепленных баз, где отдыхать будут целые семьи с детьми.

Намеченные нами планы велики, средств предоставляется для их осуществления немало. На строительство здравниц и турбаз в этом году выделено около 120 миллионов рублей. А вот реализуются планы и расходуются эти средства иногда не полностью, в особенности в Казахстане, Грузии и Латвии. Некоторые строительные организации стремятся снижать планы. Например, в Адлере в этом году «Главсочиспецстрой» вместо четырех миллионов рублей, которые были выделены на строительство курортного городка, взялся за освоение объема почти в два раза меньшего. Строительная организация Министерства энергетики и электрификации обязана была еще в прошлом году сдать в Хосте санаторий «Мыс Видный». Не сдала и вряд ли сдаст в ближайшие месяцы. Больше чем на год задержалось сооружение спального корпуса нового свердловского курорта «Самоцвет». К концу этого года тут будет до 800 отдыхающих, а клуб неизвестно когда закончат. Трест «Уралмедьстрой», который ведет эту стройку, из года в год проваливает план. Давным-давно истекли сроки пуска санатория «Яун Кемери», а латвийский трест «Юрмалстрой» все еще разворачивается и только обещает...

Подобных фактов немало. К сожалению, зачастую здравницы строят неспециализированные организации. Для них дом отдыха, пансионат, санаторий — это добавочная нагрузка. Вывод напрашивается один: для строительства крупных здравниц и баз отдыха надо создать специальные строительные организации. Следует в этих целях использовать и ремонтно-монтажные управления, которые имеются при профсоюзных курортных советах в республиках. Стоит только придать им строительные функции и необходимую производственную базу.

Много претензий к проектировщикам. Нередко проектная документация задерживает стройки. Проектирование ведется иногда без учета современных требований. Опытом доказано, что в санатории, пансионате и для отдыхающих удобнее и экономически выгоднее иметь санузел и душ не поэтажно, а при каждой палате, даже если она рассчитана на одного или двух человек. Тем не менее центральные, зональные и другие проектные институты работают по старинке, медленно перестраиваются. Старые типовые проекты не отменяются, новые разрабатываются медленно. До сих пор, например, нет типового проекта

дома отдыха, клуба-столовой для центральной зоны страны. Это тормозит развертывание строительства по утвержденному плану. В Москве два проектных института, в которых сосредоточено проектирование курортно-санаторных учреждений. Разве могли они обеспечить весь Советский Союз?

ВЦСПС создал при Центральном совете по управлению курортами на базе существующей архитектурно-проектной мастерской Всесоюзный проектный институт с филиалами на местах. Здесь будут разрабатываться нетиповые проекты здравниц и баз отдыха.

Несколько слов о проблемах туризма. Большой популярностью, как известно, пользуются водные, железнодорожные и автодорожные путешествия. Дело это перспективное, и следует уже сейчас позаботиться об улучшении условий для таких туристских поездок. Если в 1966 году отправится четыреста пятьдесят туристских поездов, то на 1970-й намечено несколько тысяч. Пока это обычные составы, плохо приспособленные для туристских путешествий. Настало время конструировать и выпускать специальные вагоны, составы с душем, клубом и киноустановками. Есть еще одна трудность: для туристских поездов не оборудованы специальные стоянки. Мы ждем помощи Министерства путей сообщения.

Большая проблема — туристское снаряжение. Известно, что палатки, рюкзаки, байдарки, даже примитивные котелки и фляжки не всегда имеются в продаже, а то, что предлагается покупателю, часто никак не устраивает человека в походе: рюкзаки неудобны, палатки тяжелы и громоздки, байдарки слишком дороги. Эти вопросы неоднократно ставились перед промышленностью, демонстрировались образцы нужного инвентаря, но воз и ныне там. Необходимо создать — это уже не раз предлагалось — производственное объединение «Турист», которое выпускало бы и снаряжение и одежду, открыло свои магазины, пункты проката на турбазах и в городах, взяло бы на себя ремонт туристских изделий.

Лето в разгаре. Вместе с радостями наступающего отпуска оно принесло заботы и хлопоты о том, как лучше отдохнуть.

Самая северная здравница Советского Союза — курорт «Талая» в Магаданской области.

Известная Белокуриха. Сюда, на Алтай, приезжают тысячи людей.

Растет курорт на берегу Финского залива под Ленинградом. Здание нового пансионата «Дюны».

Фото Ю. Рябова и В. Николаева (ТАСС).

Лирика

Максим ТАНК

* * *

О, как просто идти,
ощущая матери руки,
ощущая юности крылья,
ощущая локоть любимой.
И как тяжко плестись,
опираясь ладонью на ветхий
посох воспоминаний.

* * *

Так захотелось мне поговорить
с сосной,
подружкой давнею, почти сестрой.
Она в своей зеленой пышной
кроне
качает звезды, и пичуг хоронит,
и тенью корабельного ствола
век отмеряет жителям села.
Но ни в одной из книжек
телефонных
я не нашел
сестры своей зеленой.
И не нашел я также номеров,
чтоб позвонить ветрам полей,
боров,
садам цветущим, облакам
косматым,
наднарочанским зорям и
закатам,—
хоть столько номеров
встречалось мне,
век без которых
жил бы на земле.

* * *

Поэзия!
Я тебя знаю,
проказница-молодица
из моего поселка,
которая часто кричала,
меня заманив в малинник:
— А ну, догоняй скорее!

Немного сентиментальная,
как женщины все,
что любят детей
и поэтому вечно
беременными ходят.

Вот и сегодня
сидишь под снопами жита
и грудью своей загорелой
кормишь младенца, который
поймать пытается солнце.

Никто из нас толком не знает,
куда ты пойдешь на закате,
где ждет тебя сон и отдых.
Хоть я и подозреваю,
что где-то живешь ты рядом,
между полюсами сердца —
молчаньем и криком —
моими.

* * *

В ореоле волос твоих
сны ночуют мои беспокойные;
и в глазах твоих
отражаются
все мои зори;
на губах твоих
отогреваются
все улыбки мои,
а в ладони твои
все тропинки мои
стекаются...
Как же
в век революций,
восстаний и мятежей
удержала ты единовластие!

* * *

Идя на свиданье,
захватите все зори,
идя на смотрины —
с медом баклагу,
на свадьбу собравшись —
цимбалы и песни,
на крестины —
трещотку на счастье в подарок.
Только свет покидая,
ничего не берите,
даже ключ от дверей
передайте соседу.

* * *

Когда б я забыл
твоей песни звук,
заботу и ласку,
тепло твоих рук,
обманчивой чьей-то красой
увлечен,—
считай меня мертвым,
чтоб я уж не мог,
как блудный сын,
шагнуть за порог
крова,
где нет мне прощенья ни в чем.

* * *

Казалось,
на всю жизнь хватит
у меня
расплачиваться:
за добро —
добром,
за забвение —
памятью,
за равнодушие —
теплотой,
за жестокость —
лаской.
Но вчера,
когда захотел
за ночлег заплатить,
в кармане нашел
только горький смех —
монету,
которую и сам не любил
и за которую,
вручая,
прошу извиненья у каждого.

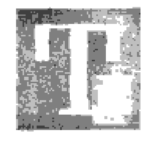
Перевел с белорусского Григорий КУРЕНЕВ.

Деревенская жизнь Туки Тукина

Анатолий ТКАЧЕНКО

Рассказ

Рисунок И. Ушакова.

Тука проснулся и, не открывая глаз — они были очень липкие, — потихоньку сполз с кровати. На полу, прохладном с ночи, он подремал еще немного и сразу распахнул глаза. Свет ударил ему внутрь, оглушил, удивил своей внезапной силой. Так было каждый день. Тука привык и все равно пугался: наверное, потому что, не думая, вдруг догадывался о жарком, трудном, огромном дне, который был весь еще впереди, который надо прожить по минутам и часам, начиная с этого мгновения — встречи с утренним степным солнцем.

Сестренка Муська спала, всхлипывая, прикрыв ладошками лицо: ее мучили мухи. Она будет спать долго, пока не устанет от мух и жары, после, повозившись, сядет на кровати и заревет. Успокоить ее — самое нелегкое дело; и Тука, отвернувшись от Муськи, осторожно стянул с табуретки штаны.

Во дворе было огненно-ярко и потому казалось пустынно и скучно. Кудахтала курица. «Снеслась», — подумал Тука. Далеко, в конце села, стучала машина. «На току, зерночистилка», — решил Тука, поднялся на ноги, покачиваясь, пошел к столу. Молоко кислое, молоко свежее, вареные яйца, хлеб под полотенцем, картошка (в мундире, чтобы ее мухи не ели) — это была пища им с Муськой на весь день.

Есть ничуть не хотелось. Разве это еда? Это — питание. И отец всегда говорит: «Ты, Тука, питайся, если мужиком хочешь сделаться». Может, от картошки скорей мужиком сделаешься, но настоящая еда — в магазине, а самая настоящая — в городе: мороженое «пломбир», пирожное «эклер», лимонад и разное другое в коробках и банках. О ней можно только мечтать, даже с Муськой поговорить нельзя: начнет хныкать, просить «мо-мо», будто у Туки во дворе собственный самолет и он быстренько слетает в город за мороженым. Она не понимает, что питаться все равно надо, что молоко, картошка и хлеб — «надежный харч».

Съел два яйца, одну картошку с солью, выпил банку кислого молока — отдышался, будто тяжело поработал, и, сразу позабыв о еде, вышел в сени. Здесь было сонно и сумеречно, пахло старой огуречной бочкой, слепо летали, шлепались о стены мухи, и в ведре с водой жужжал, захлебывался какой-то жук. Поддел его ковшом, выплеснул на пол: «Пусть живет!» Толкнул коленом дверь и остановился на пороге: со двора, с улицы, из всей степи пахнул ему в лицо, разом обдал с ног до головы яркий сухой жар, будто открылась огромная печная духовка, в которой белыми булками пеклись глиняные дома поселка, коровы на буром холме, горячо кипела, пенилась речка.

«Ничего, я не боюсь, — подумал Тука. — И другие живые останутся, это только кажется. Главное — работать надо, чтобы совсем позабыть о жаре».

Вчера он перетаскивал кучу песка с середины двора к забору: решил, что у забора песку будет лучше, там все-таки тень, а здесь солнце жарит его. Хоть он и песок — жалко. Придется печку этим песком чинить, дом ремонтировать... Половину кучи перетаскал. Муську заставил маленьким ведерком помогать. Хорошо поработали, даже Муське понравилось: не хныкала, конфет не клянчила. Только вечером неприятность получилась: приехала с поля мать, увидела две кучи песка, рассердилась, шлепнула Туку по затылку. И отец очень огорчительно улыбнулся.

Сегодня неизвестно что делать. Надо подумать. Тука сел на ступеньку крыльца, оглядел двор. Увидел тележку на трех железных колесах, за ней была конура, в конуре спал Космач. Сразу придумал. Можно впрячь Космача в тележку и поехать к речке за талой. Нарубить, домой привезти. Тала пригодится для чего-нибудь: плетень подгородить, помидорные кусты подвязать, хорошо еще корзину сплести. В хозяйстве всякие вещи нужны.

Тука пошел к конуре, выволок за ошейник Космача, подтащил к тележке. Пес, совсем дурной от жары, скулил, скалил зубы: из всех занятий в жизни он любил больше всего жрать и спать. И воняло от него шерстью и собакой невыносимо. Тука втолкнул Космача между оглоблями тележки и тут подумал, что ехать сейчас сразу нельзя: надо подождать, пока проснется Муська. Бросить ее одну он не может: заревется до смерти. «Подожду», — сказал Тука, пнув Космача под хвост. Пес взвизгнул, кувыркнулся, клубком рыжей шерсти вкатился в конуру.

«Вонючий, лодырь и еще... блохастый». — Хуже Тука не знал, как обозвать своего пса.

В соседнем дворе послышался стук — били железом о железо. Тука подошел к плетню, глянул в дыру. Васька Козулько колотил молотком по ржавой трубе.

— Ты чего? — спросил Тука.

— Тука-тук, Тукин-тук, — захохотал Васька.

Балбес, конечно, хоть и в четвертом классе учился. Тука третий окончил и уже знает, что дразниться нехорошо. Дразнятся, когда не придумают, что интересного сказать или трусость свою не хотят выдать. Ну, если бы Васька сам что-нибудь придумал, — тогда еще другое дело. А то «Тукин» — это фамилия Туки (всякий знает, фамилия не рубашка — в магазине другую не купишь), Тукой его Муська прозвала, потому что выговорить «Толька» не может.

— Тука-тук! — радовался Васька, будто ему за это килограмм шоколадных конфет пообещали. Он позабыл, зачем начал стучать по трубе, колотил как попало, лишь бы шума больше было. Тука сморщил от злости нос, просунул в дыру кулак. Васька завизжал от удовольствия: как же, удалось рассердить соседа!

Тука отвернулся, чтобы как-нибудь не обозвать Ваську. Лень было с самого утра ругаться, да и злость на Ваську уже прошла: главное — отвернуться, не смотреть на его конопатую рожу. Тука вспомнил Кольку Собакина — вот кому действительно достается от своей фамилии! — и совсем успокоился.

Пошел к колодцу, заглянул в темень, в глубину, подышал холодом, увидел тихую, темную воду, себя, перевернутого лицом кверху. Захотелось пить. Раскрутил ворот, достал полное, плещущее ведро, напился через край. В животе сделалось тоже холодно. Тука еще отхлебнул, чтобы дольше продержался в животе колодезный холод, отнес ведро к куриному корыту, вылил: в такую жару всем хочется пить.

В летнем щелястом хлеве завозился, захрюкал поросенок: наверное, услышал бульканье воды, захотел есть. Надо накормить. Тука снял задвижку на двери сарая, забрался в ларь, нагреб полное ведро отрубей. Каждый день он подкармливает поросенка: жалко, маленький и визжит, как ребенок. Но Тукина мать не знает об этом. Она радуется, что поросенок хорошо растет, будто с картофельной ботвы и прошлогоднего бурака можно кого-нибудь вырастить. Интересно, что она скажет, когда заглянет в пустой ларь? Про это лучше не думать: портится хорошее настроение, и даже не хочется смотреть, как, смешно хрюкая, поросенок быстро поедает вкусную кашу.

Солнце было уже высоко — над рыжим холмом, над тополями за речкой, сильно раскалилось, напекло холм, и от него струился к небу жар; напекло голову Туки — больно было глазам, и он пошел в дом поискать кепку. В сенях услышал: потихоньку хнычет, взревывает Муська. Она только проснулась, пробует голос. Она всегда так: пока одна, громко не ревет. Но стоит подойти, и у нее широко раскрывается рот, будто она галчонок и ей надо бросить в рот червяка.

Тука хорошо изучил свою сестренку, знает к ней много разных подходов. Главное, не надо с Муськой по-серьезному, командовать тоже нельзя: она не солдат, она маленькая девчонка.

У порога Тука поднялся на цыпочки, чуть пригнулся, улыбаясь и ласково морщась, проковылял к Муськиной кровати.

— Наша Мусенька проснулась, наша лапочка! — заговорил Тука тоненько и угодливо (так, ему казалось, всегда говорит с ней мать).— А мы не знали, ходим, работаем, а наша Мусенька проснулась. Вот мы какие плохие!

На другие разные нежные слова, которых у матери было много и которых она не жалела для любимой дочки, у Туки не хватило голоса, и он, взяв вчерашнее испачканное платье, накинул его Муське на голову. Она затихла, «переваривая» Тукины слова, дала надеть на себя платье, даже помогла чуть-чуть, а после уставилась на Туку такими большими глазами, будто им захотелось выкатиться и упасть Туке в ладони. Муське, наверное, еще хотелось маминых ласковых слов.

— Наша Мусенька проснулась...— снова завел Тука, но не успел пропеть до конца, как Муська по-старушечьи сморщилась, спрятала, закатив под лоб, глаза и так громко реванула, что Тука попятился от кровати. Ясно: поторопился, надо было что-нибудь другое придумать, например: «Наша красавица, наша умница проснулась...» Муська не любит, когда одно и то же твердят, ее это до смерти обижает. Теперь изревется, если новый, хороший подход не придумаешь.

Вчера Тука успокоил ее, подарив птенца: как раз перед этим нашел его у сарая, из гнезда вывалился (за него Муська целых две картошки съела и полбанки молока выпила). Позавчера шоколадная конфета была. На сегодня — ласковые слова Тука приготовил.

Муська орала, захлебывалась, будто тонула в речке, размазала слезы по щекам, и на нее злее напали мухи, а Тука придумывал новый подход. Но ничего интересного не мог вспомнить: или Муська криком мешала, или голову сильно во дворе напекло. Тука стоял возле кровати, злился, потел, и, когда ему тоже захотелось зареветь на весь поселок, он изо всей силы крикнул:

— Замолчи, дура!

Муська захлебнулась, будто утонула в речке, притихла. После из-под ладошек тихонько глянула на Туку: может быть, кто другой так страшно крикнул на нее, незаметно вошел в дом, пока она глаза терла, и крикнул? Никого не было, один Тука стоял, красный и сердитый. Но все равно Муська не поверила, что это он крикнул (мамуля приказала ему любить и нянчить ее), сморщила нос, несильно завыла, пробуя, не пропал ли с испугу у нее голос.

— Опять! — заорал Тука, схватил Муську за руку, стащил с кровати.— Если пикнешь,— сказал он, шипя сквозь зубы,— во, посмотри! — сунул ей кулак под нос.— Ударю — и помрешь!

Муська не захотела умирать, перестала хныкать, и Тука подвел ее к столу. Очистил две картошки, обшелушил два яйца, отлил полбанки молока, положил кусок хлеба.

— Ешь все,— сказал.

Вздыхая и постанывая — наверное, в уме жалуясь маме,— Муська принялась есть. Тука стоял строгий и потный. Он радовался, что нашел новый подход (интересно, сколько раз удастся этим подходом подействовать на Муську?), и боялся чем-нибудь испортить его. Но строгости много — тоже нехорошо, любой человек может злым сделаться. Наконец, когда Муська приложилась к молоку, Тука проговорил почти нормальным голосом:

— Надо слушаться старших братьев, для того они бывают, поняла? Они начальники, если родители на работе.

Муська, конечно, поняла, потому что выпила все молоко, и, послушная, пошла за Тукой на улицу. В сенях жужжал, тонул в ведре жук. «Опять попался!» — подумал Тука, поддел жука ковшом и выплеснул в дверь. Муська нашла жука, мокрого, грязного, сказала:

— Возьму. Это будет мой самолетик.

— Бери,— сказал Тука,— только не задуши, он тоже живой.

Теперь надо впрягать Космача и ехать за талой — другого пока дела нет. А без работы нельзя. Без работы что-нибудь глупое придумаешь: ласточкины гнезда полезешь разорять, костер из соломы посреди двора разложишь или с Васькой захочешь подраться. Без работы Тука как-то одному старому прохожему дядьке двадцать штук куриных яиц за двадцать копеек продал.

Противно лезть в конуру за Космачом — от жары он совсем лодырем стал и псиной до невозможности провонялся. Скулить будет, еще укусит от страха. Может, без него поехать? Нельзя, подводы не получится, а на себе — это не езда. И Муське не очень интересно, каждый на себе сумеет.

Тука пошел к конуре, заранее ненавидя Космача, готовясь колотить и ругать его, и тут визгливо крикнула Муська, съехав на спине с кучи песка:

— Папуля едет!

По улице, со стороны тока, быстро катилась машина, пылила, раскачивалась. Она была такой же, как все другие машины, сновавшие между домами, дымившие на село пылью, но Муська сразу узнала ее. По кузову, по кабине, по звуку мотора или особенному запаху — она сама не могла понять, как узнавала машину отца. Ни разу не ошиблась. И самое интересное — даже ночью угадывала. Все знали об этом Муськином нюхе и удивлялись.

— Ага! — заплясала и захохотала Муська.

«Ага» обозначало: Муська будет жаловаться отцу (она еще не позабыла нового подхода), но это все-таки лучше, чем возиться с Космачом: от его блох после всю ночь чесаться будешь.

— Открывай! — крикнула Муська.

Она и это знала — что отец въедет во двор. Она уже видела его, смеялась ему, и он ей кивал, улыбался. Он погудел чуть-чуть, как пароход, подплывающий к пристани, чтобы еще больше обрадовать Муську. «Поцелуйчики сейчас начнутся»,— подумал Тука, раздвинул штакетниковые воротца, и машина, нацелившись в них тупым рычащим рылом, подкатила вплотную к сеням.

Отец вылез из кабины, поворошил рукой Муське волосы, пошел в сени и долго пил воду. Муська держалась за край его пиджака, задрав голову, нудно пищала:

— Пап, папуля... а Тука...

Отец не слышал, пил. После легонько оттолкнул Муську. Он устал, с утра до ночи возит с поля зерно. На току много зерна, в зернохранилище — под крышу, куры на дорогу выходят собирать зерно, и в кузове каждой машины после разгрузки остается немного зерна.

— Сгреби,— сказал отец.

Тука забрался в кузов, пригнулся (чтобы с улицы не очень видно было, чем он там занимается), смел веником-голышом все до зернышка на свой двор. Набежали куры, приковыляли утки — это им хорошая еда. На весь день хватит. Вечером отец еще привезет — то зерно можно будет в сарай отнести: запас в хозяйстве не помешает. Тука тоже любит прятать в сарай разное добро. Когда его много, запахи хорошие, тесно, тепло становится, что-то шуршит, пересыпается, и мать радуется, и отец, выпивая с дружками, хвастается: «Прошу не переживать за Тукина, Тукин перезимует». Он добрый делается, обещает Туке купить велосипед.

Спрыгнув на землю, Тука хотел подойти к отцу, сказать: «Порядочек!»,— но Муська уже ябедничала ему, тоненько всхлипывая и натирая грязными кулаками глаза, будто ее сейчас только кто-то поколотил. Пришлось отойти подальше, к радиатору машины. Тука трогал горячий капот, слушал, как бормочет, засыпает в жаре мотор, и очень сильно жалел себя: вот он нянчит ее, Муську, а она еще жалуется. Всю жизнь с ней возится. Другие мальчишки на речке раков дерут или на току горох таскают — он дома сидит. Да еще ругают, воспитывают, если Муська наябедничает. Что он, детсад для них или за деньги нанялся нянчить, как старушка пенсионерка? Пожалуй, убежать надо — в город, или на целинные земли, или на речку. «Убегу,— думает Тука,— наищетесь, наплачетесь. На прощание Муське обязательно по толстой роже смажу».

Но отец даже не глянул на него. Он был помятый, серый от пыли; волосы слиплись, затвердели от грязи и пота, глаза спрятались — вместо них под бровями темнели сердитые впадины. Отец закурил новую папиросу, поморщился и, поворошив лохматую Муськину голову, сутуло пошел к кабине.

Пока отец включал газ, пятился к воротцам, выезжал на улицу, Тука думал о нем. Отец у него вполне хороший: хозяйственный и разворотливый. В колхозе считается в передовых, председатель за руку с ним здоровается, а раз приглашал к себе на свой день рождения. С отцом приятно выпить и поговорить. Он на Байкале служил, у генерала шофером работал.

— Тука, ты чо?

Это Васька пролез в дыру, стоит у забора, носом шмыгает. Подойти сразу боится: вдруг Тука еще не позабыл его дразнилки? Заговаривает, проверяет настроение. А Тука так задумался, что сначала не узнал Ваську — стоит какой-то белобрысый и грязный пацан. Поэтому Васька спросил: «Ты чо?» Вообще лучше б этого Ваську никогда не видеть, лучше б он переехал на другой конец села или Туке уехать куда-нибудь подальше: в город, на целинные земли или за речку. Ну, что это за человек? Дразнится, хохочет, рожи дурацкие строит, а чуть услышит — машина приехала — сразу в дыру: страшно любит прицепиться к кузову и хоть немножко проехать. Из-за этого послушный становится, улыбается Туке, а Муське обещает конфетку когда-нибудь принести.

Сегодня Васька опоздал, Тука показал ему на дорогу, где от машины остался длинный пыльный след, хлопнул в ладоши, будто хотел поймать птичку или бабочку (так показывают маленьким детишкам), и засмеялся. Получилось очень даже удачно: Васька перестал шмыгать, пригнулся и полез в дыру. Зацепился штанами за гвоздь, застрял — можно было дать ему хорошего пинка в зад, но Тука просто крикнул:

— Беги, стучи железом!

Васька рванулся, затрещали штаны, и дыра стала пустой.

Тука постоял минуту, соображая, о чем бы еще подумать, но ничего интересного не мог вспомнить. Ему сделалось скучно и сонно, захотелось влезть под навес, в тень, сесть на землю: она всегда там немножко прохладная. Глянул в небо и ничего не увидел, даже солнца не было. Все небо светилось, горело белым огнем — это, наверное, солнце расплавилось, пролилось сверху, затопило степные холмы, желтые пшеничные поля, похожие на песчаные пустыни, речку, деревья. Тополя сделались белыми, остро сверкающими — ни одного зеленого листика, будто и вправду все они сгорели. Значит, уже полдень — так бывает, когда проживешь половину дня.

Муська сидела на куче песка, еле шевелила руками, сильно сопела, и было видно сквозь ее белые волосы, как покраснела кожа на макушке. Она хитрая: молчит, к Туке не пристает, потому что отцу наябедничала. Знает, за это полагается пара штук горячих. И дать бы ей «для воспитательности», но от жары и скуки Туке не хотелось скандалить.

В небе возник далекий шепелявый рокот, быстро приблизился, обращаясь в грохот, прогремел над деревней, снова стал сквозистым, шепелявым и понемногу умер где-то в степи. Это пролетел реактивный истребитель. Сегодня первый. А бывает, весь день гремят, бухают в вышине, стрекочут, глянешь, все небо расписано белыми кругами, будто мелом кто-то баловался.

Вот еще один зашелестел, засквозил; этот по самому краю неба, по далекому холодку, как по воде, и Тука поежился от колких мурашек на спине: очень захотелось куда-нибудь пойти, поехать, полететь, что-

бы не было этой жары, чтобы увидеть много интересного и совершить что-нибудь необыкновенное, стать героем.

Когда летят самолеты, не хочется сидеть во дворе, возиться с блохастым Космачом, кормить поросенка и нянчить Муську. Прямо стыдно делается за такую жизнь.

— Мо-мо хочу,— захныкала Муська, облизывая губы.

Всегда так: услышит грохот самолета — мороженое вспоминает, в город, к бабушке просится. Как у нее получается — самолет и мороженое,— неизвестно. Наверное, и ей самолет прохладу, холодок напоминает.

Бедная Муська! Не пожалел бы для нее целого килограмма мороженого, пусть ест и радуется. И свою бы порцию отдал. А то губы у нее потрескались, во рту пересохло, и дышит она, как выпавший из гнезда птенец. Молоко не пьет: теплое, надоело. Воды много ей нельзя: обопьется, животом заболеет. Лучше б никогда Муське не давали мороженого и она бы не знала, какая это вкусная еда, или самолеты совсем перестали летать.

— Мусь,— сказал Тука,— ты скоро поедешь к бабушке и сразу купишь себе «пломбир», «эскимо» и пирожное «эклер». Скушаешь все, еще возьмешь, потом еще...

Муська подняла голову, не мигая, уставилась Туке в глаза. Такая у нее привычка: проверяет, не врет ли Тука. Надо тоже долго не мигать, чтобы Муська поверила. А это трудно — долго не мигать.

— Честное-пречестное!..— быстро проговорил Тука, открыл рот и ковырнул ногтем зуб, что означало: готов вырвать зуб.

Муська облизнула губы, вздохнула, не совсем веря, принялась стучать ложкой по пустой банке. Это она на обед куклу и Космача приглашала.

Глупая маленькая Муська! Когда ее обманешь, ей легче жить. Надо напоить ее молоком. Но вставать, идти на жару не хочется, и Тука воображает, что будто бы он все-таки встал, пошел в дом, взял кринку с молоком и напоил Муську. Много хлопот с этой Муськой, устаешь за весь день, вечером даже на речку сходить не хочется. Хорошо в прошлом году было: Муська у бабушки в городе жила целый месяц. И Тука отдохнул, будто в пионерском лагере побывал. Встанешь утром — и иди куда хочешь.

А раз даже приключение было. Пришел Мишка, который за речкой живет, говорит: «Пошли, Тука, в поход! За Верблюжьей горой геологи землю взрывают, чего-то ищут. Посмотрим, интересно же, попросимся в партию, может, возьмут». Чего тут раздумывать: геологи — это не хуже, чем солдаты или танковые войска. Запаслись хлебом, вареной картошкой, солью и пошли. Ну и заблудились, конечно. Утром казах, который овец пас, нашел их в овраге, не так далеко от поселка. Дома Тука получил трепку — самую большую за всю свою жизнь: отец снял с него штаны и выпорол прямо во дворе. Так что все село видело.

Сначала Тука поклялся отомстить отцу, когда вырастет: тоже спустит ему штаны и высечет у магазина при всей публике. Теперь не очень сердится. Расти еще долго, устанешь злость помнить, а приключение все-таки было настоящее, как в сказке: страшная ночь, месяц, похожий на бычий рог, казах у кизячного костра, овечье молоко... Вспомнишь — и то мороз по коже.

— Пи-ить...— тоненько пропела Муська.

Надо вести поить и кормить ее, а то заболеет еще — вот возни будет с ней, и мамка работу бросит. А это совсем никуда не годится: колхозу помощь нужна, да и заработок в семье не лишний. Женщины зимой отдыхают, им зимой делать нечего, сиди дома и обеды вари.

— Пи-ить...

— Нашей Мусеньке пить?— спросил Тука, будто сейчас только услышал.— Нашей лапочке...— Муська сморщилась, закрыла глаза. Тука схватил ее за руку, поставил на ноги, сказал:— Пошли!

Эх, пришла бы мамка на обед! Она, бывает, приходит. Сядет на попутную машину — и домой на полчасика. Муську накормит, чего-нибудь приготовит, дома приберется и опять в поле. Пришла бы сегодня: что-то день очень длинный. Почувствовала бы, как трудно с Муськой, как жарко ей, как хнычет она...

— Садись, вот так. Бери картошку, два яйца, хлеб. Потом молоко выпьешь. Всю кринку, ясно?

Муська сопит, смотрит на стол так, будто боднуть его хочет. Избаловалась — это все ей не вкусно. В войну люди голодали, даже умирали с голоду. Дети — и то про хлеб мечтали. Мамка голодала, папка голодал, бабушка чуть не кончилась, а Муська заелась теперь. Буржуйка несчастная! Маленькая, и уже с пережитками.

— Не хочешь?— спросил Тука.

Муська всхлипнула.

— Убью,— сказал Тука, сунул руки в карманы и остановился по другую сторону стола.

Муська принялась есть, следя за Тукой, чтобы он не вытащил из карманов кулаки. Откуда и аппетит появился, причмокивает, даже Туке есть захотелось. Но потерпеть надо, а то еще испортишь удачный подход.

«Вечером, когда придет мать, придется убежать,— думает Тука,— но это ничего, зато сейчас Муська хорошенько наестся, и на жаре не раскиснет, и не заболеет от слабости. Жалко ведь — своя, родная».

А родители все равно ругают Туку за то, что он старший и лентяй. Какая же здесь работа? Нянчить — это не работа, от этого только устаешь и злой становишься. Работа — когда что-нибудь делаешь, например, машину водишь, землю копаешь, талу рубишь. Даже в поле, на колхозном огороде — работа. В прошлом году, когда Муська жила у бабушки, Тука ходил с матерью на огород — окучивал картошку, поливал помидоры, полол; уставал, спина болела, хотел убежать куда-нибудь подальше, но все-таки это была работа, хоть и женская.

А раз скандал произошел, бабы на пред-

седателя напали. Норма — двадцать соток прополоть. Разве кто выполнит такую норму? Даже молодые, Тукина мать, девки и тетка Симониха — самая сильная в бригаде — не могут выполнить такую норму. Кричали на председателя, обзывали его поразному. Симониха, красная от жары и скандала, бубнила ему прямо в лицо: «Бурократ, бурократ!» И Тука тоже кричал — так разозлился,— бегал вокруг председателя, дергал за пиджак, плакал от страха и возмущения. Председатель поймал Туку за ухо, гаркнул: «Пошел домой, щенок!» — и тогда Тука так заревел, что бабы замолчали, а председатель расхохотался.

Решили устроить собрание, и тихо, без скандала, поговорили о норме и цене, даже председатель свое любимое «На кого работаем?..» совсем негромко выкрикивал. Правда, еще немножко покричали, когда спрашивали председателя: «Тридцать рублей в месяц — разве деньги?» Председатель спрятался в «газик», заглушил баб мотором и уехал, а бабы все равно остались сердитые.

— Тука-а,— жалобно позвала Муська.

Оказывается, она съела все и лишнее яйцо еще прихватила — Тукину порцию. Сидела просто так, скучала, ожидая, когда Тука обратит на нее внимание, и глаза у нее были узенькие и липкие.

— Наши Мусеньки наелись? — спросил Тука.

— Ух-гу.

— Наши Мусеньки баю-бай будут?

Муська промолчала, она не соглашалась спать, даже если валилась с ног (боялась во сне одна остаться, что ли?), и Тука, взяв ее на руки, тяжелую, горячую, будто вытащенную из печки, понес к кровати. Едва поднял на край постели, перекатил к стене; задернул на окнах занавески: в сумерках мухи слепнут, не сразу находят Муську. Вздохнул, тихонько засмеялся, пошел к столу и съел все, что там осталось: «Надо питаться, чтобы скорей вырасти, мужиком сделаться».

Солнце чуть-чуть перевалилось на другую сторону неба, начало снова сжиматься в огненный сгусток, но было еще большое, косматое, и на домах, холмах, на всей степи лежал его белый, огненный свет. Только тополя чуть позеленели, будто их окунули в воду, и они стали понемножку оживать. Теперь сделалось душно, а это хуже, чем горячо. Этого даже куры не выдержали — спрятались под сарай, и поросенок затих — сварился, хоть мясо ешь. Но все-таки тополя позеленели. Скоро отойдет от земли жара, рассеется в огромном, пустынном степном небе, из которого уйдет солнце — косматое, как зверь.

«Надо работать,— решил Тука,— без работы совсем делать нечего и жить скучно. Или уснешь еще, а это вовсе не интересно».

Лучше всего поехать за талой. Возле речки прохладно, искупаться можно, с мальчишками поговорить: может, что-нибудь интересное знают. Может, Гагарин снова в космос полетел или на Луну, ходит там, песню поет «На пыльных тропинках...», про землю мечтает и другие планеты с близкого расстояния разглядывает. А главное, тала нужна. Талы на речке не очень много, к осени ее всю вырубят, растащат по дворам, придется далеко за талой ехать. Без нее в хозяйстве нельзя: она и дрова заменяет, когда подсохнет, и на постройку годится: обмажь плетень глиной — вот тебе и стена. Талу можно продать — запросто каждый купит, кто заготовить поленился. За нее отец сразу обещанный велосипед купит, да еще с мотором.

И опять Тука вспомнил о Муське: все-таки она сильно мешает нормально жить. Надо с матерью поговорить, пусть отправит ее на недельку к бабушке, пока Тука по хозяйству управится. Бабушки, хоть и городские, должны внучек своих нянчить, а не писать в письмах, что они больные, старые и усталые. Молодых бабушек не бывает — бывают сознательные и малосознательные. Сознательные до смерти работают, родным помогают.

За плетнем послышался стук: Васька Козулько бил железом по железу. Стук сухой, горячий, как в кузнице. Слушать было противно. Это Васька назло Туке гремит, на нервы действует. Тука хотел пойти к дыре и поругаться с Васькой, но передумал. «Лучше дыру заделаю»,— сказал он себе, взял в сенях молоток и гвозди, вытащил из сарая доски от поломанных магазинных ящиков. Осмотрел плетень, смерил дыру, начал работать.

Как это раньше Тука не догадался заделать дыру? Во-первых, Васька в нее лазит, во-вторых, украсть что-нибудь может. Во дворе много добра: солома, кизяк прошлогодний, уголь тоже. Кое-что другое. А Васька все к себе тащит. У них вся семья такая — хозяйственная: отец — полевод, мать на птицеферме работает, хорошо живут. И еще лучше хотят жить. Из-за этого надо от них отгораживаться, а надежнее — собаку купить злую, на ночь с цепи спускать. Сунется кто-нибудь из Козулек — покусанный назад уползет.

Плетень дрожал, раскачивался, гвозди гнулись, доски раскалывались. Тука обливался потом, от пота щипало у него в глазах, и он плохо видел, но упрямо колотил молотком. Даже Васька бросил свое железо, глазел удивленно, шмыгал носом: он, конечно, не ожидал, что Тука так быстро догадается, зачем их семейству дыра нужна.

Приладив последнюю доску, вбив в нее здоровенный гвоздь, который на целый палец вылез по ту сторону плетня, напротив Васьки (будто пронзил его), Тука бросил молоток и сел на землю отдыхать. Сидел долго, чуть не уснул, а потом услышал: плачет Муська. Оказывается, она стоит рядом с ним, трет глаза и топает ногой — сердится, что Тука не встречает ее ласковыми словами.

— Наша Мусенька...— начал он, глянул на плетень.— заплата была надежная, виднелась белым пятном,— сказал: — Смотри! Это я сам. Хорошо?

Муська терла глаза, ничего не видела.

— Ты знаешь, кто такая?— Тука встал перед нею, сунул руки в карманы.— Кар-ракатица!

Муська притихла, соображая, что ей делать: зареветь как следует, покрепче, или не испугаться этого слова?

— Поняла?

— Не-ет,— открыла глаза Муська.

— Такая птица есть, которая людей живых съедает и всегда плачет.

С. ГЛУХОВСКИЙ

УСЕРД

1

Поезд прибыл в Грозный утром, и я успел к открытию пленума горкома комсомола. Он проходил в клубе воинской части. Его повестку начертали на транспаранте во всю ширину авансцены: «Пусть тебе примером будут подвиги отцов!»

А за примерами юным грозненцам не надо отправляться в дальние поиски. Еще по дороге с вокзала в гостиницу я записал: «Двухэтажный особняк на улице Красных партизан. На мемориальной мраморной доске высечено: «С балкона этого здания Орджоникидзе и Киров принимали парад партизанских отрядов, освободивших город от деникинцев». Местный старожил рассказывает, что на фронтоне другого здания (средней школы № 12) долго сохранялась надпись: «Умрем, но Грозный не сдадим!» Она появилась, когда фашисты приблизились к Грозному. Город отстояли. А надпись с годами стерлась. Жаль, что ее не обновили. Потомкам нужны не только монументальные памятники. Призыв, написанный в суровый час испытаний рукой земляка-солдата, многое мог бы сказать юному уму и сердцу.

Турсун Рустамов эту надпись не видел. Турсун родился после окончания войны и служил в Грозном, в той воинской части, где проходил пленум комсомольцев и где нам показали любительский документальный фильм о современнике, рядовом Советской Армии. На родине Турсуна Рустамова, в поселке киргизских шахтеров, его именем названа улица, школа, пионерский отряд.

За что солдату такая честь? За подвиг. За то, что смело вступил в бой с бандитами и спас своего товарища по оружию солдата Петренко. Почему правдивый и волнующий фильм о Турсуне Рустамове показывают только участникам пленума, а не всей грозненской молодежи? Никто не мог мне этого объяснить. В школьные каникулы на экранах кинотеатров города демонстрировали «Ограбление почтового поезда» и «Подвиги Геракла». Это в объяснении не нуждается: что дают, то и показывают. Лихо расправляется со своими дружками гангстер из Бразилии, творит чудеса модернизированный мифический Геракл. Вовсю кипят киношные «страсти-мордасти», и после сеансов ребята взахлеб делятся впечатлениями. О Турсуне Рустамове они не знают.

2

Вернемся к пленуму. Он, вероятно, запомнится комсомольским активистам тем, что происходило до пленума и после него. Побывали активисты в казармах, попробовали в столовой солдатских щей. Вместе с солдатами веселились, соревновались в спорте.

ИЕ БЕЗ ЛЮБВИ

И узнали о судьбе Турсуна Рустамова.

А на самом пленуме? Казалось, повестка дня (пленум посвящен военно-патриотическому воспитанию) должна настроить докладчика и всех ораторов на горячие речи, на ту свойственную молодым людям искреннюю сердечность и взволнованность, когда им безудержно хочется поделиться с товарищами и сверстниками своими мыслями и думами. Не было этого. Выбрали президиум («Есть предложение — бюро горкома. Кто за? Принято»), выслушали прочитанный вслух доклад и прения заранее намеченных ораторов. В зале не смолкал приглушенный шум.

А эти парни и девушки могли бы собраться под балконом двухэтажного особняка на улице Красных партизан, побеседовать с ветераном, знавшим Серго Орджоникидзе и Сергея Кирова. Могли бы побывать в залах краеведческого музея, где собраны яркие экспонаты, иллюстрирующие подвиги отцов и дедов в боях и в труде. Но пленум провели как очередное мероприятие — для отчета.

— Так на всех собраниях принято,— сказали мне участники пленума.

Кем принято? Можно было бы не придавать этому пленуму особого значения (мало ли у нас скучных собраний!), но в Грозном очень уж часто я сталкивался с формализмом в работе среди детворы и молодежи.

Лучший в городе общественный «Совет содействия семье и школе» проводил на пятой швейной фабрике восьмую по счету конференцию. Собрали малышей от десяти до двенадцати лет, из этих «участников конференции» выбрали огромный президиум (зал при этом наполовину поредел), и пенсионерка, председатель совета, начала доклад:

— Товарищи, мы собрались, чтобы подвести итоги и определить задачи...

На конференции — лишь шесть родителей. Даже взрослым тягостно выслушивать обобщенный обзорный доклад, а каково ерзающим на стульях малышам? После докладчика слово предоставляют товарищу из района. Так принято. Теперь другая, весьма почтенная тетя обращается к ребятишкам. Я дословно записал начало ее речи:

— Дети — наше будущее, и наша задача довести ребятам до полного сознания, что они учатся на себя. Без знаний человек не может рассчитывать на свое благополучие...

Как ждали дети каникул! Но, по убеждению совета, никак нельзя закончить четверть без конференции, на которой не отчитался бы весь актив. Послушаем, как он отчитывается. Девчурка с огромным бантом и торчащими поверх ушей косичками бойко докладывает:

— Таблицу умножения я рассказала на пятерку, а по чтению у меня твердая четверка.

Так и сказала. Уже знает, что школьные оценки бывают твердые и мягкие. (Раньше, помню, не мудрствуя лукаво, ставили с плюсом или с минусом.) Потом вызывают мальчика. Менее искусный оратор, он почти лепечет:

— У нас есть один двоечник. Тянет весь класс.

— Громче! Расскажи, почему тянет?— требует тетя, готовившая мальчика к отчету.

Тот в забывчивости выпалил:

— Собак гоняет.

Кто-то прыснул, но мгновенно следует новый вопрос:

— А ты ему помогаешь?

— А я ему помогаю,— соглашается он уже под общий смех.

Мне показали сотни так называемых «учетных листков». Их заполняют сами школьники, отчитываясь перед советом. Кому они понадобились? Есть классные журналы, ученические табеля. Оказывается, понадобились совету. Для учета. «А заодно,— пояснила одна из активисток,— мы проверяем искренность и правдивость ребят». В таком учете есть оскорбление ребят недоверием. Никому это невдомек.

Диву даешься, как иногда уживается формализм с настоящими и полезными делами, которые проводит тот же совет. Вот одно из таких дел. Привели ребят в цеха швейной фабрики: пусть своими глазами увидят, как трудятся их мамы и как много надо уметь, чтобы сшить платье, костюм. А потом начался предметный разговор: дети должны помогать дома своим мамам. Родители Клавы Петровой надолго уехали в Ростов, оставив на ее попечении младшего братишку. Об этом Клава не рассказывает — она показывает, как надо хозяйничать: накрывать на стол, убирать комнату.

3

В атмосфере живых, увлекательных дел формализм чахнет, и тогда самые трудные вопросы воспитания оказываются разрешимыми. Весьма поучительна история грозненского лагеря «Сын полка», когда сама жизнь посрамила обывателей, вечно брюзжащих: «Не та молодежь» или: «Этих не исправишь».

Представьте себе лагерь, организованный в прошлом году воинами и комсомольцами Грозного. Сто отчаянных сорванцов — тех мальчишек, которых в одном случае мы называем «трудными», в другом — «неустроенными», побывали в течение двух месяцев в этом лагере. Раньше они тоже были на учете. Не в «Совете содействия семье и школе» — в детских комнатах милиции.

Внешне лагерь «Сын полка» вы-

— Не-ет.
— Чего нет?
— Не-ет.
— Пошли играть.

Тука усадил Муську на песок, дал ей банку, ложку, куклу, два гвоздя. Она пыхтела, хмурилась, расшвыривала песок, потом у нее задрожали губы, глаза залились слезами. Бросив в Туку сразу ложку и гвоздь, упав на спину и задрыгав ногами, чтобы Тука не сразу смог подойти к ней, Муська заорала:

— Не-е-т!..

Тука сел на пустое перевернутое ведро, приготовился ждать: теперь ничего не сделаешь, теперь пусть орет, пока не охрипнет, пока не выревется. Говорят, так маленькие дети даже умереть могут. Муська еще ни разу не умерла: как почувствует смерть близко — сразу замолкает. Она хитрая, жить хочет, «мо-мо» кушать, с мамулей целоваться. Пусть поревет.

В селе что-то переменилось: у магазина люди появились, мотоциклы, на подводе провезли пустые бидоны к ферме, чаще приходили из степи и поднимали пыль между домами автомашины. Бабы во дворах заговорили: значит, пришли с работы. А еще жарко, еще день... Вон, кажется, Володька Козулько, брат Васькин, с тока идет, с ним Колька Собакин. Они на току горох перелопачивают, деньги на велосипеды зарабатывают. И, конечно, воруют. Даже издали видно — в карманах и под рубашками тащат. Бессовестные. И старые бабки у них такие же: осенью в город поедут стаканчиками горох продавать. Написать на всех заметку, что ли? Пусть разрисуют в стенгазете. Ничуть не жалко ворюг. Идут, улыбаются, Собакин папироску курит. И не понимают эти два дурака, что воровать стыдно.

Тука поискал солнце — оно было маленькое и незлое, висело над самыми дальними, мутными холмами, будто заглядывало за них, высматривая себе место, где бы отдохнуть, ночью раскалиться, разозлиться для завтрашнего дня. Из-за этого и переменилось село.

Муська ревела. Ей уже надоело реветь, и голос пропал, и слез не было, и последние силы кончились, но она ревела — нудно, тихо, жалобно. Из конуры вылез Космач, вихляясь, подошел к Муське, уставился на нее кислыми глазами: он не мог долго терпеть, когда Муська плакала. Тявкнув, Космач лизнул Муське руку. Она не перестала реветь. Она обалдела от своего рева, и ей, наверное, казалось, что ревет она много лет и должна реветь, пока не постареет. Надо бы как-то успокоить Муську, а то придет мать, рассердится, что у ее любимой дочурки нервное расстройство, других воспитывать начнет. Но встать, подойти к Муське — на это у Туки не было уже никаких сил.

У магазина становилось больше народа, слышался говор, появились, задвигались люди между домами, улицу прошивали мотоциклы, оставляя над дорогой кривые строчки поднятой пыли. Где-то за селом, приближаясь, смутно бормотало овечье стадо, и оттуда с ветерком доносился бензинный стрекот тракторов. А после из толпы у магазина вышел человек — небольшого роста, в коротком платье и белом платке, с коричневыми до плеч руками. Он шел тихо, всматриваясь в Тукин двор, неся тяжелую, опущенную до земли сумку. Он шел, покачиваясь, неслышно, шел медленно и очень устало, но с каждым его шагом Туке делалось легче и беззаботнее. И когда стало совсем свободно, так, что захотелось свистнуть и пуститься через огороды к речке, Тука сказал себе:

«Мамка идет!» — и отвернулся, чтобы не заплакать.

глядел весьма нереспектабельно. Палатки, походная кухня, нет укатанных дорожек, цветников. В первую же ночь десять мальчишек сбежали: не понравился лагерь. А через две недели явились и клятвенно умоляли зачислить их в ряды «сыновей полка». По всему городу разнеслась добрая молва о лагере. Там, на пруду, разыграли настоящий «морской бой». Это постарались отпускники-курсанты мореходного училища. Там, над лагерем, самолет сбросил настоящих парашютистов. «Вражеский» воздушный десант искусно замаскировался, но юные следопыты все-таки его обнаружили. Там... Нет, я не стану перечислять все затейные дела лагеря «Сын полка». Их ведь тоже можно отнести к «мероприятиям», а вся суть в том, кто их организует и как их проводят.

Миновал год, а мальчишки из лагеря «Сын полка» толкаются по воскресным дням у ворот казарм, чтобы увидеть своих бывших вожатых Юру Щербакова, Васю Онищука и их товарищей. Не дипломированные педагоги, рядовые солдаты — чем они завоевали любовь подростков? Да только тем, что не донимали нудными назиданиями, а воспитывали по армейскому принципу: «Делай, как я».

— Гляди, как я это делаю. Вместе со мной быстро вскакивай по сигналу горна, заправляй койку и становись на зарядку. Рядом со мной ходи ночью по азимуту. Кругом лес, но мы точно выйдем к цели.

В кино ребята видели умного четвероногого Мухтара. Солдат показал им настоящую сыскную собаку, и она повела их по следу. Это здорово, когда тебе доверяют настоящий пост, засаду и тайно сообщают пароль. И без всякой шутки добавляют: «Ты представь, что за тобою полоса пограничная идет».

Мальчишкам нужен тот, кому бы они подражали. Вся затея с лагерем «Сын полка» разлетелась бы в прах, если бы к этим «трудным» парнишкам приставили морализирующих наставниц и наставников. В лагерь пришли бывалые люди, воины и спортсмены — и дело пошло.

4

Судьбами «трудных» подростков занимаются комиссии по делам несовершеннолетних при райисполкомах. Евгения Дмитриевна Бибикова — помощник прокурора республики по делам несовершеннолетних. Она озабочена разрывом между формой и существом в деятельности этих комиссий. Их члены, включая председателей, не столько работают, сколько выполняют общественную нагрузку.

— Формально,— говорит Бибикова,— решения комиссий не вызывают возражений. Но какая им цена, когда за решениями не следует исполнение!

...Я беседовал с секретарем комитета комсомола завода «Красный молот» Автандилом Кантария. Зашел разговор о формализме в воспитании молодежи. По указанию райкома партии создали на заводе молодежные клубы «Глобус», «Метеор», «Прометей». Эти громкие названия носят обычные кружки политграмоты. По существу, в политических занятиях молодежи почти ничего не изменилось.

Иногда и местная комсомольская газета оказывается в плену формы. Недавно она подвергла критике комсомольскую организацию завода «Красный молот». Ее корреспондент имел все основания упрекнуть комсомольцев в недостаточном внимании к производственному обучению подростков. Статья начинается с рубрики «Рождается наука — производственная педагогика». И завершается выводом: «Жизнь выдвигает новые общественные науки. Одну из них называют производственной педагогикой». Автор излагает историю бывшего правонарушителя (имя его вынесено в заголовок статьи) и считает, что над рассказанной им «историей еще рано ставить точку». Беседую с этим парнем, с его товарищем—комсоргом, с учительницей из колонии, в которой парень отбывал наказание. Все недоумевают: зачем обидели человека, напомнив о его давнем поступке? Всем очевидно, что в угоду форме (рубрике и выводу) газета избрала совсем неподходящий для критики объект.

Форма соблюдена, а чувство меры и такта утрачено.

5

Воскресный день выдался погожим, и многие грозненцы поехали смотреть футбольный матч. Стадион, вмещающий около 25 тысяч зрителей, выделил в дни школьных каникул всего четыреста мест для ребят. Трибуны наполовину пустовали, а мальчишки шныряли вокруг стадиона, пытаясь проскочить туда «зайцем».

Неужели рухнет футбольная команда «Терек», если расщедриться на большее количество льготных мест для детей города? На таком большом стадионе не грех иметь и какое-то количество бесплатных абонементов, чтобы поощрить старшеклассников за успехи в занятиях и в спорте.

— Вот чего захотели... А коммерция?

Я это услышал после матча в Доме культуры нефтяников и химиков. Директор дома привел много фактов коммерческого рвения, явно противопоказанного деятельности культурно-просветительных и спортивных организаций. Выручка от танцев дает семьдесят процентов зарплаты работникам Дома культуры. Как от них отказаться?

— Дайте план!— требуют от директоров кинотеатров, и ради кассовой выручки фильм «Звонят, откройте дверь» уступает экран заграничному «боевику». Даже буфетчица гостиницы «Чайка», уже с семи утра бойко торгующая водкой, формально ссылается на план: «Мне надо дать выручку!»

Никакая бухгалтерия не может, к сожалению, подсчитать моральный и материальный убыток от такого «купецкого» подхода к сфере духовных потребностей.

Проблемы воспитания сложны, многообразны, а жизнь вносит существенные коррективы, ставит новые задачи. Это естественный процесс. Нам ли бояться новизны? Бояться надо формалистов, готовых принести в жертву форме существо дела, его содержание. Живое дело воспитания детворы и молодежи надо доверять тем, кто это дело любит и служит ему по велению сердца.

Сегодня День
Военно-Морского Флота СССР

ОТ ПОЛЯРНЫХ МОРЕЙ И ДО ЮЖНЫХ...

Начальник Главного штаба Военно-Морского Флота СССР адмирал Н. Д. СЕРГЕЕВ принял корреспондента «Огонька» А. Голикова и беседовал с ним.

Вот что рассказал Николай Дмитриевич:

— Всенародный праздник День Военно-Морского Флота мы отмечаем в разгар напряженной боевой учебы. Военные моряки делают все от них зависящее, для того чтобы обеспечить безопасность морских рубежей Родины.

Партия и правительство уделяют большое внимание укреплению обороноспособности страны. Сейчас Советская Армия и Военно-Морской Флот представляют собой несокрушимую силу.

Бурное развитие атомной энергетики, ракетного вооружения, автоматики, электроники вызвало коренные изменения в нашем Военно-Морском Флоте. Теперь основу его боевой мощи составляют атомные подводные лодки. Они могут успешно выполнять стратегические задачи в борьбе с ударными силами противника, поражать жизненно важные объекты на суше.

Подводные атомоходы, находясь под водой, способны выпускать по врагу баллистические ракеты большой дальности. Атомные подводные лодки — это весьма грозное оружие. Они почти неуязвимы, очень подвижны, обладают практически неограниченной дальностью плавания и колоссальной ударной мощью.

— А есть ли у нашего флота средства для борьбы с подводными атомоходами противника?

— Наши Военно-Морские Силы за последние годы получили качественно новые ракетные корабли, оснащенные совершенными средствами поиска, слежения и уничтожения любых современных подводных лодок. Кстати, эти корабли способны решать обширный круг боевых задач в условиях ракетно-ядерной войны. На вооружении у них и дальнобойные самонаводящиеся ракеты для поражения надводных кораблей и зенитные ракеты против авиации.

Сейчас стали обычными дальние продолжительные походы наших подводных лодок в различные районы Мирового океана. Позволю себе напомнить о кругосветном плавании группы наших подводных атомоходов под командованием опытного моряка А. И. Сорокина.

В том плавании подводные лодки прошли более сорока тысяч километров, ни разу не поднявшись на поверхность. Они побывали и в тропиках, и среди айсбергов Антарктики. Поход нелегкий, тем более что моряки выполняли множество учебно-боевых и специальных задач. Выполняли их на «отлично», показывая совершенную морскую выучку, специальную подготовку, смелость, находчивость.

— Совершают ли дальние походы надводные корабли?

— Конечно. Даже обязательно. Например, отряды советских надводных кораблей в учебных целях регулярно плавают в южных морях и в бассейне Средиземного моря.

Неустанно совершенствуют свое боевое мастерство и летчики морской авиации. Самолеты-ракетоносцы вместе с атомными подводными лодками составляют главную ударную силу флота. Они способны с большой точностью выходить в любой заданный район океана и наносить мощные удары.

Новая техника изменила и береговую оборону.

Подобно тому как на смену самолетам-торпедоносцам пришли самолеты-ракетоносцы, так береговую артиллерию, которая еще недавно играла первостепенную роль в защите побережья, в значительной степени заменили береговые ракетные войска. Они, образно говоря, намного удлинили «руку берега». Эта «рука» может достать цель, находящуюся за сотни километров.

За последние годы изменился и личный состав флота. Новая сложная боевая техника требует от моряков больших знаний, хорошей технической подготовки. Сейчас у нас подавляющее число матросов и старшин имеет среднее образование, а офицеры почти все окончили высшие учебные заведения. В частях и соединениях нередко можно встретить офицеров и адмиралов с учеными званиями и степенями.

Благодаря этому наши моряки умело управляют атомными энергетическими установками, счетно-решающими устройствами, комплексами вооружения, разнообразной электронной аппаратурой — всем арсеналом современных средств борьбы. И свое мастерство они подтверждают на летних боевых учениях.

Сейчас у нас на кораблях и в частях много отличников боевой и политической подготовки, специалистов высокого класса. На атомных подводных лодках и ракетных кораблях они составляют более 80 процентов всего личного состава. Многие моряки за высокое воинское мастерство и образцовое выполнение заданий командования, отличное освоение сложной боевой техники удостоены правительственных наград.

Никогда еще Советский Военно-Морской Флот не располагал таким личным составом и такой ударной мощью. Великая Отечественная война многому научила и весь советский народ и его Вооруженные Силы, в том числе Военно-Морской Флот. И уже никакой противник не застанет нас врасплох. Мы готовы в любую минуту отразить нападение агрессора с моря и совместно с другими видами Вооруженных Сил разгромить его, защитить нашу Родину и братские социалистические страны.

Вахтенный сигнальщик матрос Валерий Радченко.

Атака должна быть стремительной.

Самарканд. Фото Дм. Бальтерманца.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ДОРОГА ДО ПЕРВОЙ ЗВЕЗДЫ

Поистине дела наши указуют на нас.
Шараф-ад-дин.

ОТЕЦ ПАСТУХОВ

Весна. И снова Самарканд...

Огромное, первозданное пространство открылось мне. Бездонное небо, мерцающий мираж снежных гор на горизонте, а ближе в лиловом мареве — Старый город.

Ветер колышет голубой шелк трав, ветер поет, гудит в трещинах купола мазара Чупон-Ата, венчающего холм.

Чупон-Ата... Отец пастухов. Герой народных легенд. Одинокий, гордо возвышаясь над долиной, стоит пять веков этот мавзолей. Похоже, что Чупон-Ата действительно пасет, только не стада, а окрестные холмы.

Отец пастухов дряхл. Его некогда голубой, выложенный изразцами купол разрушен, и только кое-где сохранившиеся лазурные островки керамики напоминают о былой красе мавзолея. Он вовсе невелик, этот древний памятник, пожалуй, с трехэтажный дом. Но гений зодчего так воздвиг его, так вписал в окрестное пространство, что Чупон-Ата поражает своим величием.

Стены мавзолея снаружи и внутри испещрены автографами и сентенциями «любителей старины». Нет нужды цитировать эту бездну пошлости и глупости. В конце концов эта загрязненность объяснима, как объяснимо присутствие на земле глупых и умных, добрых и злых людей. Не в надписях дело — они устраняются за один день прикосновением штукатура. Есть страницы в жизни Отца пастухов, которые трудно, а порою просто невозможно объяснить. Дело в том, что старый пастырь не так одинок, как кажется с первого взгляда. Сбоку к нему приладились два уродливых кирпичных сарая, а рядом, буквально на плечах его стройного купола, примостилась громоздкая антенна телевидения, совершенно сбивающая силуэт памятника.

Мавзолей стоит на одном из десятков похожих, как братья, холмов, пустынных, раскинувшихся на многокилометровом пространстве. Остается только спросить: что это за фатальное стремление у разных, у самых разных строителей — от создателей сараев до творцов многоэтажных отелей — выбирать строительные площадки обязательно р я д о м с памятниками старины и этим губить их?..

П о ч е м у? Это вопрос, который мы не раз будем задавать себе.

РОЗОВЫЙ ЗАБОР

Мы в приемной одного из работников горисполкома. Ждем. На столике в числе прочих журналов, газет пестрый маленький буклет — «Самарканд». Спутник туриста.

«Самарканд — город двадцати трех веков,— провозглашает предисловие.— ...Отсюда начала развиваться культура Востока...»

В середине книжечки вложена плохо отпечатанная карта «Самарканд. Схема-план». План как план. Самое замечательное в нем — это список двадцати шести достопримечательностей города, причем нумерация поставлена составителями не по географическому расположению, а по интуиции.

Итак, № 1 — гостиница «Самарканд», а если глядеть наугад через пять названий, то окажется № 5 — медицинский институт, № 10 — кинотеатр «Шарк Юлдузи», № 15 — областная библиотека, № 20 — стадион «Спартак», а дальше № 21 — туристская база и только... № 22 — Гур-Эмир, № 23 — Регистан, № 24 — Биби-Ханым, № 25 — Шахи-Зинда, № 26 — обсерватория Улуг-Бека — словом, все великие памятники города.

Мы ничего не имеем против самаркандских гостиниц, пусть их будет больше. Думается, что не меньшего уважения заслуживает и кинотеатр. Но все же нам представляется, что интуиция где-то подвела составителей схемы-плана. К счастью, этот просчет доставит неприятность всего лишь дотошному читателю. Бывают промахи более весомые...

Наконец мы в кабинете.

— Самарканд — рай для туристов, и недаром в этом году,— тут хозяин кабинета заглянул в папку с ворохом бумаг,— в этом году по количеству туристических заявок наш город на четвертом месте после Москвы, Ленинграда, Киева!

Он с довольным видом захлопнул папку.

— Одно плохо,— по его сияющему лицу пробежала тучка,— Самарканд плохо подготовлен к приему такого потока советских и иностранных туристов. Правда,— и его лицо прояснилось,— мы строим гостиницу «Интурист», небольшую, всего на 320 мест, зато высокую — в 9 этажей.

Тут наш собеседник открыл шкаф и достал планшет с чертежом.

Если бы вдруг наступило солнечное затмение, мы были бы поражены не более... На черном фоне тщательно вычерченное, стандартное (чем-то очень напоминающее одну строящуюся московскую гостиницу, но поменьше масштабом) здание. Но не в нем была основная беда... Р я д о м, да, именно рядом, чуть позади и сбоку виднелся едва обозначенный контуром — так, для масштаба — маленький, просто уже ставший неприметным... Гур-Эмир!

Молчание затянулось. Наконец кто-то из нас выдавил:

— Сколько метров от гостиницы до могилы Тимура?

— Около двухсот,— ответил хозяин кабинета.

Битых полчаса после этого диалога мы с большой пользой беседовали о многих интересных делах. Но я все время не сводил глаз со злополучного проекта, который донельзя зримо обнаруживал свою более чем странную цель: сделать все возможное, чтобы н а в с е г д а лишить сотни и сотни тысяч людей возможности любоваться одним из самых совершенных творений средневекового зодчества Азии.

Ровно через десять минут, распрощавшись с гостеприимным хозяином, мы были у розового дощатого забора, ограждающего большой пустой котлован.

К счастью, подумал я, работы только начаты, может, авторитетные круги вмешаются и поправят этот явный просчет! *

РАВНАЯ МЕККЕ

Кожевенная улица. Синие тени легли на пыльную дорогу. Ревут самосвалы, пахнет бензином. Город как город. 1966 год. И вдруг перед нами встают бирюзовые купола.

Шахи-Зинда. Поющая лазурь мавзолеев звонче неба, драгоценная жемчужина в ожерелье памятников Востока. Шахи-Зинда — «Живой царь». Много преданий связано с его именем. В иные времена паломничество сюда считалось заменой хождения в Мекку.

...Вороной конь, поводя диким фиолетовым глазом с голубым белком, несет огромного, высохшего, как саксаул, седока в черном халате. Высокий, костлявый старик с темным, словно литым из железа, лицом, изборожденным глубокими морщинами. Странны, невероятны его глаза: светлые, колкие, юные, в них словно бушует огонь, пробивающий коварную маску лица.

Тамерлан...

Щит ислама остановил коня у мраморных ступеней Шахи-Зинда. Тимур тяжело спешился и бросил поводья подоспевшему стремянному. Словно сами отворились резные двери.

Серебряным мечом отсекла тень знойный, пыльный мир города от прохладных приделов, от голубого мерцания ледяных узорных гротов мавзолея. Трудно волоча сухую ногу, Тимур, один, похожий на огромную черную птицу, шагнул навстречу лазоревой свежести. Как длинна лестница, как высоки ступени, как бесконечен путь жизни!

По бирюзовой изразцовой стене блуждали синие, холодные тени. Не души ли это погибших воинов на бесконечных дорогах войны?.. Перед глазами Железного хромца предстали горящие древние храмы, мятущиеся в пламени обезумевшие слоны, горные перевалы, забитые трупами, и бесконечные караваны с бесценными сокровищами поверженной Индии...

Еще две большие ступени. Как долга ты, лестница!..

...Со дня посещения Тимуром Шахи-Зинда прошло пять с половиной веков, но лестница, хоть и ветхая, сложенная из кирпича, кое-где с выбоинами, незамысловатая, была цела.

В начале этого года не в меру ретивые реставраторы решили подремонтировать лестницу и... залили ее древние ступени асфальтом.

Здесь уместно вспомнить слова чеховского городского головы, сетовавшего на непризнание его талантов: «Город лишился во мне труженника: вот Покровскую улицу я покрыл гравилием; выкрасил собор и колонны расписал под малафтит...»

---

* Окончание. Начало см. в № 29.

ДВА МЕСЯЦА, ДВА ДНЯ И ВЕКА

Венеция 1902 года. Весь город в трауре. Обрушилась великая, неповторимая, известная всему миру колокольня святого Марка, простоявшая десять веков и составившая славу городу. Рухнула вследствие неумелой реставрации.

Правда, вскоре ее вновь построили, использовав сохранившиеся обмерные чертежи...

Реставрация. Сколько шедевров живописи, скульптуры, архитектуры спасли умелые руки специалистов-реставраторов! Их профессия особенно сложна, ибо она соединяет тонкость чувства прекрасного с превосходным знанием техники, мастерства, ремесла.

Россия знала немало опытов по спасению и восстановлению замечательных памятников архитектуры. Одной из наиболее значительных работ была реставрация и выпрямление колокольни Боровско-Успенской церкви в Архангельске, которую произвел в 1914 году академик Петр Петрович Покрышкин...

...Площадь Регистана. Минарет медресе Улуг-Бека. Стройная башня будто перепоясана стальным корсетом, от которого тянутся к земле стальные тросы. Минарет совсем недавно был наклонен от вертикали почти на два метра и мог каждую минуту рухнуть.

Два месяца шла тщательная подготовка спасения этого шедевра мировой архитектуры, национальной реликвии узбекского народа. Два дня понадобилось для того, чтобы юго-восточный минарет вновь обрел первозданное вертикальное положение. Работами по выпрямлению сорокаметровой башни руководил московский инженер Э. М. Гендель.

— Мне посчастливилось,— рассказывает Эммануил Матвеевич,— в конце двадцатых годов в Москве работать и учиться у замечательного русского инженера, почетного академика Владимира Григорьевича Шухова, который в числе других блестящих работ осуществил проект выпрямления северо-восточного минарета Улуг-Бека в Самарканде. И вот уже тридцать лет, как я работаю по передвижке, реставрации зданий и памятников зодчества...

...Биби-Ханым! Вот куда устремлены сейчас все помыслы и чаяния инженера. Дело в том, что он предложил проект по консервации этого гениального творения зодчества. Все прошлое лето и осень велись работы по тщательному обмеру памятника, который может каждый час погибнуть, так он дряхл.

Осень 1965 года. Сквозь золотой дождь листьев видится суровая громада мечети. Там, на головокружительной высоте, подобно акробатам балансируя на покрытой зияющими трещинами арке, работают юноши. Они производят фототеодолитную съемку Биби-Ханым. Руководит работами молодой энтузиаст, выпускник московского института Владимир Морген.

Этой весною в Ташкенте я пришел в экспедицию, где Морген вел камеральную обработку съемок. Дело подходило к концу. Лист ватмана был покрыт изящными линиями—черными, ярко-зелеными, розовыми: генеральный план Биби-Ханым, впервые созданный с микронной точностью. В строгих цифрах обмера, в этих ярких линиях, любовно нанесенных Владимиром на бумаге, вечное будущее мечети.

Биби-Ханым будет жить!..

...В редакцию пришло письмо из Ташкента, сообщавшее: «5 мая с. г. принято решение Совета Министров Узбекской ССР о консервации Биби-Ханым и выделены необходимые средства и материалы...»

ФРОНТ ПРОХОДИТ ВСЮДУ И ВСЕГДА

Ташкент, 28 апреля. Город только что пережил суровое испытание.

Большой дом с колоннами, у входа дежурные с красными повязками, в вестибюле на стенах кое-где трещины, осыпалась штукатурка.

В огромном торжественном зале — совещание. Правда, архитектурный декор помещения несколько поврежден, глубокие трещины пересекают наискосок стены. Но собравшихся эта несколько фронтовая обстановка не смущает. В зале расставлены на стульях планшеты с чертежами, планами, схемами.

Идет обсуждение генерального плана застройки города Самарканда. План рассчитан на 25 лет. Вокруг проекта разгорелись жаркие споры. Каким должен быть город? Как сохранить замечательные памятники старины, как застраивать Самарканд?

В спор включились крупные архитекторы Москвы, Ташкента, ученые, искусствоведы, историки.

Особенно остался в памяти нелицеприятный разговор, который вела замечательный ученый, знаток древнего искусства Средней Азии Галина Анатольевна Пугаченкова. Она решительно протестовала против высотной застройки Старого города поблизости от памятников старины, резко критиковала людей, подменявших подлинную реставрацию шедевров старины валом нехудожественных поделок. Она в числе других предлагала создать заповедную зону вокруг памятников древней архитектуры...

Заповедная зона...

Если мы взглянем на план Самарканда, то убедимся, что основная группа памятников — Шахи-Зинда, Биби-Ханым, Регистан и Гур-Эмир — расположена очень близко друг от друга и занимает (если выделить их в общую зону) не более 2—3 процентов общей площади города. Задача архитекторов, художников, ученых — превратить этот район в подлинный заповедник искусства, культуры, науки, способный воспитывать в народе любовь к прекрасному.

Путешественники, посещавшие Самарканд в XV—XVII веках, поражались дивным садам. Надо восстановить эту былую славу города и создать в заповедной зоне парковый массив, в который будут вкраплены малоэтажные здания — читален, художественных школ, выставок, домов культуры, пансионатов для туристов. Пусть в этих садах расцветают школы живописи, музыки, танца... Пусть, как в Платоновской академии Древней Греции, собираются астрономы и поэты, художники и музыканты, ученые и писатели. Пусть в зеленых, тенистых аллеях звучат музыка, песни народов всего мира, народов Востока.

Это все, наверное, потребует затрат, но зато плоды, которые принесет этот остров культуры, будут неоценимы...

...Кабинет Михаила Евгеньевича Массона, крупнейшего ученого, археолога, за свою долгую жизнь открывшего десятки ценнейших памятников старины, написавшего сотни статей, книг о древней истории и культуре Средней Азии. Беседа подходит к концу, и вдруг хозяин с добрым лицом старого интеллигента, лукаво щурясь, предлагает послушать любопытную историю.

...Самарканд. Лето 1912 года. Жаркий вечер. Духота. На площади Регистана собрался местный бомонд — дамы в белоснежных нарядах, в модных шляпках, с кружевными зонтиками; около них, как шмели около цветов, лощеные офицеры и штатские кавалеры. Все ждут кого-то.

Наконец ОН приезжает — это генерал-губернатор Туркестанского края Самсонов со свитой. Он соизволил осматривать памятники Регистана. Знакомит высокое начальство с архитектурными шедеврами коренастый офицер Василий Лаврентьевич Вяткин. В старой, мешковатой форме, с гудящим, окающим басом профундо, он так не похож на блестящее общество, окружающее его. Генерал милостиво внимает «лектору», изредка понимающе покачивая головой. Василию Лаврентьевичу в этой экскурсии помогал шустрый гимназист. Он собрал группу дам и неутомимо таскал их по худжрам Шир-Дора и в конце, осмелев, повел их по узким и пыльным проходам наверх, на минарет, вызвав тем самым бурю визга и вздохов.

Солнце клонилось к закату. Все устали. Офицеры поглядывали на часы, незаметно позевывали. Тогда в наступившей тишине Вяткин со свойственной ему невозмутимостью доложил генералу, что средства, отпущенные на содержание и охрану памятников старины, иссякли и все рушится.

— Ну что ж, чем скорее, тем будет лучше,— процедило его высокопревосходительство и милостиво дало понять, что беседа окончена.

Генерал, конечно, не заметил слез обиды и возмущения на глазах гимназиста.

—Гимназиста звали Миша Массон,— тут ученый, усмехнувшись, раскланялся,— ваш покорный слуга. Что же касается Вяткина, то, думаю, что вы знаете об этом замечательном археологе не меньше меня...

ДЕЛА РУК НАШИХ...

«...Москва не есть обыкновенный город, каких тысячи; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь... Каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись, для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!.. Как у океана, у нее есть свой язык, сильный, звучный, святой, молитвенный!..»

Под этими строками подпись: «Юнкер Л. Г. Гусарского полка,— Лермонтов».

Я вспомнил эти слова, прилетев из Ташкента в Москву. Самолет приземлился во Внукове. За окном автомобиля мелькают новые кварталы, Ленинский проспект, светлая зелень, праздничное майское убранство города.

Кремль. Древний корабль с белыми парусами храмов. Каменная песнь Руси. Каждая пядь пространства, силуэты стрельчатых башен, златоглавых церквей, зубчатых стен — совершенство! Так бы не уходил с Каменного моста...

Но насколько прекрасен, певуч Кремль, настолько безмолвны некоторые строения, окружающие его, и старые и вновь построенные, никак не улучшающие ансамбля набережных.

Почему? Зачем? Как допущен этот просчет? И тут же ясно представил себе мудрое лицо специалиста-градостроителя и ясно услышал слова:

— Зачем вы избрали именно эту точку для обзора, ведь стоит вам с Каменного моста перейти на Москворецкий, то...

Точка зрения. Точка обзора. Точка оптически удачная или неудачная для обозрения — это еще не все для эмоционального восприятия целого. Это еще слишком мало (да простят меня строгие критики) для души человека.

Прагматизм оставляет голодной душу. Вот потому прекрасное иногда кажется иным строителям чем-то экономически бесполезным, а порою вредным. Так порою объявляют ненужным все то, что обидно сложно для натуры дюжинной, недалекой, посредственной...

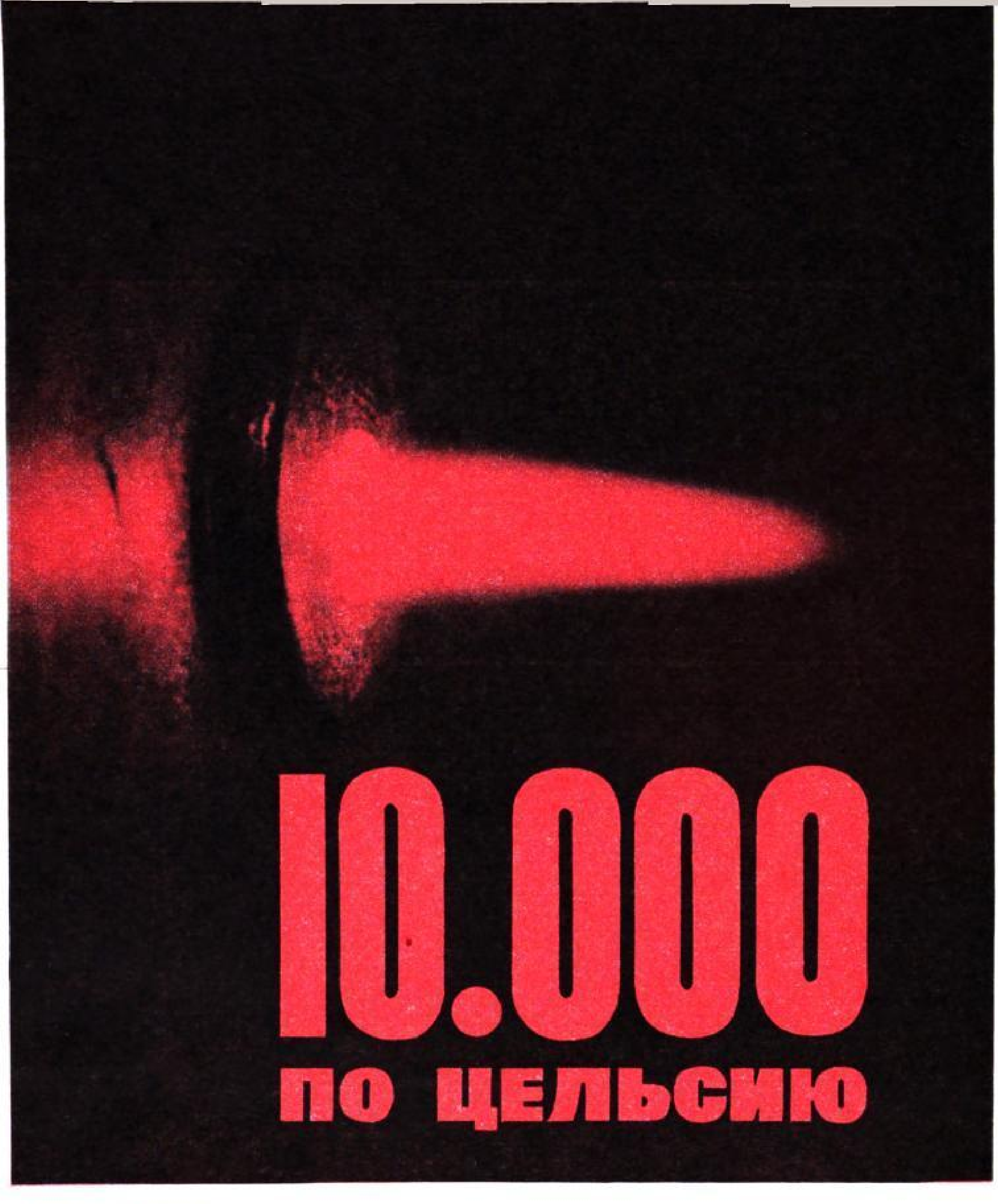
...Страна наша, земля наша просторна. А древних памятников великой истории осталось не так много. Разные тому причины...

Поэтому надо особо бережно охранять старину от нелепых застроек. Надо перестать мирволить людям равнодушным, что попустительствуют промахам, которые потом трудно, невозможно исправить. Ведь всякому, даже неспециалисту ясно, что перепахать, пересеять поле другим злаком — вопрос дней, месяцев. Неверно, неумно застроенный город — это, как сейчас модно говорить, глобальный просчет.

Надо привлечь самое широкое внимание общественности к делам градостроительства в Новгороде, в Ленинграде, в Самарканде, в Москве, в Пскове, в Бухаре — везде!

Проблемы высокой художественности и утилитаризма в архитектуре — неотложные, требующие решения. Создание городских ансамблей, достойных нашей великой Родины,— задача насущная, всенародная.

Ибо прав древний мудрец, сказав: «Постигнете дела наши указуют на нас».

10.000 по цельсию

Алексей КИЧАТОВ

Так вот он, оказывается, какой — плазмотрон! Совсем иным представлялся: гигантских размеров, с замысловатыми приборами и механизмами. Ведь здесь вещество переходит в четвертое состояние материи — плазму. Здесь оно раскаляется до 10 тысяч градусов.

Лаборатория. Уставленная приборами маленькая комната. Два письменных стола. На одном листы бумаги, исчерченные небрежными рисунками и обрывками слов. На другом — трубки, пробирки, вентили. Сверху коробочка, напоминающая подкову. Вот и все. И даже нельзя представить, что маленькая коробочка — это и есть плазмотрон, что здесь бушует сейчас 10 тысяч градусов.

Сто градусов — кипящая вода. Тысяча — огненно-красная сталь в изложнице мартена. А десять тысяч? Никаких ассоциаций. Такое трудно осознать, даже если увидишь своими глазами. Плазма. Вещество в ионизированном состоянии, превращенное в газ, который сам уже перестал быть газом в обычном нашем представлении. И уж совсем нельзя представить, что этот лабораторный плазмотрон — почти копия промышленного.

Плазмотрон жужжит, как пчела. Здесь, в Институте нефтехимического синтеза — вотчине химиков-органиков, среди насквозь знакомых каждому сотруднику пробирок и колб, он выглядит пришельцем из иного мира. Быть может, поэтому его особенно уважают, заботятся о нем. Отплачивает плазмотрон хлопотами, которые в изобилии доставляет физикам.

Плазма образуется в приборе в виде столба разряда между двумя электродами. Один электрод из молибдена, второй — из меди.

И это все? Электрод медный, охлаждение водяное. Не слишком ли просто для генератора плазмы? Разве существует на земле такой материал, который не вспыхнул бы, как порох, как только к нему прикоснется десятитысячный жар плазмы?

На сей раз конструкторам не избежать бы беспросветного тупика, если бы они не придумали остроумнейшую штуку. Случалось ли вам, сидя у туристского костра, наблюдать забавную сцену: вот кто-то выхватил из огня печеную картошку, обжигаясь, лихорадочно перебрасывает ее с ладони на ладонь? Нечто похожее происходит в плазмотроне. Дабы уберечь электроды от сгорания, основание разряда — электродное пятно — заставляют метаться с большой скоростью. Поэтому ни в одной точке электрод не успевает нагреться.

Ну, а каким образом смогли уберечь от колоссальных температур стенки плазмотрона?

На помощь пришла магнитная бутылка. Плазма хорошо проводит электричество. Благодаря этому ее удалось отжать от стенок плазмотрона магнитным полем. Получился своеобразный сосуд с двойной стенкой. Одна невидимая, магнитная, другая зримая, из жаростойкого материала.

Одновременно для плазмы предложили другую тару. В некоторых случаях плазму отжимают от стенок плазмотрона мощными струями холодного газа.

Надежда избавиться от многих сложностей не покидает физиков. Однако скоро появятся материалы, которые будут способны выдержать десять тысяч градусов. Химия полимеров поможет.

* * *

Младший научный сотрудник Генрих Гуляев рассказывает о своей науке, стараясь не упустить деталей, как бы предупреждая могущие возникнуть вопросы. Это он по инерции. Всего неделю назад защитил кандидатскую, а ученому совету общие фразы не нужны, им подавай детали. На том же ученом совете Института нефтехимического синтеза защитился его сослуживец Виктор Щипачев. Обе диссертации относятся к одной проблеме: химический синтез в плазменных струях.

Исследования двух молодых ученых — лишь малые кусочки широкого направления, которое сформировалось сейчас в новую науку — плазменную химию.

Если специалист работает на границе двух наук, от него требуются знания их обеих. С плазмохимией сложнее. Здесь надо быть одновременно физиком, химиком, математиком, инженером. Обладать не только знаниями по всем этим наукам, но уметь органически слить их. На столе профессора Л. С. Полака, руководителя лаборатории в Институте нефтехимического синтеза, я видел записи, где химические формулы сплетены между собой с помощью дифференциальных уравнений. Химия и теоретическая физика тут неразрывное целое. Плюс интуиция экспериментатора, она тоже очень важна для данного случая: ведь скорости плазмохимических реакций исчисляются тысячными, десятитысячными долями секунды, и, пожалуй, только интуитивно можно ориентироваться в них.

Руководить лабораторией, по мнению профессора Л. С. Полака,— значит многократно решать задачу на оптимальность. Учитываешь все: какой вуз окончил сотрудник, его индивидуальные склонности, способности, опыт. В лаборатории собраны выпускники самых различных вузов — от химиков университета, как, например, Гуляев, до инженеров Московского высшего технического училища имени Баумана, таких, как Щипачев. Это не случайность, а хорошо продуманная система. Плазмохимия — перекресток трех наук. В лаборатории, как в котле, варятся представители этих наук, питая друг друга навыками и знаниями, приобретая универсальность и сохраняя специализацию ровно настолько, насколько это нужно делу.

* * *

Многие события в молодой науке — плазмохимии происходят впервые. Впервые в мировой научной литературе вышла книга о химических реакциях в низкотемпературной плазме под редакцией профессора Л. С. Полака. Впервые летом прошлого года плазмохимия стала предметом обсуждений и дискуссий ученых разных стран: на Международном конгрессе по теоретической и прикладной химии был организован симпозиум по свойствам и применениям низкотемпературной плазмы. С докладом на нем выступил профессор В. Л. Тальрозе — руководитель лаборатории Института химической физики Академии наук СССР. Доклад был посвящен элементарным процессам в низкотемпературной плазме.

Внешне лаборатории Полака и Тальрозе словно близнецы. Плазмотроны. Возле них молодежь. Геннадий Карачевцев и Александр Додонов — перспективные ученики Тальрозе. Обоим по 25, оба выпускники физико-технического института, факультета теоретической физики.

У Тальрозе несколько иная манера отбора людей, чем у Полака. С особым предпочтением он встречает выпускников физтеха. Они сочетают качества теоретика и экспериментатора в тех пропорциях, в каких этого требует специфика его лаборатории.

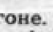
Тальрозе с сотрудниками занят элементарными процессами в плазме. На плазмотроне ставят эксперименты. Сталкивают частицы, атомы, молекулы. Шаг за шагом постигают законы движения каждой частицы, следят за ее судьбой, пытаются разобраться в этом хаотическом хороводе.

Так два совершенно разных института совместно ведут осаду бастиона, взятие которого произведет буквально революцию в науке и технике. Не случайно в Директивах XXIII съезда КПСС записано: «Предусмотреть в пятилетнем плане... развитие исследований в области химии для создания новых, экономически выгодных химических процессов... и материалов».

Плазмохимическая промышленность — дело отнюдь не далекого будущего. Она уже вполне ощутимо заявила о себе и будет непрерывно расти.

Азот — один из трех китов, на котором строится урожай. Связанный азот получают сложным, многоступенчатым аммиачным способом. А можно ли проще и дешевле получать азот непосредственно из воздуха? Много десятилетий ученые бьются над этой величественной задачей, которая пока, увы, под силу лишь специальным клубеньковым бактериям.

Оказывается, реакция азот+кислород типична для плазменной химии. Новая наука уже решила эту королевскую проблему: в плазменной струе азот воздуха послушно соединяется с кислородом. И тут приходят экономисты. Поскольку речь идет о дешевых удобрениях, надо подсчитать. Анализ показывает: плазменный процесс уже сегодня успешно конкурирует с существующими способами. Дальнейшее изучение свойств плазмы, развитие плазменной химии — это рождение тут, на земле, звездного вещества, это создание полимерных материалов с новыми свойствами, это многие сложнейшие, чрезвычайно долго длящиеся сейчас технологические процессы, которые новая наука заставит проходить в одно мгновение...

На совхозном полигоне.

Вот он, спортивный вожак Виктор Комарецкий.

Разминка.

Сельские с

В. МОРОЗОВА,
А. БОЧИНИН

Совхоз на берегу Каховского моря. Несколько часов полета рейсовым самолетом Москва—Херсон, потом автобус до Берислава, совхозная «летучка», и мы на месте. На 600 тысячах гектаров раскинулись виноградные поля совхоза «Красный маяк». Темно-красные каменные строения бывшего женского монастыря причудливо сочетаются с современными, почти законченными, но еще не заселенными трехэтажными домами, целой группой белоснежных административных и подсобных строений. И все это утопает в яркой зелени.

На заброшенном монастырском пустыре совхозная молодежь построила и оборудовала стадион. Мы сразу попали на футбольный матч.

Игра проходила в быстром темпе, еще темпераментнее вели себя зрители. На трибунах весь совхоз во главе со своим директором Василием Харитоновичем Перуновым. А когда матч окончился, стадион не опустел. Да и может ли он пустовать, когда в совхозе 260 человек спортсменов, и из них более 60 имеют уже спортивные разряды! «Красный маяк» славится на весь Бериславский район не только футболистами, но и легкоатлетами, баскетболистами, пловцами, стрелками. В десяти спортивных секциях идут тренировки, ведут их совхозные ребята, члены совета физкультуры. Глава совета — Виктор Комарецкий, отличный стрелок и пловец.

Вся физкультурная работа в совхозе построена на энтузиазме ребят, на их горячем стремлении привлечь к спорту как можно больше молодежи. Верный помощник Виктора — комсомольский секретарь Александр Кашин. Большой поклонник и покровитель спорта — директор совхоза Василий Харитонович Перунов.

— Серьезно заниматься спортом мы начали не так давно,— рассказывал нам Комарецкий.— Пожалуй, можно считать, что с 1958 года. Ведь именно тогда стали участвовать во всех районных соревнованиях, посылать ребят и девчат и в область.

...Мы стоим на скалистом берегу Каховского моря. Под нами небольшая отлогая бухта, хорошо защищенная от ветров. Виктор мечтает вслух:

— Приезжайте к нам через годик-два, и вы не узнаете этого места. Будут построены не только водная станция и бассейн, но и новый стадион. А потом, как знать, не встретите ли вы наших спортсменов и в Москве... Мечта? Конечно. Но ведь и спорт — это дерзание. Мы и дерзаем!..

Удачный бросок.

тарты

Коля Мельниченко и Владимир Воловик увлекаются боксом. →

На поле футбольные команды совхозов «Красный маяк» и «40 лет Октября». ←

Здесь будет построен бассейн.

О ЛЮБИМОМ ПИСАТЕЛЕ

В издательстве «Правда» только что вышла в свет новая книга о М. А. Шолохове, подготовленная редакцией журнала «Огонек». Сборник так и называется — «Шолохов». Большая часть помещенных в нем очерков, статей и стихотворений написана специально для этого издания и публикуется впервые.

Авторами сборника являются литераторы пяти континентов. Шестьдесят писателей, среди которых Константин Федин, Леонид Соболев, Георгий Леонидзе, Николай Тихонов, Петрусь Бровка, Олесь Гончар, Эдуардас Межелайтис, Чарлз Сноу и Памела Джонсон (Англия), Анна Зегерс и Эрвин Штриттматтер (ГДР), Мартти Ларни (Финляндия), Катарина-Сусанна Причард и Фрэнк Харди (Австралия) и другие известные литераторы с сердечной теплотой говорят о славном сыне тихого Дона — Михаиле Александровиче Шолохове, о его могучем даровании.

Подобное издание предпринято впервые. Объем книги — 24 издательских листа. В сборнике около пятидесяти оригинальных фотоснимков.

Составитель книги — Михаил Андриасов. Редактор — Борис Иванов.

ПОУЧИТЕЛЬНО И ИНТЕРЕСНО

Путевой зарубежный очерк стал сейчас, пожалуй, самым распространенным жанром. О далеких и близких странах пишут литераторы и журналисты. Пишут о двухнедельных поездках и о нескольких годах жизни за границей. Количество таких очерков поистине необозримо! И не удивительно, что не все они пока попадают в поле зрения критики. Но когда читаешь книгу Альбертаса Лауринчюкаса «Третья сторона доллара», то невольно огорчаешься из-за того, что она не дошла до самых широких читательских масс: тираж ее всего 25 тысяч. Издана книга в Вильнюсе великолепно, гораздо лучше, чем издаются такие книги в центральных издательствах. Стоит увидеть ее, как она сама просится в руки,— оригинальная суперобложка, отличные цветные и черно-белые фотографии. И сразу бросается в глаза объем книги — почти пятьсот страниц! Даже в безбрежном океане зарубежного очерка не часто встретишь такие крупные работы.

Но главное в книге А. Лауринчюкаса, разумеется, не ее полиграфическое оформление и не ее объем. Главное в том, что читается она как беллетризованная энциклопедия современной американской жизни. Автор свыше трех лет провел в США на корреспондентском посту. Он увидел и собрал воедино массу характернейших фактов, представ перед читателем как очень наблюдательный и остроумный рассказчик. И когда видишь Америку его глазами, то веришь ему, он убеждает. В этом главное достоинство книги. Она свободна от стандартных, штампованных представлений о США. На очерковой палитре автора есть не только черная и белая краски: умело и тонко анализируя сложные процессы и явления, он делает это с большим тактом и уважением к талантливому народу. И сделан этот анализ острым публицистическим пером: книгу читать не только поучительно, но и интересно.

Можно смело сказать: «Третья сторона доллара» — событие в жанре зарубежного очерка. Хочется, чтобы с ней по возможности познакомилось как можно больше читателей.

В. НИКОЛАЕВ

ИГНАСИО ИДАЛЬГО ДЕ СИСНЕРОС

Во второй половине дня 18 июля 1936 года мне позвонил капитан Варела, секретарь министра, и попросил явиться в министерство, сообщив, что в Мелилье восстал гарнизон.

Приехав в министерство, я застал в приемной министра, шутившего с адъютантами по поводу начавшегося восстания. Несмотря на всю серьезность положения, Касарес Кирога, председатель правительства и военный министр, не придавал этому событию должного значения.

Непонимание им обстановки было настолько велико, что, получив в десять часов утра телеграмму с сообщением о начавшемся восстании, он вспомнил о ней лишь по окончании трехчасового очередного заседания кабинета и сообщил министрам о восстании как о маловажном событии.

Между тем становилось ясно, что события в Мелилье явились сигналом для нападения на республику. Поступавшие из разных концов страны сведения были тревожными. В Барселоне развернулись уличные бои. Большая часть ее гарнизона восстала под руководством генерала Годеда. Он прилетел в столицу Каталонии на гидросамолете с Балеарских островов, где служил в качестве командующего военным округом.

Правда, благодаря мерам, принятым генералом Нуньесом де Прадо в авиации, 80 процентов самолетов осталось в наших руках. Это превосходство давало нам возможность быть полными хозяевами в воздухе до тех пор, пока на фронтах не появились военные самолеты, присланные Гитлером и Муссолини. В первые недели франкистские самолеты использовались для переброски на полуостров и прикрытия перевозок по морю частей Иностранного легиона и марокканских таборов, расположенных в зоне Испанского Марокко.

Ценой больших усилий нам удалось сохранить в авиации военную организацию и дисциплину, создав атмосферу подлинного энтузиазма на аэродромах. Это было нелегким делом. Неразбериха первых месяцев явилась приманкой для любителей ловить рыбу в мутной воде, для тех, кто всеми силами разжигал анархию, очень опасную для нашей боевой деятельности.

Все это заставило меня еще раз подумать о том, что политическая изоляция, в которой я находился, уменьшала мои возможности действовать. И так как я всей душой хотел выиграть войну, передо мной все серьезней вставал вопрос о вступлении в какую-либо политическую организацию. Я был убежден, что мои возможности командующего авиацией от этого только возрастут.

Войска республики переживали очень тяжелые времена. Фашистская армия, продвигавшаяся к Мадриду, в большинстве своем состояла из марокканских частей, беспрерывно пополняемых новыми призывами, проводившимися на севере Африки не без помощи французских властей. Входил в нее и так называемый Иностранный легион, состоявший из многочисленных авантюристов, у которых имелись нерешенные споры с правосудием.

В этих трагических обстоятельствах, когда фашисты были уже у ворот Мадрида, я, будучи твердо убежден, что значительно увеличу свой вклад в наше дело, решил вступить в политическую партию.

Уставы и программы партий были для меня чем-то второстепенным. Единственно, что меня интересовало,— их вклад в войну, навязанную нам фашистами.

В течение этих трудных месяцев во всех представлявшихся мне случаях я мог видеть на аэродромах и фронтах образцовое поведение коммунистов. Я убедился, что коммунисты в действительности хотят выиграть войну, защитить республику и народ, что они делают все возможное, добиваясь этого. У них была организация, была дисциплина, и это превратило их в борцов. Они были врагами хаоса и беспорядка, наносивших ущерб нашему делу. Одним словом, это были самые лучшие патриоты, которых я знал. И так как себя я тоже считал патриотом и тоже хотел выиграть войну, решив все отдать и добиться победы, после исповеди перед своей совестью в конце 1936 года я обратился с просьбой о принятии меня в Испанскую коммунистическую партию.

Сейчас я хочу рассказать, как происходило мое вступление в партию, хотя боюсь, что моего разочарую.

Когда я решил для себя вопрос о партии, я не знал, как это сделать и к кому обратиться. Единственными моими друзьями-коммунистами или близкими к ним, с которыми я мог бы посоветоваться, были капитан Гонсалес Хил, Луис Бургете и Эрнандес Франк, но первые двое из них погибли в начале мятежа, а Франк находился в Северной зоне.

Конечно, я мог бы обратиться в Дом коммунистической партии в Альбасете, но, кроме того, что это было неудобно, мне казалось странным появиться с подобным вопросом в этом центре, где я никого не знал.

Все еще колеблясь, я вспомнил о механике Сол Апарисио, раненном при захвате артиллерийской казармы в Хетафе. Он служил в Альбасете. Мне были известны его контакты с коммунистами. Я вызвал его к себе в кабинет и без каких-либо предварительных объяснений, в упор спросил, принадлежит ли он к коммунистической партии. Я сразу же понял, что мой вопрос удивил его, и, видя, что он колеблется с ответом, сказал, что спрашиваю его об этом только потому, что хочу сам вступить в коммунистическую партию.

Он не мог скрыть своего удивления. Это было естественно: не так уж часто бывает, чтобы командующий авиацией обращался с подобным вопросом к механику. Однако он объяснил мне все, что требовалось для этого сделать. В тот же вечер он принес мне простую анкету...

Мне сказали, что собрание ячейки состоится ночью, и если я сочту удобным, то могу присутствовать на нем. В девять часов вечера мы вошли в маленькую комнату в Доме партии в Альбасете, где нас ожидали шесть членов ячейки. Это были мой шофер и его помощник, ординарец штаба, писарь и два механика. То есть, не догадываясь об этом, я был и прежде окружен коммунистами. Мне было смешно думать о том, сколько усилий я затратил, чтобы найти хотя бы одного коммуниста, когда мне для этого достаточно было протянуть руку.

На этом первом собрании все были немного стеснены. Не знали, как обращаться ко мне и что говорить. Мне стоило немалых усилий казаться естественным, поскольку я не представлял себе, что такое партийное собрание и как я должен вести себя. Наконец довольно смущенный руководитель приветствовал меня и сказал, что все они очень довольны моим присутствием. На этом закончилось собрание, которое прошло через мою жизнь таким человечным и необычным, что я никогда его не забуду.

...А через некоторое время мое решение получило неожиданную поддержку. Однажды жена сказала, что хочет рассказать мне о том, что она сделала, предварительно не посоветовавшись со мной. Так серьезно она приготовилась сообщить мне о своем вступлении в коммунистическую партию. Она привела целый ряд доводов, убеждая меня, что коммунисты вносят много хорошего в общую борьбу, что они являются лучшими бойцами. Одним словом, она высказала все то, что побудило меня самого просить о приеме в компартию.

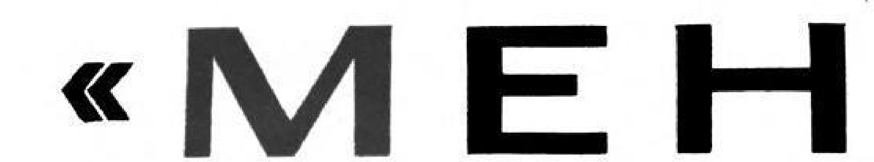
Я не дал жене закончить ее агитационную речь и сказал, что сам уже коммунист. Взволнованные и счастливые, мы обнялись.

Наше вступление в коммунистическую партию, каждого по своим личным убеждениям и без предварительной договоренности, не являлось случайным, как это может показаться на первый взгляд. Скорее это был естественный, логический вывод для людей, желавших выиграть войну, которую вел народ...

Наша авиация испытывала огромный недостаток в самолетах. По всему миру мы мобилизовали большое количество людей с приказом покупать по любым ценам летательные аппараты любых типов. Но все наши усилия потерпели неудачу, так как западные «демократические» силы не сделали ничего для помощи республике, удовлетворенно созерцая, как фашисты уничтожают свободу в Испании.

Так называемая «политика невмешательства» запрещала продавать оружие любой из двух борющихся сторон: законному правительству суверенного народа, с одной стороны, и группе генералов, поднявших мятеж против законного правительства,— с другой.

Окончание. Начало см. №№ 29 и 30.

Карта, свидетельствующая о «политике невмешательства».

Стрелками показаны зоны контроля. Точками обозначена территория, оккупированная франкистами.

Командующий авиационными частями советских добровольцев в Испании Герой Советского Союза генерал-лейтенант Евгений Саввич Птухин.

Герой Советского Союза комбриг П. И. Пумпур — командующий истребительной группой советских летчиков-добровольцев. Лично уничтожил в воздухе более десяти фашистских самолетов.

Оборона Мадрида. Университетский городок.

Герой Советского Союза генерал-майор Эрнст Генрихович Шахт сражался с мятежниками и интервентами в небе Испании.

Это было настоящим фарсом. В то время как фашистские государства — Германия, Италия и Португалия — бесстыдно нарушали соглашение с первых же дней и непрерывно отправляли мятежникам оружие и воинские части, «демократические» государства создали вокруг республики почти непроницаемое кольцо.

Американское правительство, такое строгое в применении эмбарго в отношении республиканцев, снабжало Франко всеми нефтепродуктами, необходимыми для ведения войны. Об отношении же Соединенных Штатов к республике красноречиво говорит такой факт.

Преодолев многочисленные трудности, нам удалось купить у американских фирм на золото двадцать или двадцать пять гражданских самолетов, чтобы вооружить их в Испании и использовать в боях. Часть этих самолетов удалось отгрузить и отправить в нашу страну. Однако, когда пароход оказался в открытом море, американское правительство отдало приказ своим военным судам немедленно задержать его и вернуть в порт отправления.

Остальные купленные в США самолеты по воздуху прибыли в Мексику. Оттуда мы предполагали отправить их в Европу. Как только через друзей Франко в Мексике американское правительство узнало об этих самолетах, оно обязало мексиканские власти не выпускать их из своей страны. Таким образом, мы лишились самолетов, которых нам так не хватало и за которые мы так дорого заплатили.

Посол США в Испании Бауэрс писал о последствиях этой помощи: «Комитет по невмешательству и наше запрещение оказались огромным вкладом в победу оси над испанской демократией».

Единственным приобретением для авиации, которое нам удалось сделать за первые четыре месяца войны, были двенадцать истребителей «Девуатин» и шесть бомбардировщиков «Потез». Эти «Девуатины» и «Потезы» были очень старыми моделями и прибыли к нам без вооружения.

Отправку этих самолетов из Франции в Испанию мы могли считать сюрпризом. Как только об этом узнал наш «друг» Леон Блюм — глава французского правительства,— он испустил страшный крик, и на границу был отдан строжайший приказ не пропускать оружия. В результате пограничные власти конфисковали вооружение к этим самолетам, отправленное нам наземными путями. Несмотря на все хлопоты, нам так и не удалось получить это вооружение. Господин Блюм оставался непреклонным. Прошло три военных года, и это оружие так и осталось в руках французских властей.

...Невозможно описать бесчисленные подвиги испанских летчиков. Я попробую коротко рассказать только об одном из них — о сержанте Уртуби.

Он родился в 1906 году в Витории — в городе, который когда-нибудь воздаст должное его заслугам. В 1936 году, в начале мятежа, Уртуби служил в Марокко. Офицеры-франкисты хотя и не доверяли летчикам — младшим командирам, но, не имея иного выхода, все-таки использовали их. В боевых вылетах Уртуби всегда сопровождал капитан-фалангист, наблюдавший с пистолетом в руках с заднего сиденья «Бреге-19» за всеми его действиями.

Несмотря на слежку, Уртуби раздобыл пистолет. На следующий день, как обычно, он со своим охранником поднялся в воздух для выполнения задания. Над Гибралтарским проливом Уртуби оставил управление и, повернувшись назад, убил капитана. Самолет едва не коснулся воды, но затем выправился и лег курсом на Мадрид.

Когда Уртуби представился мне, я предложил ему небольшой отпуск, но он отказался от него и на следующий день приступил к выполнению боевых заданий на старом истребителе «Ньюпор».

Трудно перечислить все героические поступки, совершенные Уртуби. Многие из них остались неизвестными потому, что он никогда не хвастался ими.

Во время отступления из Талаверы при выполнении боевого задания над территорией противника звено Уртуби встретилось с эскадрильей фашистских самолетов. Начался бой, и его самолет был подожжен и сбит.

Все мы скорбели о гибели Уртуби, но спустя неделю мне позвонил командир одного из секторов фронта и сообщил, что со стороны противника пришел крестьянин, назвавшийся республиканским летчиком. Они заподозрили в нем шпиона и запрашивали нас, чтобы установить его личность.

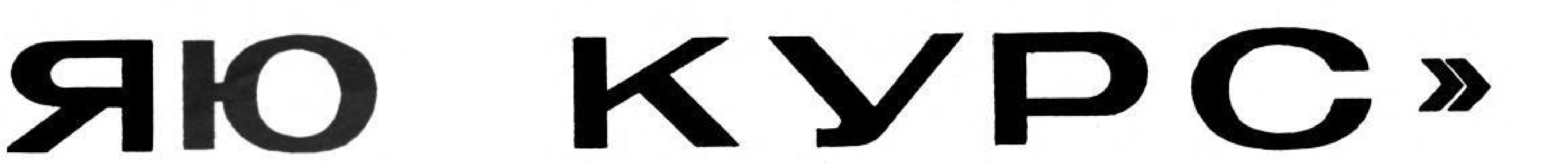
Это был Уртуби. Он выбросился с парашютом из горящего самолета и приземлился в пустынной местности. Наступал вечер. Ему удалось добраться до гор и скрыться там. Днем он прятался, а ночью шел. В окрестностях одной деревни ему удалось снять с веревки брюки и другую одежду, вывешенную для просушки. Переодевшись, он продолжал идти, ведя за узду осла, нагруженного соломой, которого он также прихватил по пути. Он прошел всю территорию, захваченную мятежниками, и вышел к нашим линиям, где его едва не расстреляли как шпиона.

И в этот раз он также отказался от отдыха и без промедления приступил к боевым вылетам. Вскоре он был сбит вторично, к счастью, над нашей территорией, выбросился с парашютом и благополучно приземлился.

В тревожные дни наступления фашистов на Мадрид, совершая разведывательный полет, Уртуби был атакован эскадрильей «Фиатов», набросившихся на его одинокий «Ньюпор», как хищные птицы. В этом бою он сбил фашистский самолет и продолжал сражаться, пока не иссякли патроны. Будучи уже раненным, он догнал ближайший «Фиат» и направил на него свой самолет. При столкновении Уртуби погиб. Этот боевой прием — таран — в Испании был применен впервые.

...В порту Аликанте огромное скопление народа. Наверное, все население города бурно, с неописуемым энтузиазмом приветствовало экипаж советского парохода «Нева», доставившего продовольствие для нашего народа. Радость объяснялась, конечно, не только тем, что мы получали продовольствие, в котором очень нуждались. Испанцы увидели, что они не остались одни, что есть большой народ, хотя и находившийся далеко от нас, но знавший о нашем существовании и проявивший свою солидарность с нами.

Жители Аликанте принесли цветы, и каждый

хотел лично передать их матросам и капитану. Думаю, что тогда я впервые увидел в Испании написанные мелом на стенах домов лозунги: «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствуют русские!».

Мне хотелось бы сказать несколько слов о позиции Советского Союза по отношению к законному правительству Испании.

Когда начался мятеж, Испанская республика не имела дипломатических отношений с СССР. Для любого государства это само по себе могло быть тяжелой обидой, но Советский Союз никогда не принимал этого в расчет и установил дипломатические отношения с республикой, как только ее правительство запросило об этом.

С этого момента Советский Союз защищал республиканскую Испанию на всех международных конференциях, требуя от представителей западных держав уважать международное право во взаимоотношениях с Испанией.

Советский Союз сорвал маску лицемерия с тех, кто поддерживал «политику невмешательства». И когда стало очевидно, что «политика невмешательства» служит лишь целям прикрытия помощи франкизму, СССР торжественно заявил, что считает себя вправе предоставить помощь республиканскому правительству. И действительно, в тылу и на фронте испанский народ находил доказательства этой помощи.

В напряженные дни конца октября 1936 года в порт Картахену прибыли первые советские летчики и самолеты, отправленные правительством СССР для защиты республики.

Мне очень трудно описать волнение и радость, охватившие нас в этот момент. Материальная часть, присланная русскими, намного превосходила по своим данным мои самые оптимистические надежды.

Разгрузка была произведена максимально секретно. Советские товарищи привезли все оборудование прекрасно подготовленным, чтобы не терять времени и по возможности меньше подвергнуться опасности бомбардировки во время разгрузки корабля. Помню одну деталь: танки, привезенные на том же пароходе, выгружались вместе с экипажами своим ходом и отправлялись сразу на боевые позиции.

Испанские рабочие, помогавшие при разгрузке так необходимого нам вооружения, вели себя замечательно, напрягая все свои силы и не желая отдыхать, пока не закончат работы.

Сборка самолетов совершалась в Лос-Алькасаресе. Наши механики и сборщики при помощи нескольких советских товарищей делали чудеса. Тридцать первых самолетов были собраны по-настоящему в рекордное время. Работа ни разу не была прервана, пока мы не опробовали в воздухе последний самолет.

Советское правительство предоставило нам не только материальную часть высшего класса, но все, что в те времена было нам необходимо: летчиков, наземный технический персонал, вооружение, патроны, бомбы и т. д.

Моя первая встреча с советскими товарищами произошла в день их приезда. Во время волнующего собрания авиационный атташе посольства полковник Борис[1], мой добрый друг, отлично сотрудничавший со мною, представил меня как командующего республиканской авиацией, подчеркнув при этом, что с этого момента я становлюсь также начальником советского авиационного персонала, направленного в Испанию. И так было в действительности на протяжении всей войны, без малейшего нарушения дисциплины и выражения какого-либо недовольства со стороны советских летчиков.

Своей главной целью с начала войны и до Гвадалахарского сражения, в марте 1937 года, Франко считал захват Мадрида.

В этом его стремлении Франко поощряли и помогали ему Гитлер и Муссолини, обещавшие признать его правительство, как только он войдет в Мадрид, и увеличивавшие отправку всех видов вооружения и военного персонала.

Хорошо вооруженная, многочисленная армия Франко вначале быстро продвигалась к городу и скоро подошла к его окраинам. На протяжении всех этих критических дней авиация противника как на фронте, так и над столицей «действовала в свое удовольствие». Наша авиация практически была уничтожена. Фашистские самолеты могли летать совершенно спокойно, абсолютно господствуя в воздухе и безнаказанно производя бомбардировки и обстрелы.

Четыре хорошо вооруженные вражеские колонны, с мощной артиллерией и поддержанные многочисленной авиацией, рассчитывали вступить в столицу. Как раз в тот момент генерал Мола сделал одному из иностранных корреспондентов свое знаменитое заявление, сказав, что Мадрид будет завоеван пятой колонной, которая атакует красных в их наиболее уязвимом месте. С тех пор во всем мире вошел в употребление термин «пятая колонна» для обозначения внутреннего врага.

Фашисты были уверены, что Мадрид падет в указанный Франко день[2]. Они до такой степени верили в это, что в тот день произошел следующий курьезный случай.

7 ноября несколько корреспондентов газет из Сарагосы на автомобиле подъехали к нашим линиям, ни в малейшей степени не сомневаясь, что войска Франко уже дефилируют по улицам столицы. Когда же их взяли в плен, они приняли это за шутку, полагая, что фашистские солдаты переоделись в форму красных ополченцев, желая попугать их.

Франкисты привезли из Севильи самую знаменитую статую Девы Марии, намереваясь понести ее во главе «христианских» марокканских частей и Иностранного легиона. Эту статую сопровождали представители высшей церковной иерархии, священники, благочестивые граждане и гражданки в самых парадных одеждах.

Блеск роскошной процессии тускнел по мере того, как шли дни. Лица людей, сопровождавших Деву Марию и с покорностью ожидавших начала триумфального марша, все больше удлинялись.

Спустя некоторое время началось дезертирство, вначале стыдливое и скрытное, а закончившееся тем, что Деву Марию ночью бросили в обычный грузовик и отправили туда, откуда она была взята. Нечто подобное произошло и с гражданскими лицами, предназначенными для того, чтобы заняться административными делами в Мадриде.

Ибо франкистская армия впервые и совершенно неожиданно для себя встретила упорное сопротивление, приостановившее ее наступление. На всем фронте шли ожесточенные бои. Фашисты предпринимали безнадежные усилия выбить республиканцев с их позиций. Они не жалели артиллерию, жертвовали танками, но республиканцы не отступали и не только твердо держались, но наносили противнику тяжелые потери.

Что же помогло республиканцам?

Я попытаюсь ответить на этот вопрос, изложив отдельные впечатления об этих днях, но не претендуя на исчерпывающее описание того, как осуществлялась славная, историческая оборона Мадрида.

Прежде всего я хочу отметить, что сражение за Мадрид по-настоящему явилось крещением республиканской армии. Коммунисты с самого начала франкистского мятежа проявили мужество и стойкость. Они упорно убеждали правительство и другие политические партии в необходимости создания новой армии.

Я не мог понять, почему правительство и политические руководители не поддерживали всеми силами это предложение. Ведь было совершенно ясно, что отрядами ополченцев, преисполненных мужества и энтузиазма, но неорганизованных и необученных, мы не сможем сдержать наступления атакующей нас профессиональной и хорошо вооруженной армии Франко.

Отсюда мое огромное восхищение коммунистами. Я увидел, что коммунистическая партия не только говорила о необходимости создания новой армии, но и на практике стала ее создавать из формирований, составлявших Пятый полк. Этот Пятый полк явился ядром организованных вооруженных сил, продемонстрировав на своем примере возможность создания народной армии, с присущей ей структурой и дисциплиной, столь необходимыми для того, чтобы эффективно сражаться с мятежниками.

Пятый полк[3] был создан по инициативе коммунистов, но в него входили также люди и из других партий. Он быстро приобрел известность своей организованностью, дисциплиной и особенно своими действиями на фронтах. Он был основой новой армии. И когда в октябре правительство объявило о создании народной армии, шесть первых организованных бригад состояли из подразделений, входивших в Пятый полк. Командир Пятого полка Энрике Листер был назначен командиром первой новой бригады. Ополченцы новой армии показали пример мужества и стойкости в битве за Мадрид.

...Однажды в середине октября Прието вызвал меня к себе в министерство. Это были первые часы после полудня. По дороге я сказал сопровождавшему меня капитану Эрнандесу Франку, что, наверное, этот вызов означает какую-либо катастрофу, так как Прието обычно сообщал мне только плохие вести. Действительно, он вызвал меня, чтобы сообщить о критическом положении Мадрида и необходимости эвакуировать из города административные учреждения и их персонал. Для оправдания этой угрожающей меры он сослался на принятое уже решение о срочном переезде президента республики и правительства в Валенсию.

Хотя я знал пессимизм Прието, но эта новость и похоронный тон, каким он мне ее сообщил, чуть не убили меня. В те дни я переживал трудные моменты из-за нехватки самолетов, и мне бы хотелось, чтобы министр поднял мое настроение. Но он еще раз надоедливо повторил мне: «Ничего не поделаешь». Советское вооружение, формируемые испанские и интернациональные бригады из первых иностранцев-добровольцев «прибудут поздно и ничему уже не послужат». И дальше в таком же духе. Я вышел из кабинета Прието подавленным.

Мне не хотелось возвращаться ни в штаб, ни на аэродром, чтобы не видеть своих летчиков. Они знали, что меня вызвал министр, и забросали бы вопросами, на которые я не смог бы ответить. Кроме того, я боялся, что они сразу узнают о плохом положении дел по моему лицу.

На Пасео дель Прадо, вблизи руин отеля «Савой», разрушенного бомбардировкой, мы увидели скопление людей около колонны грузовиков. Это были родители последних детей, покидавших Мадрид.

Эта сцена тоже не могла поднять настроение. Семьи не скрывали ни своей печали, ни своих слез. Дети, чувствовавшие беспокойство родителей, плакали навзрыд, а некоторые сопротивлялись посадке в грузовики. Наконец после многих усилий колонна грузовиков с детьми отправилась.

В этот момент мы увидели трех очень молодых парней, приближавшихся к скамейке бульвара. Один из них вскочил на эту импровизированную трибуну и попросил выслушать его. С самообладанием, приведшим меня в изумление, он стал говорить, что не стоит печалиться и плакать, ибо дети отправлены в место, где за ними хорошо присмотрят, и они будут в большей безопасности, так как Мадрид находится под угрозой. Единственный способ спасти Мадрид — это мобилизация всех мужчин и женщин для участия в обороне. Он говорил, что уже начато строительство окопов, но для этого еще требуется много людей. И что теперь, когда с отъездом детей взрослые стали более свободными, им необходимо немедленно отправиться на строительство укреплений.

Таков приблизительно был смысл его слов, которые публика воспринимала с сочувствием.

Парни были из Объединенного союза социалистической молодежи. Эта организация мобилизовала большое количество своих членов для проведения таких маленьких митингов, которые они называли «митинг-молния», очевидно, дававших положительные результаты. Люди хорошо понимали то, о чем им говорили, и с каждым днем количество добровольцев на окраинах Мадрида увеличивалось.

Так началось строительство укреплений, которые не только усиливали оборону города с военной точки зрения, но и поднимали веру и боевой дух населения.

В кино, на фабриках и во дворах домов сотни и сотни агитаторов неутомимо говорили о необходимости бороться против пораженцев, говорили, что Мадрид может обороняться, что надо верить в силу народа, что мы не останемся одни. Последний довод особенно поддерживал людей и имел огромное влияние на активизацию сопротивления.

Бои за Мадрид продолжались с большим ожесточением на протяжении всего ноября. Отдельные бои на различных участках завязывались и позже, но настоящая битва за Мадрид была выиграна в первые десять дней ноября. До конца войны Мадрид оставался в руках защитников республики.

Республиканская авиация принимала весьма важное участие в этих исторических боях.

Думаю, это было 5 ноября, когда полностью готовые первые эскадрильи истребителей, присланные нам из СССР, совершили перелет из Альбасете в Алкала-де-Энарес. Вечером они прибыли на этот аэродром и приготовились к первому боевому вылету на следующий день. Я отправился в Мадрид, чтобы присутствовать при этом.

6 ноября утром появились немецкие бомбардировщики «Юнкерсы» в сопровождении итальянских истребителей типа «Фиат». Они рассредоточились, как это вошло у них в привычку, приготовившись безнаказанно бомбардировать и обстреливать Мадридский фронт и столицу. В этот момент, раньше, чем сирены закончили оповещать население о воздушной тревоге, группа самолетов с красными эмблемами республиканской авиации появилась в небе Мадрида и бросилась в атаку на фашистские самолеты.

Я не могу еще и теперь описать мои впечатления от этого боя. Я был так возбужден, что сердце готово было разорваться.

Зрелище, которое увидели мадридцы в то утро, было грандиозным. Они его никогда не забудут. Грозный и беспрерывный рев моторов. Летчики почти в вертикальном пике бросились на «Юнкерсы», так и не дав фашистам сбросить бомбы. Жители Мадрида поняли, что произошло нечто новое и обнадеживающее.

Люди покинули бомбоубежища, бросились на улицы, не думая об опасности. Этот народ, страдавший день за днем и не имевший возможности защищаться от страшных бомбардировок противника, с невыразимым волнением присутствовал при первом воздушном бое в истории обороны города.

Среди акробатических фигур боя и треска пулеметных очередей мадридцы видели, как республиканские самолеты сбили один за другим девять самолетов противника, в то время как остальные обратились в паническое бегство, преследуемые нашими истребителями.

Обезумевшие от радости мадридцы со слезами на глазах приветствовали республиканскую авиацию. И что было совершенно удивительным, так это то, что с неописуемым энтузиазмом и ликованием мадридцы приветствовали Советский Союз! А я-то считал, что прибытие советских самолетов хранится в строжайшем секрете!

С этого дня на некоторое время соотношение сил в воздухе изменилось в нашу пользу.

В исторической битве испанский народ получил большую помощь со стороны интернациональных бригад. Своей дисциплинированностью и организованностью интернационалисты, проявившие редкий героизм, были великолепным примером для всех ополченцев-милисианос. Их присутствие поднимало моральное состояние испанцев, подтверждая, что мы не одиноки.

Героические Интернациональные бригады, вооружение и авиация, предоставленные нам Советским Союзом, участие в боях советских людей явились великолепным и своевременным подкреплением. Благодаря этой помощи защитники Мадрида смогли задержать и бить фашистов.

Перевел Л. ВАСИЛЕВСКИЙ.

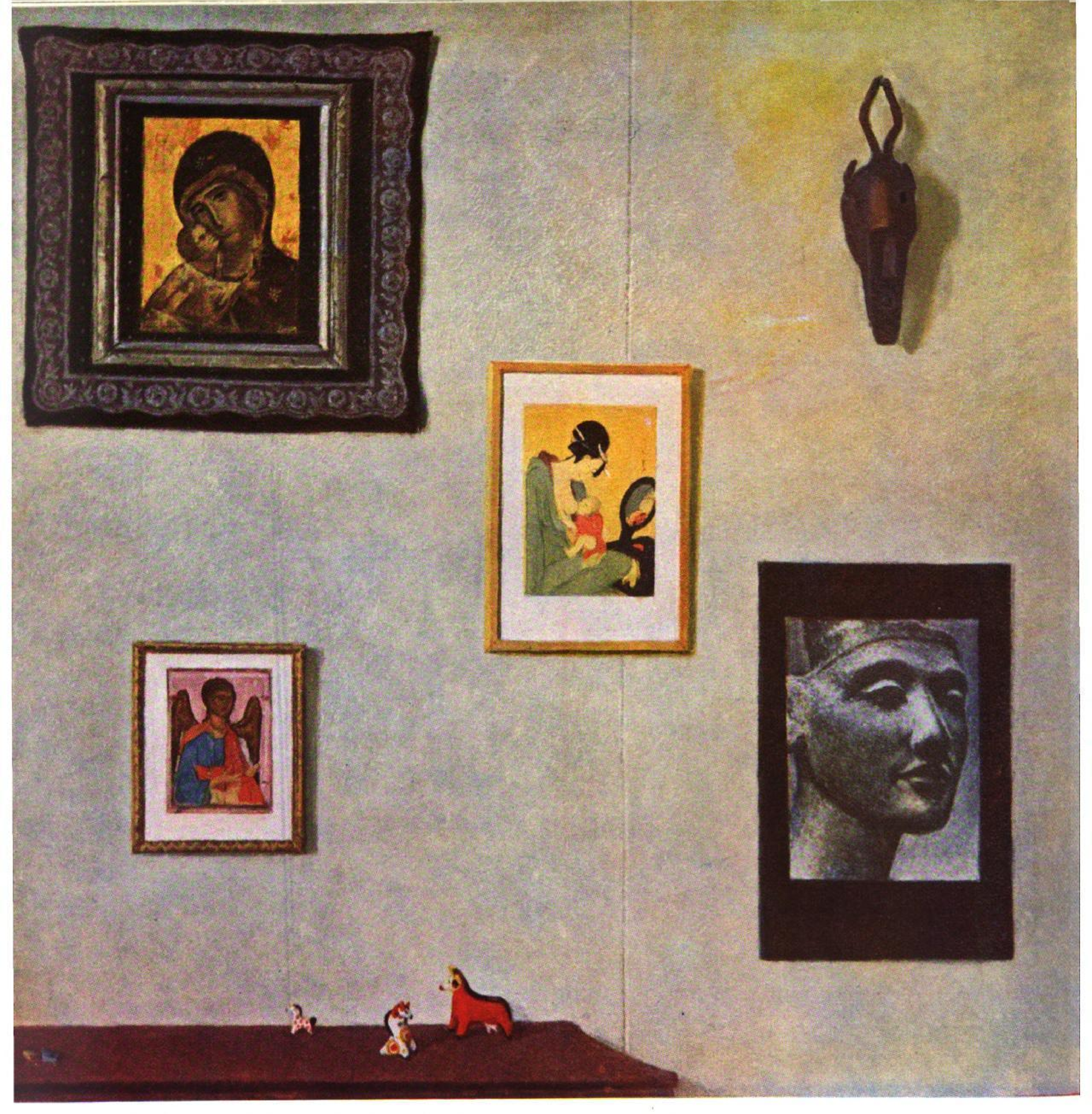
Книга Игнасио Идальго де Сиснероса выходит на русском языке в Государственном издательстве политической литературы.

[1] Полковник Б. Свешников.

[2] Франко назначил вступление своих войск в Мадрид на 7 ноября, в день 19-й годовщины Великой Октябрьской революции.

[3] В Мадриде всегда стояло четыре пехотных полка. Коммунисты назвали свое формирование Пятым полком, желая подчеркнуть, что новая военная организация ничего общего не имеет со старой испанской армией (прим. пер.).

Г. Нисский. ПОКРОВ НА НЕРЛИ

Г. Нисский. НАТЮРМОРТ С ВЯТСКОЙ ИГРУШКОЙ

Иван **РЯДЧЕНКО**

ИЗ „ОКЕАНСКИХ ТЕТРАДЕЙ"

ЕГИПЕТСКИЙ СОН

Песок.
Пустыня.
Древняя гробница.
Все в мире
превращается
в песок.
Спят мумии.
Им ничего не снится:
ни власть,
ни золотая колесница,
ни золотой
девичий волосок.

Любовь истлела.
Ненависть истлела.
Как порошок,
рассыпалась душа.
Песок шершавый
движется, шурша.
Осталась только
оболочка тела...

О, как вы жалки,
царственные мумии,
пред силою
вращения земли!
Как много унести
с собой вы
думали
и ни черта
с собой
не унесли!

Ни сан,
ни стены царского чертога
от зла защитой
не служили вам:
вас проклинали нищие,
как бога,
вам жены изменяли,
как рабам.

И, глядя в даль,
сплошным песком покрытую,
я понимаю,
искренне скорбя,
что человек,
болевший пирамидою,
больнее всех
обманывал
себя.

Суэц — Южно-Китайское море.

ЦУСИМСКИЙ ПРОЛИВ

В Цусимском проливе гуляет волна,
туман наплывает клубами.
Встают комендоры с далекого дна
и синими шепчут губами:

— Привет вам, сыночки, и внуки, привет!
Мы солью глаза оросили.
И морю над нами спокойствия нет,
мы горечь ушедшей России.

У нас тут на дне темнота, тишина,
не каркает ворон картавый.
Как жаль, не домчится отсюда волна
в вишневый садок под Полтавой...

Истлели рубахи, ботинки горят.
Пускай нас никто не осудит.
Пускай наш безмолвный и мертвый парад
в России никто не забудет.

Друзья! Из далеких туманных морей,
где чайки чужие на рейде,
к любимым своим возвращайтесь скорей
и женские страхи развейте.

И слыша, как пеною вишни кипят,
и чувствуя солнце в ладонях,
вы выпейте чарку за русских ребят,
навеки к войне присужденных.

Цусимский пролив.

* * *

Чем дышит туман
над Сангарским проливом?
Минувших свиданий
теченьем счастливым.

Цветеньем каштанов,
твоими губами,
судами,
которые
здесь погибали...

Чем дышит туман
над Сангарским проливом?
Надеждой на встречу
под небом счастливым.

В глухой пелене
ни огня, ни дороги.
Лишь голос тифона
охрип от тревоги.
Да реет крылато
в туманном зените
антенна радара —
наш ангел-хранитель.

АКУЛА

Над синими морями
морзянки тонкий дождь.
Ты шлешь радиограммы,
а горести не шлешь.

Скрываешь беспокойство
отрывистостью фраз.
Любимая, не бойся,
старик Нептун за нас.

Порой качнет немного,
потом синее даль.
А в царство осьминога
я попаду едва ль.

Ты чутким сердцем ловишь
всех страхов тайный гул.
Не бойся злых чудовищ,
кальмаров и акул.

Народ у нас веселый.
И мы лишь сообща
страшимся пересола
полтавского борща.

К тебе из бурь и гула
вернусь наверняка,
коль не сожрет акула
по имени тоска.

Индийский океан.

Наши интервью

ВЕЧНО МОЛОДАЯ СТАРИНА

— Рано утром, на заре прихожу я к себе в мастерскую,— рассказывает народный художник РСФСР, действительный член Академии художеств СССР Георгий Ниссний.— Утреннее московское солнце подсвечивает розовыми лучами японскую красавицу, позировавшую лет двести назад прославленному Утамаро, каменное лицо Нефертити, темное дерево африканской ритуальной маски... Под таким утренним впечатлением, очевидно, и возник у меня этот натюрморт. Захотелось рассказать людям, как вся красота, творимая сегодня и созданная давным-давно, но вечно живая, необходима художнику.

...Только как же труден этот всего один лишь шаг — от мысли и возникшего желания ее выразить до картины! Не помню, кто-то когда-то сказал, что картину написать — что ребенка вырастить... Сначала ты эту картину в себе, словно мать ребенка, вынашиваешь, а уж потом будешь нянчить. И это легче: рожденное дитя уж всецело в твоей воле, в твоих руках...

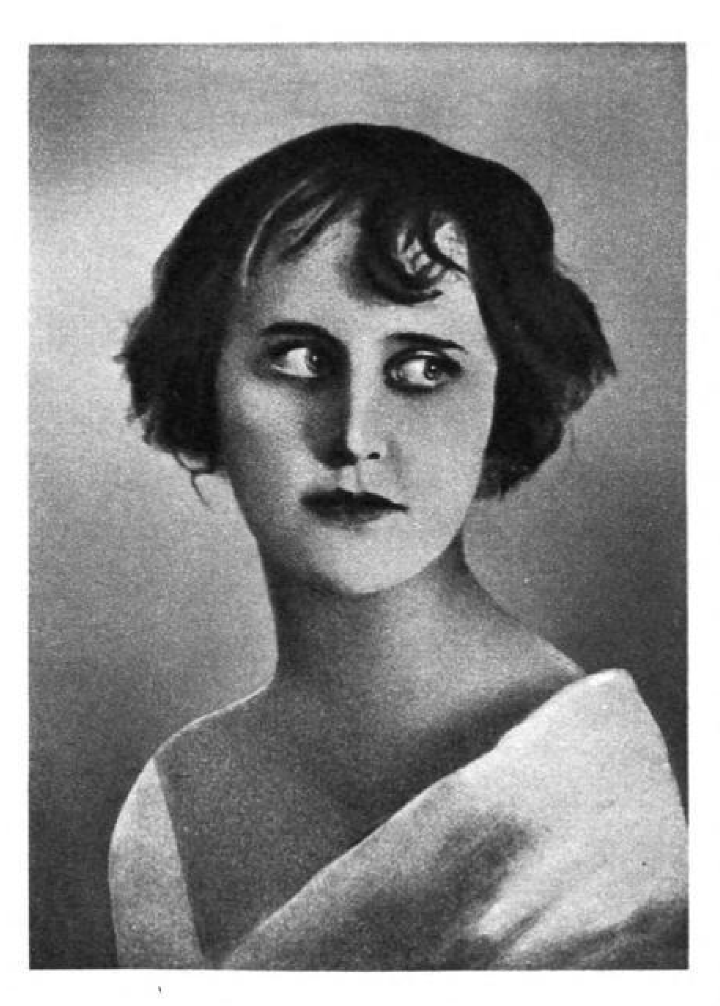
Постепенно убрал из будущего натюрморта репродукцию фрагмента равеннских мозаик — голову царицы Феодоры, строгого, доброго нашего Николу. Пришлось увести с полированной столешницы и веселую вятскую барыню. А ведь как жаль было: она только что ножкой не притоптывала — так красовалась в своих ярких юбках с оборками. Но зато Владимирская богоматерь, чьи глаза полные боли и сострадания вижу я более выразительными, чем у самой мадонны Сикстины, с самого начала как вошла в композицию, так и осталась. С нее примерялся, с нее и начал. Решился наконец! А до тех пор бесконечно долго все стояли посредине мастерской натянутые на подрамники, загрунтованные, готовенькие два холста. Большие, чисто-белые. Так и зовут: тронь кистью! Ночью я во сне их видел, днем глядел на них почти со страхом. Пока стоят у тебя в мастерской нетронутые холсты, готовые воспринять поток красок, чем бы ты ни был занят, какие б заботы, текущие дела ни одолевали тебя, само собой получается, что лучшие силы уходят, где-то в глубинах сознания, будто минуя волю, именно на не написанные еще картины. Это и есть счастье творчества. Незамирающая тревога дарит надежду, что холсты превратятся-таки в завершенную работу.

Тот холст, что предназначался для натюрморта, даже загрунтован был особым манером,— шероховато, грубо. Словно бы писать предстояло прямо на самой беленой стене, где разместился реальный натюрморт. К левому нижнему углу стены хотел я прислонить край старинной золоченой рамы, которую намеревался даже не писать, а просто прокрасить золотой краской, как делали это старые русские мастера-иконописцы. Кусок холста внутри рамы предполагал оставить нетронутым — пусть будет, как есть в натуре... Да мало ли что фантазируешь, пока будущая картина в сознании окончательно не оформится!

Второй холст готовился обыкновенно. Но тревог это не убавляло. Сколько я прицеливался! Четыре года кряду ездил под Владимир. И подъезжал ли, подходил ли я к маленькой белой церковке, неизменно восторг и удивление охватывали меня, словно впервые ее увидел. Ведь как стоит! Такая невеличка на громадной планете, и будто сама планета только для нее одной распласталась... Не осмеливался я долго даже самому себе сказать, что напишу-таки это наше русское диво-дивное, чудо-чудное. Храм Покрова на Нерли.

...Мечтал, чтобы и у меня встал он вот здесь, над старицей, в самой середине холста, отражаясь в чистом, теплом зеркале вод. Плывет, словно лебедь... Людишки стоят рядом, любуются. Тишина. Красота. Россия.

Оттого, что всегда снизу глядим мы, паломники-туристы, на чудо-храм, пропорции его я чуть изменил. Вытянул. Самое трудное было отыскать меру этого «чуть». Сохранить все соотношения, пропорции, золотые сечения и все же сдвинуть их, словно бы подключив к нашему сегодняшнему живому ритму... Больше всего боялся, чтобы не задавила архитектура. Ей легко это сделать: заворожит, и ты покорно идешь за ней, копируешь. А надо набраться смелости и выразить именно ее волшебную, пленительную силу, донести до всех радостное свое убеждение, что просто-напросто не могла эта дивная краса не подняться на нашей с вами родной земле!

Помнят до сих пор

Светлана РУСАКОВА

Такие лица в старину называли «колдовскими». Смоляные волосы, профиль нежный и чистый, будто высеченный резцом вдохновенного скульптора, и глаза — огромные, глубокие, печальные... Они смотрят на нас с пожелтевшей фотографии, далекие и таинственные глаза бывшей королевы экрана Веры Васильевны Холодной. Той самой Веры Холодной, первой актрисы русского кинематографа, которой поэты посвящали стихи, драматурги — сценарии, а музыканты — вальсы.

Вера Холодная — целая эпоха в кинематографии. О ней знают и даже помнят многие, а в то же время писать о ней очень трудно. Имени актрисы не найти ни в одной энциклопедии или справочнике, не говоря уже о специально посвященных ей работах. Разве несколько страничек очень скудных сведений, собранных нашими киноисследователями. А до недавнего времени вообще считалось дурным тоном говорить о Холодной положительно. Видимо, причин тут довольно много. Очень скудны документальные сведения об актрисе. Ее головокружительный успех. Ее редкая красота. Неожиданная смерть в 25-летнем возрасте... Ходило множество самых нелепых легенд о гибели Веры Холодной. Говорили, что она шпионка и ее расстреляли; что она красная разведчица и ее убили в Одессе. Причем эта последняя легенда обросла романтическими подробностями: якобы актрисе в номер гостиницы прислали белые лилии, и она умерла, задохнувшись в их губительном аромате. Наконец, была версия, что ее задушили из ревности.

Какова же она на самом деле, Вера Холодная? Попробуем смахнуть пыль времени с дошедших до нас легенд, домыслов, версий и обратимся к фактам.

Истинный облик актрисы воссоздают воспоминания ее друзей, современников, наконец, ее сестры, Софьи Васильевны Холодной.

Вера Васильевна родилась в 1893 году в Полтаве, в семье педагога. У Веры рано проявились артистические способности, и в девятилетнем возрасте ее приняли, несмотря на огромный конкурс, в балетное училище Большого театра (к тому времени семья переехала в Москву). Бабушке, однако, эта затея показалась неприличной, и через год Вера снова стала обыкновенной гимназисткой, хотя мечта стать актрисой не оставляла Веру и позднее, даже когда она вышла замуж.

В 1914 году Вера Холодная пришла к режиссеру В. Гардину и сказала, что хочет попробовать свои силы на экране. Незаметная статистка в фильме «Анна Каренина» — такова была ее первая роль. Но после неожиданной встречи в клубе с заведующим литературным отделом кинофабрики, руководимой предпринимателем А. Ханжонковым, режиссер Бауэр, сделав несколько фотопроб, поручает начинающей артистке главную роль в картине «Песнь торжествующей любви» по мотивам тургеневского рассказа. Так появилась на экране Валерия Веры Холодной. «И своими прекрасными серыми глазами и классическим профилем произвела сенсацию»,— как писали газеты. «Она сразу попала в разряд кинозвезд, восходящих на русском киногоризонте»,— писал в своих воспоминаниях руководитель кинофабрики А. Ханжонков.

Актриса чутко усвоила основной ритм бауэровских картин. Оттенок трагизма и пассивной жертвенности, некая нереальность происходящего присутствовали во всех образах, создаваемых здесь В. Холодной.

И хотя участие именно в этих фильмах сделало ее первой звездой русского экрана, сниматься дальше у режиссера Бауэра она больше не могла. Это значило бы для нее проститься с мечтой стать настоящей актрисой, способной не только выразительно двигаться и принимать красивые позы перед съемочным аппаратом. Ей хотелось большего — будить в людях все самое сильное, чистое, яркое... Она пыталась заняться концертной деятельностью, но и здесь получалось не так и не то, о чем думалось... К этому времени Вера Холодная получила очередное приглашение от кинопромышленника Харитонова, собравшего в своем киноателье всех звезд. И первая королева экрана стала работать под руководством нового режиссера — П. Чардынина.

Опять появились восторженные газетные рецензии. Но необыкновенный успех у публики не вскружил голову актрисе. Она по-прежнему оставалась скромным, требовательным и взыскательным к себе человеком. Сразу после просмотра картины с ее участием, наскоро переодевшись, чтоб ее не узнали, она спешила на рабочие окраины Москвы—услышать истинную правду о своем искусстве. У нее было много друзей среди трудовых людей. В самые голодные послереволюционные годы рабочие кинофабрики привозили ей домой продукты, старались помочь молодой актрисе чем могли. «Вера без колебаний входила в Октябрь, работала много, с особенным подъемом»,— рассказывает сестра Веры Васильевны, Софья Васильевна Холодная. «Она была простой, умной, любящей свой народ женщиной, не рвущейся к парадам и блеску золота»,— вспоминает Мария Николаевна Левина, одна из многих друзей актрисы.

Слава Веры Холодной продолжала расти. Никто из актеров в те времена не пользовался таким головокружительным успехом. В одном из номеров «Киножурнала» в разделе «Хроника» помещена информация о прокате фильма «У камина» с В. Холодной в главной роли. «Как на исключительное в кинематографии явление следует указать,— говорилось здесь,— что в Одессе картина демонстрировалась непрерывно в продолжение 90 дней, а в Харькове 74 дня, причем крупнейший в Харькове театр «Ампир» 4 раза возобновлял постановку, все время по повышенным ценам и все время были «шаляпинские» очереди. С таким же успехом картина шла в Петрограде».

Но шумная реклама не радовала Холодную. А участие в салонных мелодрамах с надуманными сюжетами было все так же чуждо актрисе. Безвольная жертва своих или чужих страстей — будь то графиня, кокотка или циркачка — такова чаще всего героиня Холодной. И тщетно актриса пыталась выйти из рамок раз и навсегда заданного ей амплуа!..

Но вот в киноателье пришел замечательный театральный актер В. Максимов. Именно он помог по-настоящему раскрыть это редкое и сильное актерское дарование. В фильме «Живой труп» В. Холодная выступает в роли цыганки Маши — уже как большая драматическая актриса. Думается, не случайно после выхода «Живого трупа» на экран К. С. Станиславский пригласил актрису в Художественный театр и предложил ей сыграть роль Катерины в «Грозе». Как жаль, что роль эту сыграть Холодной так и не пришлось!..

В 1918 году в журнале «Немое искусство» появилось следующее сообщение: «Часть труппы Харитонова во главе с В. Холодной и П. Чардыниным выехала на съемки в Одессу».

Вместе с актрисой поехали ее мать, сестра и дочь. В Одессе Вере предстояло сняться в «Княжне Таракановой», «Мисс Мэри», «Цыганке Азе» и других картинах П. Чардынина.

Работала она на съемках лихорадочно, не щадя здоровья: ей очень хотелось к зиме вернуться в Москву. Как раз в это время представители крупных заграничных фирм предложили Вере Холодной выгодные контракты и заманчивую постоянную работу. Однако все они получили категорические отказы. «Если нам предлагают громадные деньги заграничные фирмы, значит, нас там ценят высоко,— писала Вера Холодная в «Киногазете».— Но только расстаться с Россией, пусть измученной и истерзанной, больно и преступно, и я этого не сделаю».

Замечательной актрисе, патриотке не пришлось поработать и у себя, в России: в конце января 1919 года она простудилась и заболела «испанкой». А 16 февраля Веры Васильевны Холодной не стало...

«Мертвая королева экрана наряжена в один из лучших своих туалетов и тщательно загримирована», — вещали афиши. А на экранах шел последний фильм с участием первой актрисы русского кинематографа: «Похороны Веры Холодной».

Возможно, что наши документалисты выпустят на экраны фильм о живой Вере Холодной — талантливой актрисе, хорошем русском человеке.

НАУЧИСЬ ВИДЕТЬ...

В аннотации к сборнику рассказов Н. Шахбазова, который недавно вышел в издательстве «Советская Россия», сказано, что «автор более старается разделить с читателем его радости и огорчения, нежели поучать его...». И как бы ставя под сомнение вторую половину этой цитаты, на следующей же странице эпиграф к рассказу «В пути» гласит: «Научись видеть».

...Не назойливо, исподволь автор внушает читателю мысль о внимании к незначительным, казалось бы, на первый взгляд событиям, за которыми кроются человеческие судьбы. Именно своей невнимательностью, равнодушием так неприятен Андрей Николаевич («В пути»), который в конечном счете обокрал, обеднил себя. Не заметил старика, который хочет, чтобы человек если и не в силах помочь другому, то хотя бы проникся сочувствием к нему. Холоден остался и к зарождающемуся чувству поэтичной Натэлы. Не заметил, прошел мимо настоящей любви и Володя («Последний день юности»). И основное чувство, которое испытывает, умирая, герой рассказа «Снег»,— чувство вины перед теми, к кому он был глух и невнимателен в своей жизни.

Рассказы Н. Шахбазова лиричны, если можно так выразиться, акварельны, задумчивы. Но когда автор переходит от лирического повествования к значительной социальной теме, голос его крепчает, фраза становится мускулистой, энергичной. Этого нельзя не заметить, прочтя хорошо написанный рассказ «Ошибка». Автор населяет свои рассказы простыми людьми, заставляя читателя радоваться их радостям и огорчаться их печалям. Никаких внешних эффектов, сюжетных поворотов. Поначалу кажется, что все разрозненно, однако читаешь рассказ до конца, и становится ясно, что события обладают внутренней связью, из их совокупности у читателя ненавязчиво формулируется основная художественная идея.

Это первый сборник рассказов Н. Шахбазова. Он как бы является серьезным экзаменом для автора, и думается, что писатель сдал его и нашел путь к сердцу читателя.

Т. НИКОЛАЕВА

Н. Шахбазов. Лето прошлого года. Издательство «Советская Россия». 1965.

Наши интервью

ГЕРОИ ТОЛСТОГО НА ЭКРАНЕ

«Война и мир». Борис Евгеньевич Захава в роли Кутузова.

Вышла на экран вторая серия фильма «Война и мир» по роману Льва Николаевича Толстого, экранизированному народным артистом СССР С. Бондарчуком.

С особым нетерпением ждали зрители новой встречи с героями любимейшего романа, отныне получившими благодаря мастерам кинематографа свое второе рождение,— Пьером Безуховым, Наташей Ростовой и ее близкими, с военачальниками России во главе с Кутузовым. Они дороги каждому сердцу.

Образ полководца Кутузова, один из сложнейших и, по общему признанию, наиболее удачных в фильме, создает народный артист РСФСР Б. Е. Захава. Мы попросили Бориса Евгеньевича поделиться своими мыслями о работе над этой ролью.

Вот что он рассказал:

— Последние годы я не занимался актерской деятельностью, перешел на преподавательскую и режиссерскую, творческую, исследовательскую работу. Но когда Сергей Федорович Бондарчук пригласил меня участвовать в съемках «Войны и мира», предложив роль Кутузова, я был счастлив,— настолько предложение это оказалось соблазнительным и интересным!

В образе М. И. Кутузова, как и во всем романе Толстого, я больше всего ценю народное начало. Меня покоряет в Кутузове то, что этот аристократ так глубоко и полно воплотил в себе лучшие народные качества, сделавшись подлинным средоточием народных чаяний и надежд. Разумеется, меня увлекло и то высокое, гуманное начало, которым пронизан образ полководца у Л. Н. Толстого. Особенно же дорого мне сочетание высокой культуры, полководческого таланта с истинным человеколюбием,— неподдельной любовью к своему народу; которое составляет главную человеческую суть Кутузова. Крупнейший военачальник и тонкий дипломат, он трудился не ради войны, а ради мира,— это-то и делает его образ таким близким для нас.

В процессе работы над фильмом большое удовольствие доставляло мне сотрудничество с С. Ф. Бондарчуком: нас связывало с ним одинаковое понимание творческих задач, стоящих перед участниками фильма. Впрочем, мы все как-то особенно близко подружились во время этих интересных съемок.

На вопрос, испытывал ли Борис Евгеньевич трудности при воплощении роли, Захава ответил, что работал как никогда радостно, легко, творчески-приподнято...

— Сцена требует большой внешней выразительности: в театре надо играть так, чтобы все «доходило» до самого последнего ряда. В кинематографе же, где режиссеру нужны бывают крупные планы, от актера требуется большая мягкость, большая выразительность. Поэтому мы договорились с Сергеем Федоровичем Бондарчуком, что если я начну играть, «как на сцене», он сразу же будет останавливать меня. И одного слова «театр», которое режиссеру все же приходилось иногда произносить, было в таких случаях достаточно. Я переключался изнутри, стараясь найти иное душевное состояние Кутузова... Но самым трудным для меня оказалось переозвучивание натуры. Это и в самом деле нелегкое дело! Заботясь о синхронности звука и изображения, актер должен точнейшим образом соблюсти ту речевую артикуляцию, которую уже все видят на экране. Играя все заново, нужно помнить о том, что теперь уже нельзя целиком отдаться игре! Надо помнить только о звучании голоса, о нужных образу интонациях. А ведь иногда рождаются и новые непосредственные эмоции, а они, в свою очередь, толкают на новые краски, которые вдруг могут стать помехой.

Но все это уже позади... Работа над ролью почти закончена. Правда, при монтаже 3-й серии «Войны и мира» С. Ф. Бондарчук выяснил, что фильм потребует некоторых дополнительных эпизодов. Поэтому осенью будут произведены досъемки, после чего огромная работа над экранизацией романа Толстого окажется полностью завершенной.

●

СЕЗОН ОКОНЧЕН, СЕЗОН ГОТОВИТСЯ...

На всех сценах Москвы гастролируют гости; сезон в крупнейших столичных театрах закончился. Наш корреспондент попросил директора Московского Художественного театра Константина Алексеевича УШАКОВА сказать, как прошел сезон у МХАТа, какие спектакли в этом сезоне больше всего понравились публике.

— Зрители и пресса,— сказал К. А. Ушаков,— хорошо встретили спектакли «Чти отца своего», «Дон-Кихот ведет бой», «Утоление жажды», «Тяжкое обвинение».

— Какой же из них имел наибольший успех?

— Пожалуй, они все понравились публике. «Тяжкое обвинение», например,— это просто настоящий парад мастеров МХАТа, а в спектакле «Дон-Кихот ведет бой» блестяще показал себя А. Кторов. Эту актерскую работу можно выдвинуть на любую премию; зрители специально ходили в МХАТ взглянуть на Кторова.

— А кто из молодых актеров «блеснул» в прошедшем сезоне?

— Сейчас у нас сложилось настоящее молодежное созвездие: В. Шиловский и Э. Позднякова, В. Абдулов и Е. Королева, Н. Пеньков, Л. Золотухин, М. Медведев — все это многообещающие, свежие силы, будущее театра.

Молодые актеры МХАТа Е. Королева, Э. Позднякова, В. Абдулов.
Фото И. Александрова.

— Началось строительство нового здания МХАТа. Когда оно завершится?

— Предполагалось, что МХАТ будет праздновать новоселье в 1967 году, но пока еще идет только закладка фундамента нового здания. Вряд ли будут зрители на будущий год смотреть спектакли МХАТа в новом помещении.

— Как будет использовано старое здание МХАТа?

— Сюда переедет наш филиал, а в то здание, где сейчас находится филиал МХАТа, переедет филиал Малого театра.

— Театру, как всегда, предстоят гастроли. Какие, куда?

— Осенью мы собираемся в гости в Харьков. Там, одновременно на двух сценах, покажем «Егора Булычова», «Вишневый сад» и «Три сестры», «Идеального мужа», «Дом, где мы родились», «Позднюю любовь»...

— Константин Алексеевич, вы много лет работаете в области культуры, возглавляли различные театры Москвы. По душе ли вам работа во МХАТе?

— Театр я очень люблю! В 1919 году, тринадцати лет, я поступил в театр Корша, и с тех пор вся моя жизнь связана с московским искусством. Несколько лет работал вместе с В. И. Немировичем-Данченко, мне это всегда очень помогало, а сейчас особенно... МХАТ и современность — вот основная проблема, которая волнует нас всех. Свою работу мы мыслим как продолжение тех традиций, которые заложили Чехов и Горький. Поэтому хочется не просто «коллекционировать таланты» в театре, а объединять, использовать как можно шире способности мастеров и начинающих актеров...

— Какими спектаклями откроет театр будущий сезон?

— Не отказываясь от классики, будем укреплять связь театра с сегодняшней драматургией. Уже в сентябре состоится премьера пьесы А. Штейна «Вдовец». Сейчас репетируется «Ревизор» Н. Гоголя и «Жил-был каторжник» Ануйля... Конечно, будут на нашей афише и другие премьеры, но о них говорить еще рано.

В печати опубликовано сообщение о том, что ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР рассмотрели вопрос о мерах по усилению борьбы с нарушениями общественного порядка. В принятых решениях нашли широкое отражение пожелания и требования трудящихся, общественных организаций и государственных органов о необходимости решительного искоренения хулиганства и иных антиобщественных явлений.

Сообщение это встречено советскими людьми с огромным удовлетворением, с сознанием гражданского долга каждого из нас всемерно помогать беспощадной борьбе с преступностью, с хулиганством, пьянством, нарушениями социалистического правопорядка. К сожалению, далеко не везде эта борьба носит действенный характер, к сожалению, кое-где еще бытует либеральное, спокойно-равнодушное отношение органов охраны общественного порядка, суда, прокуратуры, руководителей коллективов к людям, позорящим наше общество. А здесь не должно быть никаких послаблений!

Сегодня мы публикуем фоторепортаж из зала заседания выездной сессии Подольского городского суда.

А ВЫ-ТО ПОНЯЛИ?

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

Фото А. Узляна.

Это не драма с убийством, не ограбление сберкассы, когда преступника долго ищут и находят по какой-нибудь ничтожной улике, вроде пуговицы. Слесарь подольского завода «Микропровод» Александр Рыбаков по случаю получки напился, учинил — в который уже раз — пьяный дебош, сквернословил, куражился, издевался над родственниками, а на работников милиции, пытавшихся его унять, набросился со штыком. И вот в красном уголке завода заседает выездная сессия Подольского городского суда.

Подсудимый опрятно одет, держится не то что спокойно, а както привычно: вся эта процедура ему не в новинку,— и только время от времени аккуратно сложенным платком вытирает наголо стриженную голову.

Ему 26 лет, у него есть жена и пятилетняя дочь. У него 8-летнее образование, неплохая профессия и неплохой заработок. В общем, обыкновенная биография, и как-то даже не верится, когда узнаешь, что из своих двадцати шести лет Рыбаков четыре года провел в заключении, что дважды был судим за злостное хулиганство.

Процесс идет своим порядком: допрос потерпевшего, свидетелей, подсудимого. Зал узнает, что в тот самый обыкновенный майский день Рыбаков «получил получку, по обыкновению выпил», потом добавил еще пол-литра (даже не на «троих», а один, и не дома, а просто где-то в кустах) и, явившись домой, начал дебош...

Что за дикость, что за бессмыслица? Почему совсем еще молодой человек губит свою жизнь? Что привело его уже в третий раз к преступлению, к одному из самых гнуснейших преступлений? Рабочие в спецовках, работницы в белоснежных халатах, заполнившие зал, слушают молча и, по всей вероятности, задают себе те же вопросы.

Кто ответит на них?

Вор, залезающий в карман, человек, угоняющий машину, грабители, взламывающие сейф, имеют по крайней мере определенную цель. Какую цель преследует пьяный хулиган? Да никакой! А моральный ущерб, который наносит он семье, коллективу, ничем не возместишь.

В зал заглядывает солнце, за окном качаются зеленые ветви деревьев, виден огромный девятиэтажный корпус завода и надпись на кумаче: «Цех коммунистического труда». Там великолепные станки, удивительная чистота огромных, как ангары, залов с плиточными полами и хрустально-прозрачными окнами. А в зале, где сидят люди, уже привыкшие к этой производственной чистоте, современнейшей технике, высокой точности, открывается омерзительная картина моральной грязи, дикости.

Очень хочется знать, как реагируют на происходящее в зале руководители коллектива, в котором рос этот урод. Что думает, скажем, директор завода А. Быков? К сожалению, он даже не пришел сюда. А ведь судят члена его коллектива, судят в красном уголке его завода! Что думают комсомольские вожаки? Но здесь ли они? На этот вопрос так никто и не смог мне ответить. Во всяком случае, если они и были в зале, то ничем себя не проявили. А ведь подсудимый — человек, в общем, еще комсомольского возраста! Что скажет начальник штаба заводской дружины Ю. Шведов? Но он совсем недолго посидел в зале и, даже не дождавшись приговора, ушел.

Ну ладно, вот сейчас выступит общественный обвинитель, уж онто, наверное, выразит то, что думают о преступлении Рыбакова его товарищи по цеху. Общественный обвинитель, мастер цеха № 5 Стефашин, молод, щуповат, с хорошим, серьезным лицом рабочего-интеллигента. Он встает и негромко говорит буквально следующее:

— На работу Рыбаков выходил вовремя, производственную программу выполнял, инструмент содержал в отличном порядке, пьяным в цехе замечен не был.— Тут общественный обвинитель делает паузу и совсем уже застенчиво добавляет:— О поведении его в быту первый раз услышал здесь. Я надеюсь, суд поступит с ним по всей строгости закона.

Не стоит, пожалуй, и комментировать такую речь, прозвучавшую скорее как защитительная.

Суд удаляется на совещание. В перерыве я беседую с начальником цеха Александрой Касаткиной. Ей всего 30 лет, но она ветеран завода, работает на нем со дня основания, десять лет. С душевной мукой она не столько рассказывает, сколько делится давно наболевшим. Со стыдом, с гневом признает, что много, слишком много рабочих — а большинство из них молодежь — пьют. Пьют не только по случаю получки — это считается делом обыкновенным, даже как бы узаконенным. Часто и на работу приходят не то что пьяными, а «зарядившимися» парой кружек пива или стопкой водки, благо и пивной ларек под боком и «Бакалея» — «стоит только слазить через забор». Нецензурная брань, как ни странно это звучит, стала обычной манерой разговора. Даже девушки не раз получали за это выговор. И вообще, как с грустью замечает Касаткина, больше половины рабочего времени ей приходится тратить не на решение технических проблем, а на воспитание. Рассказ Касаткиной многое объясняет, делает понятнее историю преступления, историю морального падения рабочего Рыбакова.

Объявляется приговор: четыре года исправительно-трудовой колонии строгого режима.

НАЕДИНЕ С ДЖЕННИ...

Через несколько дней Егоров улетел за границу.

Его встретили там очень радушно — имя молодого ученого уже было известно участникам симпозиума. Петр Максимович возглавлял нашу делегацию, и к нему был прикреплен персональный гид — один из местных ученых, хорошо знавший русский язык и работавший в области, смежной с той, где вел свои исследования профессор Круглов. Это был молодой, элегантный человек, вежливый, предупредительный. Все его почему-то звали запросто Карл.

— Можете мной располагать, как вам угодно. Надеюсь, что и вы в долгу не останетесь, когда я приеду в Москву.

— Собираетесь к нам?

— Да, в порядке обмена... Соответствующие переговоры уже ведутся...

И он назвал один из крупных московских институтов, где ему, вероятно, предоставят возможность поработать.

На первых порах Петр Максимович был весьма доволен, что к нему прикрепили такого гида. Несколько раздражало лишь одно обстоятельство: Карл буквально заполонил его время — ни одного вечера Петр Максимович не смог провести вместе с товарищами по делегации. Сегодня — театр, завтра — прогулка за город, затем в гости к какому-то профессору. Петр Максимович даже насторожился было: в чем дело? Но беседы, которые вели с ним, касались самых отвлеченных тем, связанных с наукой вообще, с литературой и искусством. И только однажды разговор переключился на его институт. Все началось с какого-то спора, в ходе которого он сам стал говорить об институтских делах. Но советский ученый задумался над этим уже позже, вернувшись в гостиницу.

Гид познакомил его и со своей сестрой Дженни. Эффектная молодая женщина с копной золотистых волос, небрежно спадавших на оголенные плечи, с мягкими темными глазами и белой шеей в мелких веснушках. Она тихо сказала ему:

— Учтите, я большая поклонница вашей страны, ее прогрессивной науки.

Петру Максимовичу показалось, что он вызвал интерес Дженни не только как ученый, но и как мужчина. «А может, это мне только показалось»,— подумал он. Однако тут же вспомнил, как за ужином, сидя рядом с ним, она по-английски шепнула ему на ухо что-то такое, от чего он покраснел, сконфузился и ответил, кажется, не совсем вежливо. Но Дженни не обратила внимания на это и в том же тоне продолжала разговор. Русский ученый старался держаться в стороне от нее, но она с улыбкой настигала его и ласково журила: «Какой вы, однако...»

Симпозиум близился к концу. Через несколько дней домой! Петр Максимович вместе с товарищами распланировал оставшиеся свободные вечера. И вот снова неожиданное приглашение: Карл зовет его к себе в гости.

— Я и Дженни хотим попрощаться с вами. Скромный ужин в узком семейном кругу. Мы да старики...

Но «семейный круг» неожиданно сузился. Хозяин дома очень огорчен: родители вынуж-

Продолжение. См. «Огонек» № 30.

Общественный обвинитель: «Прошу наказать по всей строгости закона».

И вот тут-то, мне казалось, кто-то встанет и скажет: «Подождите, товарищи, не расходитесь! Давайте поговорим о случившемся, разберемся, потолкуем по душам. Вспомним о других, которые еще не докатились до преступления, но уже ступили на ту же грязную дорожку, по которой пошел Рыбаков. Ведь у нас же замечательный завод, замечательный коллектив, неужели мы сообща не можем раз и навсегда покончить с таким уродством, как пьянство, неужели не сумеем в бараний рог скрутить хулиганов?» Никто не встал, никто ни слова не сказал. Публика молча разошлась.

Нет, не получился показательным процесс над хулиганом Рыбаковым.

— Рыбаков, поняли вы что-нибудь в происходящем? Дошла ли до вас вся серьезность процесса?— Эти вопросы задавал судья еще во время допроса подсудимого.

— А что я такого сделал?— последовал ответ.

Очень хотелось задать те же вопросы тем, кто работал рядом с Рыбаковым, кто руководит коллективом, в котором он пробыл, хоть и недолго. Даже не спросить, а крикнуть:

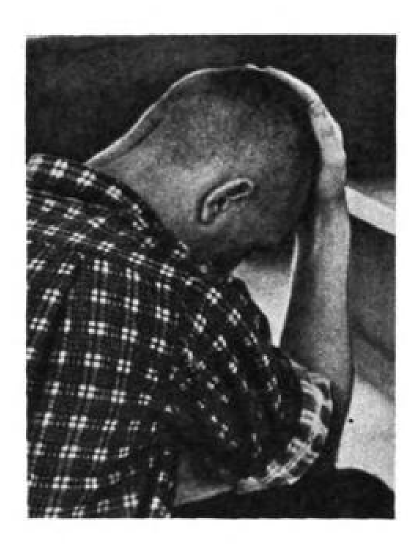
— А вы-то поняли, что произошло, почему так случилось? Вас этот процесс чему-нибудь научил? Неужели вы считаете эту историю обыкновенной?

Слушают...

«Именем РСФСР!» — объявляет приговор председатель суда М. Исаев.

Тамара Рыбакова, жена подсудимого, выступает свидетелем обвинения.

◀ Подсудимый Рыбаков в ожидании приговора.

Вещественное доказательство. ▶

дены были поехать за город к тяжело заболевшему дяде. И они сели за стол втроем. А вскоре и сам Карл исчез — позвонили родители и умоляли сына срочно приехать: дяде стало совсем плохо...

— Дженни, ты останешься за хозяйку. Я еще, может быть, вернусь.

Петр Максимович не успел и слова вымолвить, как Карл распрощался, и он оказался в приятном обществе очаровательной женщины — вдвоем во всей квартире.

Впрочем, не совсем так. Вдвоем, если не считать служанки, миловидной блондинки, неожиданно появившейся в комнате в тот самый момент, когда Дженни предложила гостю пересесть поближе к камину.

— Прошу прощения, мадам...

— Я, кажется, ясно сказала: сегодня вечером мы обойдемся без ваших услуг, Катрин!

— Извините,— испуганно пролепетала девушка. Так же, как и хозяйка, она свободно владела не только немецким, но и русским языком.— Какой-то господин настойчиво требует вас к телефону... Да, я ему говорила, что мадам просила не беспокоить ее, но он уверяет, что к нему это не относится, что вы будете очень рады его звонку, что меня строго накажут, если я не доложу вам, и снова требовал вас...

Дженни бросила на служанку взгляд, в котором нетрудно было прочесть: «Черт бы тебя побрал с твоим телефонным звонком». Потом подошла к гостю.

— Простите, я вас покину на несколько минут.— И удалилась из комнаты, сухо обронив: — Катрин! Раз ты уже здесь, то помешай угли в камине...

— Хорошо, мадам...

Петру Максимовичу показалось, что девушка порывается что-то сказать ему. А может, это только показалось. Он сам хотел узнать у нее, где она выучилась русскому языку. Но в этот момент вернулась Дженни.

Хозяйка мило улыбнулась вслед быстро удалившейся из комнаты служанке.

— Это ваша соотечественница, мой дорогой друг. Дитя войны... Лагерь перемещенных лиц... Любовь всесильна. Русская девушка полюбила иностранца. И не вернулась в Россию. Отказалась. А муж мало зарабатывает. Попросилась в наш дом. Аккуратность и исполнительность, видимо, никогда не были ее отличительными чертами. Но, что поделаешь, надо быть добрым...

И, подойдя вплотную к гостю, озорно вскинув на него глаза, спросила:

— Как будет развлекать меня русский ученый?

И, не ожидая ответа, Дженни взяла его за руки.

Он деликатно высвободил их, потом решительно поднялся с места, отвесил поклон и сухо сказал:

— Прошу прощения. Дела требуют моего присутствия в гостинице.

И, еще раз откланявшись, удалился...

На следующий день рано утром, выйдя из гостиницы, Егоров неожиданно где-то на пустынной улице лицом к лицу столкнулся с Катрин. Видимо, она ждала его или, может, шла следом.

— Здравствуйте! Вы, оказывается, русская. Из лагеря перемещенных?

— Вам уже все известно обо мне...

— Вы пришли сюда, чтобы повидать меня?

— Да. К вам большая просьба. Возьмите эту маленькую посылку. Сувенир племяннику. Брат не хочет, чтобы я посылала ему посылки. Пишет, что не нуждается... И вообще... Чурается. Но тут маленький сувенир... Спиннинг. Я ему напишу. Он сам зайдет к вам. Вы не возражаете? Окажите услугу... Что делать, так сложилась судьба. Не упрекайте меня.

Она передала ученому маленькую, аккуратно перевязанную коробочку. И тут же быстро исчезла в переулке, сжав в руке листок с московским адресом советского гостя.

Все это произошло так стремительно быстро, что Петр Максимович даже не успел опомниться. И только после того, как за поворотом в последний раз мелькнула русая головка, он подумал: к чему бы вся эта история?

Через несколько дней делегация уезжала домой. Ее тепло провожали организаторы симпозиума. Дженни приехала на вокзал вместе с братом, словно ничего и не произошло в тот вечер. Карл обнимал гостя и говорил:

— Я надеюсь, что наше приятное знакомство продолжится в Москве. До скорого свидания, господин Егоров...

В Москве его встречали шеф и Наталья Викторовна. Петр Максимович увидел переводчицу, покраснел и расплылся в радостной улыбке: да, ему приятно видеть ее среди встречающих. И он прямо сказал ей об этом.

В первый же вечер, когда они остались вдвоем, Наташа призналась Петру, что она часто думала о нем, думала и немного беспокоилась.

— А ты? Хоть раз вспомнил?

Он ничего не ответил, а только крепкой рукой взял ее под локоть, и они долго шагали молча.

— Я думал о тебе и сравнивал с этой... Ее зовут Дженни.

И он все рассказал ей — о гиде, о его сестре, о возможном приезде назойливого «друга» в СССР.

— Странно все это было... Ты не находишь, Наташа?

— Не знаю, Петя, может, и странно, а может быть, у них так принято... Не правда ли?

«ГИД» ПОЯВЛЯЕТСЯ В МОСКВЕ

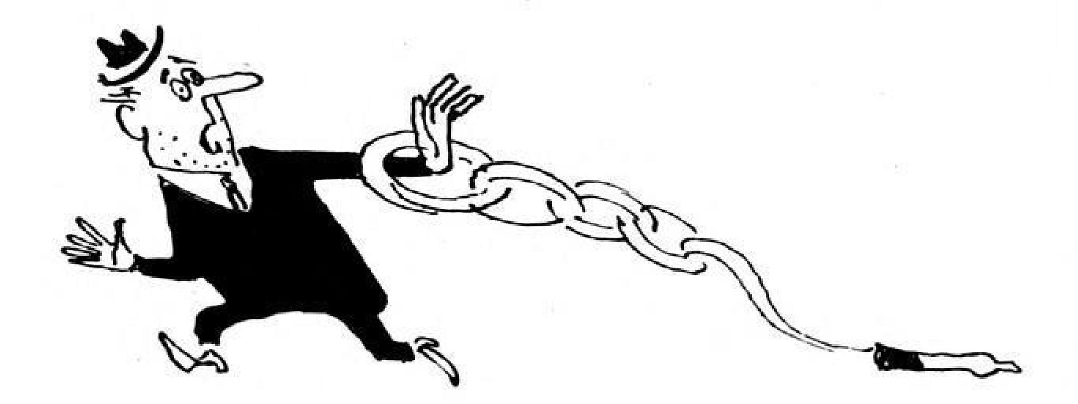
Прошел год. Петр Максимович уже успел позабыть о своей поездке за рубеж. Он был поглощен работой и Наташей, которая, кажется, уже прочно вошла в его жизнь.

И вот нежданно-негаданно нагрянул гость.

Карл дал о себе знать по телефону. Петр Максимович несколько удивился и даже встревожился: он, кажется, не оставлял своего телефона Карлу, а справочная не давала номера телефонов института. Странно! Спросить у Карла, как он узнал номер телефона? Неудобно, обидится... Подумает черт знает что. И Петр Максимович решил: «Чепуха! Мало ли кто из наших ученых, с которыми имеет дело господин Карл, помог ему связаться со мной...»

У. ХАРКЕВИЧ

Как бросить курить?

Прошли слухи, что я бросил курить.

Распустил эти слухи я сам. Хотелось узнать, что будут говорить про это мои родные и знакомые.

Не поверили.

Наперекор неверию я и в самом деле решил раз и навсегда избавиться от вредной привычки.

Бросать курить лучше всего с утра. Так я и сделал. Только перед тем, как лечь спать, выкурил подряд три папиросы, потому что понимал, что они будут последними.

Утром, проснувшись, я потянулся к портсигару, но, вспомнив обещание бросить курить, неохотно отвел руку.

Мучаясь, встал я у окна. Курить хотелось неимоверно. Было еще очень рано, прохожих на улице не видно.

Проснулась жена.

— Не торчи возле окна,— сказала она.— Иди на кухню и приготовь завтрак.

— Не нервируй меня! Я бросил курить,— ответил я.

— Не болтай! — отрезала жена.— Расскажи это кому-нибудь другому.

«Вот как,— подумал я удивленно,— даже жена не хочет верить?»

Настроение сразу испортилось. Я взял портсигар и вышел на крыльцо. Однажды я слышал от соседа, что бросать курить сразу вредно. Это может плохо отразиться на нервной системе. Чтобы этого не случилось, я вытащил папиросу и выкурил ее с неохотой.

Что ни говорите, а все же хорошо некурящему. Дышать стало легче, да и настроение поднялось. Я просто помолодел!

На работу пришел свежий, как огурчик. По дороге встретил своего соседа фрезеровщика Янова. Янов спросил меня:

— Здорово, Семен! Говорят, ты курить бросил?

— Правильно говорят,— ответил я,— и тебе желаю расстаться с этой вредной привычкой, а то ведь ты весь пожелтел от табачного дыма. А я уже папиросу и в рот не возьму. Нет. Мое слово твердое. Сказал — и конец!

Видать, мои слова подействовали на Янова. Он глядел на меня с завистью, как на космонавта, только что вернувшегося на землю.

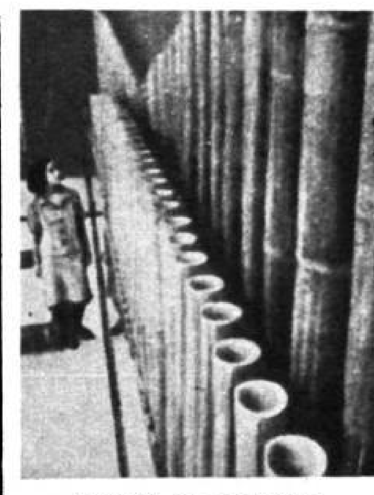
— Главное,— сказал я,— сила воли! Понял? Меня сейчас и не тянет на курево. Хочу курю — хочу нет! Не веришь? Доставай папиросу! Вот смотри.

Я взял у Янова папиросу, прикурил, затянулся несколько раз, пока не выкурил всю, затем с отвращением бросил окурок.

— Вот видишь! А ты не верил. Выкурил — и никакого удовольствия. Волю закалять надо, Янов!

Свое равнодушие к табаку я продолжаю демонстрировать перед родными и знакомыми. Теперь не страдает мой собственный бюджет: для демонстрации я одалживаю папиросы у знакомых, конечно, без отдачи. Так что бросить курить можно. Не верите? Давайте папиросу!

Перевел с белорусского
Василий СМИРНОВ.

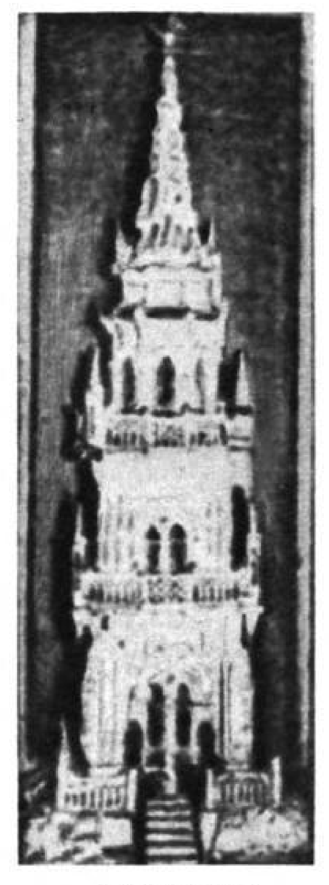
СДЕЛАН ИЗ БАМБУКА

Недавно в Токио один изобретатель сконструировал оригинальный орган. Он имеет 497 различных по длине и диаметру бамбуковых трубок.

ЗВЕЗДА ЭКРАНА

Перед вами сиамский кот, который снимался в фильме Уолта Диснея «Операция «Кот». Фильм с его участием побил все рекорды по числу посетителей. Критики пишут об этом знаменитом коте, как о профессиональном киноартисте.

АРХИТЕКТУРА СЛАДКОГО ИСКУССТВА

В Шибенике (Югославия) живет старый кондитер Стево Мандич, которого сограждане называют архитектором сладкого искусства. Он знает секрет изготовления более трехсот видов тортов. В комнате Стево Мандича в стеклянном шкафу хранится кондитерское изделие, выполненное им еще в 1917 году.

В ПОМОЩЬ МУЖЧИНАМ ▶

Слабый интерес мужчин к футбольному судейству вызвал серьезную озабоченность среди швейцарских футбольных клубов. Поэтому пришлось обратиться за помощью к женщинам. Недавно одиннадцать швейцарских женщин успешно сдали экзамены и получили звание футбольных судей.

Можно было по-разному относиться к гостю, но долг вежливости обязывал. Они были в театре, ужинали в ресторане, и он возил Карла по городу, показывал Москву, а потом пригласил домой на обед — мама отлично продемонстрировала настоящую русскую кухню. Выпили, закусили, поели блинов с икрой. Пошел оживленный разговор. Гость восторженно говорил о русских ученых, и в частности о шефе Петра Максимовича, с которым был хорошо знаком по литературе. И вдруг неожиданно заявил:

— Перед моим отъездом в Москву редактор нашего очень популярного журнала попросил меня передать вам его предложение — выступить в журнале со статьей. О чем? О ваших исследованиях... Большой гонорар, известность... Весь мир заговорит о вас...

Гость испытующе смотрел на Петра Максимовича и несколько раз повторял:

— Большой гонорар... Известность, даже, если хотите знать, слава! Правда, я где-то прочел, кажется, у Бальзака, что слава — товар невыгодный: стоит дорого, а сохраняется плохо. Но это не имеет значения. Гонорар в сочетании со славой — это, знаете ли...

Петр Максимович в резкой, даже несколько грубой форме оборвал Карла:

— Вы отдаете себе отчет в том, что означает ваше предложение? Если бы вы не были моим гостем...

Но «гид» быстро переключился на шутливый тон и поднял тост за всемирную дружбу ученых. Уже прощаясь, он дружески похлопал хозяина дома по плечу.

— А насчет статьи вы все-таки подумайте... Да, между прочим... Есть вариант... Послушайте, вы можете сдать статью, оговорив при этом, чтобы ее не публиковали, если это вам по каким-нибудь причинам нежелательно. Подумайте и над таким вариантом... Ну, а гонорар само собой...

И вдруг неожиданно для гостя хозяин тоже дружески похлопал «гида» по плечу и решительно сказал:

— А вы знаете, это, кажется, неплохой вариант. Есть о чем подумать. Увидимся — поговорим...

Рано утром Петр Максимович позвонил в КГБ и попросил срочно принять его...

ОН ИЛИ НЕ ОН?

— Да, пропуск оставлен. Жду...

Звонок Егорова весьма обрадовал майора Птицына: все идет так, как и должно идти.

Несколько дней назад с границы сообщили, что долгожданный гость проследовал с группой туристов в Москву. И, докладывая об этом генералу, майор сказал:

— Думаю, товарищ генерал, что события должны развиваться следующим образом. Турист обязательно повстречается с Егоровым и, вероятно, все же попытается установить с ним контакт. На какой почве? Пока сказать трудно. Но я почти уверен, что Егоров после визита туриста сам явится к нам.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Сегодня я снова прослушивал пленку, присланную «Ландышем». В тот вечер в доме Дженни ученый вел себя, я бы сказал, предостойнейшим образом. «Ландыш» снова подтверждает: Карл рассматривает Петра Максимовича как орешек весьма крепкий. Не надеется сразу расколоть. Однако пытаться будет...

И вот звонок. Майор ждал его с утра. Он знал, что вчера вечером Карл был в гостях у ученого.

...Петр Максимович старается восстановить во всех деталях свои встречи на симпозиуме, визит к «гиду», разговор с Дженни-обольстительницей, как он ее давно уже окрестил. Рассказывает и вслух размышляет:

— Теперь я понимаю... Грубая ловушка, грубая и неумная. Я бы сказал, топорная работа. Когда встречаешь этакое в детективе, поражаешься бедной фантазии автора. А вот сама жизнь...

Егоров готов чем только можно помочь чекистам. Он старается нарисовать портрет Карла. «Это же очень важно для вас. Я знаю... Так вот слушайте...» Майор слушает и с трудом сдерживает улыбку. Так и подмывает достать из папки фотографию Карла и показать: «Вот же он какой!» Ладно, придет время — все покажут Егорову. А пока майор слушает и мысленно сопоставляет: все сходится с сообщением «Ландыша». Слушает и думает: Петр Максимович действительно орешек крепкий. Карл это знает и все же надеется раздобыть сведения о работе института. Так он и говорил Дженни перед отъездом.

— Что вы сказали гостю, прощаясь?

— Могу воспроизвести свою последнюю фразу: «Подумаю, обязательно подумаю... Увидимся — поговорим».

— Когда вы снова встретитесь?

— Завтра... У меня дома...

— Постарайтесь вселить в гостя надежду, что не исключена возможность такого варианта — вы дадите краткую информацию для журнала... Обязательно поинтересуйтесь суммой гонорара.

Уже прощаясь, майор передал Петру Максимовичу небольшой фотоальбом с видами Москвы.

— Пусть он лежит у вас дома, на столе... Мы с вами встретимся послезавтра... Нет, сюда вы не приходите. Учтите, за вами тоже могут следить. Встретимся в книжном магазине... Я сам

РЕСТОРАН-БОЧКА

В Бургасе (Болгария) на берегу Черного моря построен ресторан в виде бочки.

ВЫСТАВКА МОД ПОД ВОДОЙ

Необычная выставка пляжных мод была устроена в Париже. Манекенщицы демонстрировали модели в огромном стеклянном бассейне.

ДЛЯ ПУТЕШЕСТВИЙ

Большой интерес на выставке в Кельне вызвал заплечный стульчик для детей.

О ПОЧТОВЫХ ЯЩИКАХ

Первые почтовые ящики появились 400 лет назад во Флоренции. Они висели возле дверей тогдашних полицейских управлений, и в них опускали анонимные доносы на ученых, подозреваемых в связях с дьяволом, на философов, исповедующих прогрессивные взгляды, и на политиков, якобы замешанных в заговорах.

СИМВОЛ УСПЕХОВ

На самом видном месте перед школой в югославском городе Лознице установлена сверкающая бронзой огромная пятерка, олицетворяющая цель, к которой должны стремиться ребята.

ВОСЬМИМЕСЯЧНЫЙ ЖОКЕЙ

Датчанин Джон Хансен — самый маленький жокей. Посмотрите, как он уверенно держится в седле. Джона обучил верховой езде его отец, который считается лучшим жокеем страны.

подойду к вам... Не забудьте захватить с собой фотоальбом...

Петр Максимович покраснел и растерянно спросил:

— Понятно... Альбом... В порядке проверки... Неужели вы мне не доверяете? Хотите записать на пленку? — И он сердито ткнул в альбом.

— Да не обижайтесь вы, Петр Максимович. Ученым свойственна некоторая рассеянность. Ну-ну, не возмущайтесь... Позвольте вам задать один вопрос: вы все, что касается ваших встреч за рубежом, рассказали? Или, может, кое-что забыли... Подумайте.

Петр Максимович стал мучительно перебирать в памяти каждый час своей жизни в те дни.

— Как будто бы все...

— Вот видите, экий вы... какое бы это слово помягче подобрать: ну, не наблюдательный, что ли, рассеянный...— И Птицын расхохотался.— А молодая женщина, которая просила вас отвезти спиннинг племяннику... Забыли?

Ученый дрожащей рукой потер лоб, на котором выступили капли пота.

— Боже мой, как же я мог забыть и не сказать вам... Но я никак не связывал ту женщину с гидом-туристом, с Дженни. Неужели это их агент? Теперь я понимаю. Боже мой, как я попался!..

— Вы же заполняли таможенную декларацию и знаете, что запрещается перевозить что бы то ни было для передачи третьим лицам.

— Но я честно заявил сотрудникам таможни, что этот спиннинг меня просили передать. И сказал даже, кто просил... Спиннинг у меня забрали. А перед отходом поезда вернули... Вернули и сказали: «Ладно, везите. Пусть парень рыбу ловит».

Егоров умолк, а потом глухо сказал:

— Вы должны мне верить, товарищ майор!

— Да успокойтесь же вы, Петр Максимович! Если бы я вам не верил, то уж, конечно, не дал бы понять, что располагаю несколько более подробными сведениями, чем те, которые в вашей памяти улеглись. Сейчас же от вас требуется максимальная выдержка, спокойствие. Желая точно знать, что он будет говорить вам, мы даем эту штуку. Не скрою: штука эта вмонтирована в альбом. Да, чуть не забыл. Последний вопрос: вы не встречали больше человека, забравшего у вас спиннинг?

— Встречал. Точнее, видел... Два раза... Через неделю после того, как я вернулся с симпозиума, мне позвонил какой-то человек и отрекомендовался: «Я брат Кати, которая передала вам спиннинг для моего сына». Я, естественно, пригласил его зайти за посылочкой. Назначил время — в субботу вечером. Он не пришел. А в воскресенье утром позвонил и сказал, что живет очень далеко от моего дома. И тут же спросил: «Где вы работаете? Собственно, меня интересует только район, так сказать, место возможной встречи». Я назвал. Он обрадовался: «Отлично. Я работаю в том же районе. Близ станции метро. Вы не возражаете — буду ждать вас завтра в девять часов утра у выхода из станции метро. Я ношу зеленую шляпу, хожу с палкой. Большое спасибо. Я ведь живу в Мытищах. Ехать специально за спиннингом хлопотно». Вот и вся история.

— Ясно. Опытный дядька. А где же вы его снова встретили?

Петр Максимович застенчиво улыбнулся.

— Это несколько интимная история. Но от вас у меня нет секретов... Недалеко от дома девушки, с которой меня связывает...

Петр Максимович запнулся, и майор поспешил на выручку:

— Крепкая дружба?

— Будем считать, что так. В общем, это даже не имеет в данном случае существенного значения. В субботу мы не успели договориться о воскресном дне. Звоню ей утром — никто не отвечает. Тогда я решился нагрянуть без звонка. Иду и еще издалека вижу, как из «Гастронома» выходит моя знакомая. Я ускорил шаг. Она уже вошла в парадное, а я только с «Гастрономом» поравнялся. И тут он из магазина...

— Поздоровались?

— Я поклонился, но он,— может быть, это мне показалось — отвернулся в сторону... Вероятно, не заметил.

— Давно это было?

— Нет, в минувшее воскресенье.

Майор мысленно зафиксировал: «На следующий день после встречи ученого с туристом».

— Каков он из себя, папа рыболова?

— Фигура этого папы весьма напоминает фигуру тяжелоатлета. Здоров, как бык! Крупное лицо, чуть приплюснутый нос.

Майор поблагодарил ученого и, уже прощаясь, спросил:

— Простите... Как зовут ту девушку...

— С которой, как вы заметили, меня связывает крепкая дружба? О ней речь? Наташа, Наталья Викторовна... Чудесный человек и очень хороший товарищ...

Птицын вернулся в кабинет и достал из сейфа папку, на которой крупно было выведено только одно слово: «Ландыш». В папке лежала фотография того самого «тяжелоатлета», о котором только что рассказывал ученый. На обороте фотографии стоял большой вопросительный знак. Майор долго рассматривал снимок и мысленно продолжал диалог: «Он или не он? А если он, то как его найти? Эх, «Ландыш», «Ландыш» ты наш дорогой! Даже фотопленку умудрилась прислать. Теперь дело за нами... А может, еще одно твое усилие, «Ландыш»,— и мы узнаем его».

Продолжение следует.

Виталий **ТАТАРИНОВ**

Арабески

Весна мне приносит веснушки,
Лето приносит ромашки,
А осень приносит мне листья,
И на них я пишу мои фрашки.

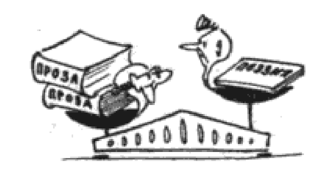

МОРАЛИСТАМ

СТОИТЕ вы
на правильном пути,
Но путь
проложен,
чтобы им
ИДТИ!

К ДНЮ ПОЭЗИИ

День поэзии.
Год прозы.
Какие несоизмеримые дозы!

О МУДРОСТИ

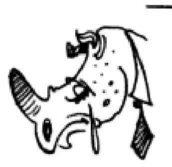
Мудрость
сгибает плечи.
И все-таки
с нею
легче.

ПОЭТАМ-ПЕСЕННИКАМ

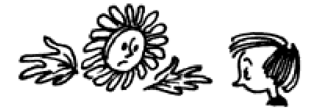
О чем тоскует душа поэта?
О том,
чтоб была его песенка
спета.

Странная арифметика:
Две полуправды берешь
И получаешь в итоге
Одну
полновесную
ложь.

Ужасно досадно быть носорогом:
Сразу остаться
и с носом,
И с рогом.

Любит, не любит —
люди гадают.
Но этого
даже ромашки
не знают.

Годы несутся.
Знакомых
встречаю я реже и реже.
Меняются взгляды и люди,
И только ромашки
все те же.

ЛЕТНЕЕ

Июнь.
А город вьюги замели.
По улицам бессонным бродят
песни.
...Пушинка тополя
касается земли,
И шар земной
теряет равновесье.

— Что вы, какая рука! Не было никакой руки.
Рисунок В. Тильмана.

— Что, так и будем перед каждым знаком останавливаться?
Рисунок В. Тильмана.

В школе парикмахеров.
Рисунок А. Хлебова.

На первой странице обложки: Эскадренный миноносец в походе.
Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: Испания. Сверху вниз: У колонки. Старый крестьянин. Коррида.
Фото Ю. Гаврилова.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

ПОДЛИВАТЬ МАСЛА В ОГОНЬ

Н. В. Гоголь в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» писал: «Весьма могло быть, что сии достойные люди на другой же бы день помирились, если бы особенное происшествие в доме Ивана Никифоровича не уничтожило всякую надежду и не подлило масла в готовый погаснуть огонь вражды».

Кто же сочинил выражение «подливать масла в огонь»? Гоголь? Нет. Просто этими образными словами, смысл которых — подзадоривать, усугублять неприязненные чувства, отношения, охотно пользовались русские писатели. А выражению этому добрых две тысячи лет. Его впервые употребил в «Третьей сатире» римский поэт Гораций.

РАЗГОВОР В ПОЛЬЗУ БЕДНЫХ

Среди дворянства и купечества считалось модным устраивать всякого рода «благотворительные» вечера. На них показывали любительские спектакли, разыгрывали лотереи, обходили присутствующих с подписными листами. Эти затеи сопровождались, как правило, слащавыми речами, высокопарными призывами жертвовать «в пользу бедных».

Ничтожность пожертвований и сопутствующие им притворные слова участия, которые мало чем могли помочь обездоленным, послужили поводом для создания иронического выражения «разговор в пользу бедных», смысл которого — неискренние, пустые слова, надуманные доводы.

Э. ВАРТАНЬЯН

Главный редактор — **А. В. СОФРОНОВ.**

Редакционная коллегия: **И. В. ДОЛГОПОЛОВ** (главный художник), **Б. В. ИВАНОВ** (заместитель главного редактора), **Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ** (ответственный секретарь), **И. Ф. СТАДНЮК** (заместитель главного редактора), **Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.**

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10656. Подписано к печати 27/VII 1966 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. Печатн. листов 5,0.
Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 1 152. Заказ № 2021.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Идут дежурить на женский пляж.
Рисунок В. Воеводина.

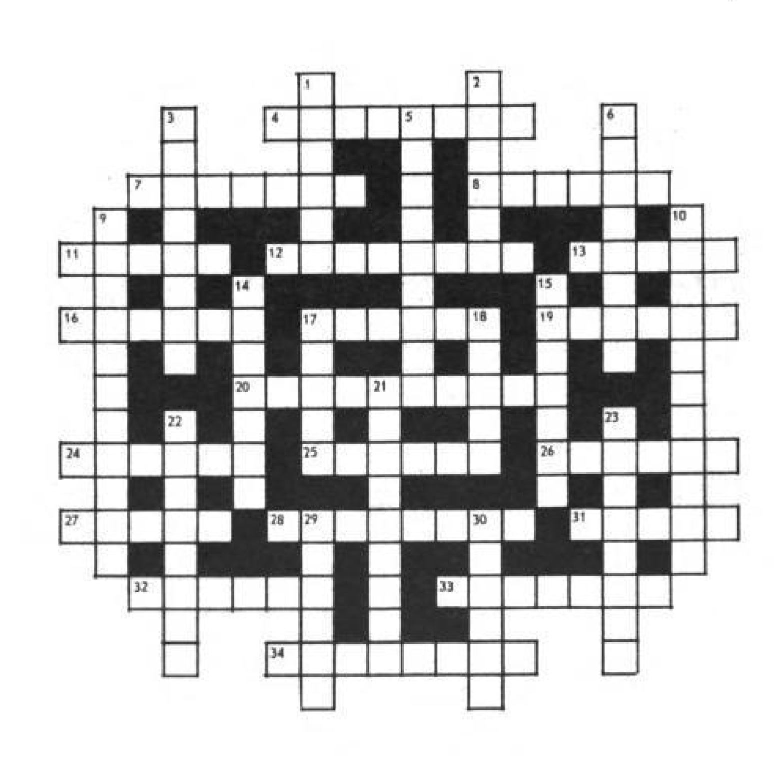
Сапожник в столовой
— Принесите мне еще один шницель.
Рисунок А. Грунина.

— Правда, Петя, очень удобно?
Рисунок В. Воеводина.

— Мы полюбили друг друга с первого взгляда.
Рисунок В. Тамаева.

— Караул! Родители гостинцы привезли!
Рисунок В. Воеводина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Зодиакальное созвездие. 7. Река в Африке. 8. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Черевички». 11. Крупная ящерица. 12. Фламандский картограф. 13. Водное пространство. 16. Ягода. 17. Советский физик, академик. 19. Французский писатель. 20. Дипломатический документ. 24. Работник связи. 25. Искусственное волокно. 26. Город во Франции. 27. Остров в Карибском море. 28. Шаблон. 31. Приспособление для ловли птиц. 32. Озеро в Сибири. 33. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 34. Огородное растение.

По вертикали:

1. Столица Македонии. 2. Столярный инструмент. 3. Картина В. Маковского. 5. Рыба семейства окуневых. 6. Перерыв в занятиях учебных заведений. 9. Греческий писатель. 10. Вещество, ускоряющее химическую реакцию. 14. Настольная игра. 15. Музыкальный инструмент. 17. Печь с открытой топкой. 18. Приток Лены. 21. Чертежный инструмент. 22. Единица мощности. 23. Штат в США. 29. Скульптурное изображение на плоскости. 30. Персонаж повести Л. Н. Толстого «Казаки».

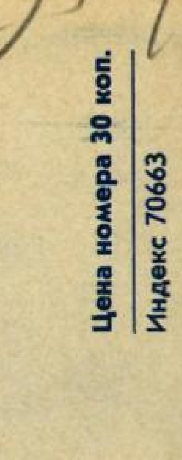
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали:

5. «Квартет». 6. «Баядера». 8. Кегль. 9. Иванушка. 10. Каватина. 11. Слива. 13. Маршак. 16. Чардаш. 18. Манизер. 21. Пенька. 23. «Шинель». 25. Глава. 27. Сложение. 28. Лимонник. 29. Копье. 30. Сенегал. 31. Диалект.

По вертикали:

1. Мерлушка. 2. Кедровка. 3. Лефкас. 4. Калька. 5. Караван. 7. Андижан. 12. Индиана. 14. Штиль. 15. Кумжа. 16. Чарыш. 17. Риман. 19. Сенокос. 20. Планшет. 22. Конгресс. 24. Исмаилия. 25. Гектар. 26. Алехин.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

